

ГУМАНІТАРНЫ ЦЭНТР
ДАСЛЕДВАННЯЎ УСХОДНЯЙ ЕЎРОПЫ
(Гродна)

ДУК “ГРОДЗЕНСКАЯ АБЛАСНАЯ НАВУКОВАЯ
БІБЛІЯТЭКА
ІМЯ Я.Ф. КАРСКАГА”

УК “ГРОДЗЕНСКІ ДЗЯРЖАЎНЫ
ГІСТОРЫКА-АРХЕАЛАГІЧНЫ МУЗЕЙ”

АРХЕАГРАФІЧНАЯ КАМІСІЯ
КАМПІЭТА ПА АРХІВАХ І СПРАВАВОДСТВЕ ПРЫ СМРБ
(Гродзенскае аддзяленне)

СТЭФАН БАТОРЫЙ Ў ГІСТАРЫЧНАЙ ПАМЯЦІ НАРОДАЎ УСХОДНЯЙ ЕЎРОПЫ

(Матэрыялы міжнароднага круглага стала.

Гродна, 26 верасня 2003 г.)

ГРОДНА
2004

ББК 63.3 (о) 4. + 63.3 (4 Бел) 4
+ 63.3 (4) 4
Б 28

Рэцэнзенты:

заг. кафедры ўсеагульнай гісторыі ГрДУ
імя Я. Купалы, прафесар, доктар гістарычных навук
А.М. Нечухрын;

заг. аддзела крыніцазнаўства Інстытута гісторыі НАНБ,
доктар гістарычных навук
Г.Я. Галенчанка;

дацэнт кафедры крыніцазнаўства БДУ, кандыдат
гістарычных навук
М.Ф. Шумейка

Рэдкалегія:

Дзмітрый Караў (*адказны рэдактар і ўкладальнік*)
Лідзія Мальцава
Наталля Мілоста

Б 28 Стэфан Баторый у гістарычнай памяці народаў
Усходняй Еўропы. - Гродна: ГЦДУЕ, 2004. - 328 с.

Матэрыялы гэтай кнігі даюць магчымасць чытачу даведацца аб распрацоўках беларускіх і польскіх вучоных у галіне даследвання гісторыі Рэчы Паспалітай і Вялікага княства Літоўскага часоў праўлення выдатнага дзяржаўнага дзеяча другой паловы XVI ст. караля Стэфана Баторыя, які пакінуў значны след у гістарычных падзеях Усходняй Еўропы. У кнізе прадстаўлены тэксты дакладаў, *прачытаных у Гродна 26 верасня 2003 года падчас правядзення міжнароднага круглага стала "Стэфан Баторый у гістарычнай памяці народаў Усходняй Еўропы"*.

Спадзяемся, што кніга будзе цікавай для навуковых супрацоўнікоў, выкладчыкаў гумантарных дысцыплін, аспірантаў і студэнтаў-гумантарыяў, усіх тых, хто цікавіцца багатай і маладаследаванай гісторыяй Вялікага княства Літоўскага другой паловы XVI ст. і гістарыяграфічнай рэфлексіяй на падзеі гэтага часу ў айчыннай і польскай гістарыяграфічнай традыцыях канца XVI - XX стст..

ББК 63.3 (о) 4. + 63.3 (4 Бел) 4
+ 63.3 (4) 4
Б 28

© Караў Д.У., 2004
© Дызайн. Руселік В.В., 2004

II. МАПАГРАФІЯ

4

Александр Литвинский
Дмитрий Карев

**ЗАПАДНОРУССИЗМ
В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX
НАЧАЛА XX ВЕКОВ**

ВВЕДЕНИЕ

Белорусский народ в который уже раз переживает переломный момент своей истории. С этим утверждением соглашаются представители различных социально-политических слоев и групп белорусского общества, позиции которых по многим другим вопросам очень часто кардинальным образом расходятся.

Конец XX в. стал для Беларуси периодом своеобразной бифуркации, характеризующейся тем, что старые системообразующие связи, свойственные советской эпохе её истории, во многом разрушены, а новые еще не созданы. Это состояние неизбежно делает актуальной проблему выбора путей дальнейшего развития, причем всегда существуют альтернативные его варианты. Один из них должен превратиться в реальность. Разумеется, что в такой ситуации обществу предлагается сразу несколько таких вариантов (с ориентацией на Россию или на Западную Европу, с апологетикой рыночных отношений или государственного регулирования экономики, с сохранением и развитием советских традиций или с построением демократического общества, основанного на либеральных ценностях, с пропагандой культурного космополитизма или с опорой на национальную культуру). Как практически всегда бывает в подобных случаях, полемизирующие стороны апеллируют к историческому опыту народа, в данном случае, белорусского. Поэтому в белорусской истории ищут аргументы для обоснования правильности вышеперечисленных альтернатив развития самые различные по своим убеждениям ученые, публицисты, общественные и политические деятели.

Подобного рода периоды особенно благоприятны для исторической рефлексии, в процессе которой вновь и вновь задается сакраментальный вопрос: «Чему же учит история?». Естественно, что в поисках ответа на этот вопрос общество обращается прежде всего к профессиональным историкам, которые, оправдывая собственную востребованность, должны предъявить ему свои знания, являющиеся результатом высокой квалификации и как можно более объективного анализа прошлого. Однако способность служителей музыки истории Клио выполнить свою профессиональную, социальную и даже нравственную миссию вызывает небезосновательные сомнения у всех, интересующихся проблемами данной науки. На наш взгляд, представители исторической науки не в достаточной степени могут в настоящее время выполнить функцию обеспечения общества выверенным знанием. Происходит это по двум взаимосвязанным, но имеющим несколько разные гносеологические корни причинам. Первая из них заключается в наследии тоталитарного государства. Действительно, ученым-гуманитариям весьма трудно освободится

от инерционного влияния господствовавшей с 20-х по 80-е годы XX в. марксистской парадигмы – знаменитого «исторического материализма», вдобавок к своей односторонности изрядно вульгаризированного в ходе довольно-таки частых изменений политического курса ВКП(б)/КПСС, каждое из которых приводило к определенной трансформации официальной, претендующей на абсолютную истинность доктрине, что придавало последней эклектический характер, разрушая первоначальную, разработанную Марксом и Энгельсом историософскую систему, которой нельзя отказать в целостности и присущей монистическим теориям формальной логичности. Однако подобного рода трансформации, объявлявшиеся в зависимости от политической конъюнктуры то проявлением ревизионизма, то «творческим развитием» марксизма-ленинизма, не приводили и не могли в условиях сохранения тоталитарного режима в принципе к научному плюрализму. Ученые, и в их числе историки, вынуждены были с напряжением следить за очередными зигзагами «генеральной линии» ВКП(б)/КПСС, чтобы постоянно согласовывать с ней свои концепции. Историк, в отличие от литераторов, был лишён возможности писать «в стол» с надеждой на опубликование его трудов в будущем, поскольку в подобном случае не выполнялось требование апробации тех или иных научных гипотез в дискуссиях, выдвижение контрверз. Единственное, что мог себе позволить специалист по изучению прошлого – это представить свои научные достижения в качестве примера вышеупомянутого «творческого развития» официального учения. По существу, советская политическая система видела в так называемой интеллигенции своего рода обслугу, ожидала от неё рабской покорности и эту покорность последовательно и настойчиво воспитывала. Разумеется, вышесказанное не означает, что в советский период у исторической науки не было никаких достижений. Учёные для изложения своих концепций, несхожих с официальными, пользовались относительно короткими моментами либерализации режима (вроде «оттепели» 60-х годов XX в.). Некоторые сферы научных исследований не попадали под строгий контроль идеологических цензоров, потому что не казались им определяющими для доктрины, либо требовали глубокого, квалифицированного анализа, которого эти цензоры провести не могли. И всё же отдельные успехи исторической науки, являвшиеся результатом нечастых «глотков свободы» (на самом деле, квазисвободы) не могли улучшить общую картину состояния этой науки. Поэтому резкое изменение политической обстановки, произошедшее во второй половине 80-х годов XX века, вызвало у многих исследователей прошлого чувство, близкое к растерянности. Некоторые из них, не утруждая себя поисками новой парадигмы, продолжали отстаивать свои прежние, сформированные всей

прежней системой функционирования науки, взгляды, несмотря на их явное несоответствие фактологическому материалу источников, другие же, кардинально преобразовав свои концепции, пришли к выводам, прямо противоположным прежним. Обе эти группы историков роднит не критический подход как к старой, так и новым историческим парадигмам, что внешне проявляется в излишней политизированности, иногда в прагматизме презентистского толка их историографических построений. Всё это не способствует дальнейшему развитию истории как науки.

Другая причина современного, в целом неудовлетворительного состояния «геродотова ремесла», заключается в недостаточной методологической подготовке историков. Они, даже при всём искреннем желании, не смогут овладеть тайнами этого ремесла, если для себя не ответят на вопросы о предмете, целях и методах изучения избранной ими науки. Ведь без этого стремление к объективному отражению исторической реальности в научных трудах не может быть реализовано. К сожалению, уровень теоретического и методического оснащения специалистов по изучению прошлого пока что явно недостаточен. В результате в своей научно-исследовательской деятельности историк очень часто идёт по пути количественного накопления фактов, что само по себе очень важно, однако при этом во многих случаях игнорируется задача их качественной интерпретации, экстенсивный подход к изучению событий и явлений прошлого преобладает над интенсивным.

Как тоталитарное наследие («внешний» по отношению к исторической науке фактор), так и слабая методологическая вооружённость историков (фактор «внутренний», впрочем, оба они тесно между собой связаны) привели к кризису науки о прошлом на пространствах бывшего Советского Союза и, в частности, в Беларуси. Одним из проявлений этого кризиса стала, по нашему мнению, тенденция к воспроизведению без существенных корректив в трудах историков концепций, характерных для историографии конца XIX – начала XX в. (воистину, здесь новое – хорошо забытое старое). Учёные повторяют некоторые положения предыдущих теорий, часто не обращая внимания на то, что они уже давно были подвергнуты критике со стороны оппонировавших историографических школ. Как следствие такой ситуации, историческая наука совершает в большей степени циклическое, нежели поступательное движение и это обрекает исследователей на неоднократное «повторение пройденного». Конечно же, нельзя при этом сбрасывать со счетов естественное и неизбежное действие исторической преемственности, выражающееся в существовании историографических традиций, однако они должны восприниматься специалистами в области истории критически, что.

как уже указывалось, наблюдается далеко не всегда. Скорейшему выходу «геродотовой науки» из кризисного состояния препятствует недостаточная разработка историографической тематики. Ведь, несмотря на отдельные достижения в этой области [43; 44; 222; 264], фактически до сих пор отсутствуют, за редким исключением, труды обобщающего характера, в которых прослеживался бы путь белорусской исторической науки со времени её возникновения до наших дней и намечались бы перспективы её дальнейшего развития. Причины этого состояния в общем-то те же, что и в отношении исторической науки в целом, разве что ещё добавляется и острый недостаток специализирующихся по данному кругу проблем научных кадров, поэтому историография как специфическая область исторической науки остро нуждается в скорейшем и в то же время как можно более качественном восполнении существующих в ней пробелов. Одним из таких пробелов является недостаточное до сих пор внимание, уделявшееся изучению проблемы влияния идеологии, известной как западноруссизм, на российскую историческую науку. В процессе же ликвидации данного «белого пятна» истории необходимо обратить пристальное внимание на следующие проблемы:

- генезис западноруссизма в российской историографии и этапы (периоды) его развития;
- особенности первого периода функционирования данного историографического явления;
- особенности второго периода его развития в сравнении с первым;
- различные аспекты деятельности историков-западноруссистов (их активность в периодических изданиях соответствующего профиля и влияние их идей, сказывавшееся в работе научных и учебных учреждений);
- философско-методологические принципы западноруссистской историографии и её связь с предшествующей историографической традицией;
- концептуальные основы западноруссистской историографии, её место в процессе развития исторической науки

Подобный план исследования позволит всесторонне и глубоко проанализировать учёным проблему западноруссизма в историографии и придаст этой научной разработке данной проблемы многофункциональный характер.

Комплекс вышеприведённых проблем и определяет направление данного исследования, которое посвящено анализу явления западноруссизма в российской историографии второй половины XIX – начала XX в. Западноруссистские идеи оказывали и оказывают значительное влияние как на общественно-политическую, так и на научно-историческую жизнь белорусского общества, хотя их адепты новейшего времени, в силу

идеологических соображений, далеко не всегда в открытую декларировали верность этим идеям. Именно вследствие боязни выявить связь между приобретенной в ходе своей исторической эволюции официозные черты и поставленной на службу политике царизма западноруссистской историографией и марксистской историографией, в её сталинской, сделавшей большой упор на великодержавность интерпретации, и заключалась, по нашему убеждению, основная причина отсутствия специализированных исследований по рассматриваемой проблеме. Таким образом, западноруссистская тематика (в том числе и прежде всего, историографическая) стала одним из многочисленных «белых пятен» на «карте» научных исследований по истории исторической науки. Необходимы новые исследования по этой проблеме. Предлагаемый заинтересованному читателю научный труд по теме «Западноруссизм в российской историографии второй половины XIX – начала XX века» и является одним из них.

Цель и задачи исследования Целью данного исследования является выяснение проблемы роли и значения западноруссизма в российской историографии второй половины XIX – начала XX вв..

Данная цель определяет конкретные задачи исследования:

1) выяснение степени информативности и репрезентативности источниковой базы по изучаемой проблеме, включающее в себя определение круга источников и их источниковедческий анализ;

2) раскрытие как общественно-политических, так и научно-исторических истоков рассматриваемого направления историографии (социально-политическая обстановка в Российской империи в момент зарождения западноруссизма в историографии и оценка состояния изученности проблем истории Беларуси на данный момент);

3) характеристика историософского и методологического фундамента исследований, проводившихся историками данного направления;

4) рассмотрение конкретно-исторических форм функционирования этого направления;

5) изучение концепции западноруссистской историографии в её приложении как к общему пониманию истории представителями анализируемого направления исторической науки, так и к решению ими отдельных исторических проблем;

6) научное обоснование периодизации истории данной школы историографии и причин её диахронической трансформации.

ГЛАВА 1. ПРОБЛЕМА ЗАПАДНОРУССИЗМА В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ИСТОРИЯ НАУЧНОГО ИЗУЧЕНИЯ И ИСТОЧНИКИ

§1. Историография проблемы (конец XIX в. – XX в.)

История исторической науки так же, как и любая другая область науки, находит своих исследователей. Следует сразу же отметить, что как в дооктябрьский, так и в советский период не появилось исследований, посвящённых проблеме западноруссизма в историографии, то необходимо выделить следующие жанры этих работ: рецензии, опубликованные выступления по случаю юбилеев и кончины историков-западноруссистов, монографии по исторической и близкой к ней тематике. Характерной особенностью почти всей этой научной литературы является её актуальность для своего времени и злободневность – ведь её авторы были современниками представителей данного течения историографии. Естественно, последняя не могла тогда быть осознана как феномен исторической науки, поэтому долгое время (до 80-х гг. XIX в.) не являлась объектом собственно историографических исследований. Относительную немногочисленность таких исследований определял ещё фактор недостаточной разработанности проблематики истории Беларуси, Литвы и, в меньшей степени, Украины в российской историографии. В 60-х – 70-х гг. западноруссисты занимали в разработке этой проблематики положение, близкое к монопольному. Их концептуальные положения не подвергались в данный период основательному анализу, так как у их возможных оппонентов не было достаточно веских аргументов. Лишь в 80-х гг. XIX в. появились научные труды, в которых, наряду с прочими, рассматривалась и западноруссистская историографическая тематика. Однако до 1917 г. подобных трудов было мало. Львиная доля их посвящена анализу научного творчества лидера западноруссизма М.О.Кояловича. Кроме вышеприведённой «жанровой» классификации этих трудов можно классифицировать их по своеобразной аксиологической шкале «оппоненты - единомышленники», представленной самыми различными градациями – от яростных сторонников (апологетов) до столь же яростных противников (критиков).

Рецензионно-критический отдел дореволюционной историографии представляют работы П.О.Бобровского,

К.Н.Бестужева – Рюмина, В.С.Иконникова, Д.А.Корсакова, Н.И.Костомарова, Н.О.Михайловского, А.Никитского, А.И.Попова, А.Скабичевского, Л.З.Слонимского [508, с.9, 10, 279-281]. Авторы этих работ – историки весьма известные и не очень и даже не всегда профессиональные историки – выступали в органах периодики по поводу различных произведений М.О.Кояловича, но особенно «повезло» в этом отношении «Истории русского самосознания» – в этом произведении изложены философско-исторические, а также историографические взгляды автора. Уже тогда (в конце 50-х – 80-е гг. XIX в.) эти, а также конкретно-исторические взгляды лидера западноруссизма встречали как восторженный, так и резко отрицательный, как доброжелательный, так и прохладный приём, однако, разумеется, в них нельзя найти ответа на вопрос о месте и значении творчества Кояловича. Потребовалось некоторое время для того, чтобы оценить его научные деяния в исторической и историографической перспективе.

То же касается и работ «юбилейно-некрологического» цикла. Более того, сам жанр таковых работ накладывал на них неизгладимый отпечаток – ведь о юбилеях и недавно усопших не принято отзываться плохо. Да и работы эти выходили из-под пера единомышленников Кояловича, что также сводило на нет всяческую критичность. И всё же поздравления и особенно некрологи ценны в том смысле, что из их анализа исследователю становится понятно, за что же превозносили Кояловича его соратники и ученики. Кроме того, они ценны также как библиографические источники, ибо в них часто содержится список (более или менее полный) научных и публицистических трудов историка. В этом отношении не имеет себе равных выступление И.С.Пальмова [419], в котором особое внимание было уделено публицистической деятельности М.О.Кояловича. Следует также назвать статьи С.Бершадского, П.Н.Жуковича, С.А.Ковалюка, И.Д.Котовича, А.П.Лопухина, Е.Ф.Орловского, Л.С.Паевского, И.П.Филевича, О.В.Щербицкого. К этому же циклу примыкает некролог по случаю кончины П.Н.Бапошкова (автор Ю.Ф.Крачковский, [290; 508, с.9, 10, 279 – 281]. Другие представители западноруссистской историографии не удостоились такого внимания ни при жизни, ни после смерти.

Охарактеризованные выше работы (в основном, статьи) являются, однако, скорее публицистическими, чем научными. поскольку в случае с материалами рецензионного жанра невозможно считать их исследованиями в области истории исторической науки, так как исследуется не её прошлое, а настоящее (по отношению как к рецензируемому труду, так и к самому рецензенту), а в случае с жанром «поздравлений и некрологов» ощущается явный недостаток столь свойственной для научных работ критичности. Поэтому наибольший интерес вызывают те произведения, в которых западноруссистская

историография исследуется именно как феномен истории исторической науки. Несмотря на отсутствие в период до 1917 г. специализированных трудов по данной тематике, некоторые из обзорных работ должны привлечь в этой связи внимание. Это, прежде всего, исследование А.Н.Пыпина [429]. В нём он указывает на факт явно недостаточной осведомлённости российского общества относительно исторических реалий Беларуси (до восстания 1863 – 1864 гг. оно воспринимало эти земли в качестве польских, или, по крайней мере, литовских); подчёркивает, что само это восстание явилось катализатором возросшего интереса образованных кругов России к белорусской проблематике; считает, что в стремлении опровергнуть взгляд на Беларусь как часть Польши «западно-русские» патриоты хватили через край, допуская одностороннюю тенденциозность в своих суждениях; в качестве примера подобной, переходящей даже границы приличия тенденциозности он приводит деятельность «Вестника Юго-Западной и Западной России» и его редактора К.Говорского, которым даёт саркастическую и резко отрицательную оценку; указывает на положительное значение этнодемографических исследований под руководством П.О.Бобровского [82], хотя частично соглашается с его оппонентом Эркертотом, рассматривает деятельность различных организаций, находившихся в русле западноруссистской историографии, прежде всего, деятельность издательскую (особенно под руководством П.Н.Батюшкова [65]); перечисляет основные научные труды М.О.Кояловича, не комментируя, впрочем, их; отрицательно оценивает факт ликвидации в 1865 г. Виленского музея древностей, производит довольно подробный обзор этнографической и лингвистической литературы, вышедшей из-под пера близких по своим взглядам к западноруссистским учёным; основным противоречием между теоретическими постулатами официальной историографии и её практическими делами он считает противоречие между утверждением об «истинно-русском» характере «Северо-Западного Края» и стремлением его «обрусить» [429, с. 85 – 139].

Работа А.Н.Пыпина в дореволюционный период оставалась непревзойдённой по количеству фактологического материала, имеющего отношение к истории исторической науки в Беларуси и о Беларуси. Среди других необходимо назвать работы А.И.Миловидова [338; 351; 353], П.Н.Миллокова [362, с. 3] (в ней содержится критика историософских взглядов М.О.Кояловича), В.И.Иконникова [200, с. 269, 275] (труд не окончен, в нём указывается на издательскую деятельность М.О.Кояловича, а также Виленской археографической комиссии).

Подводя итоги рассмотрению дореволюционной историографии, посвящённой западноруссистской исторической школе, следует сказать, что в этот период она не была ещё выделена

как особый объект изучения. Одной из причин такого состояния данной проблемы, кроме вышеназванных, является вообще относительная скудность историографических исследований во второй половине XIX – начале XX века – труд самого Кояловича, а также упомянутые труды Иконникова и Милюкова были единичными в своём роде. И раз уж у российских историков «не хватало сил» на проведение исследований по общероссийской историографии, то тем более нельзя было бы ожидать появления большого количества хотя бы обзорных работ, посвящённых историографии истории того либо иного региона Российской империи или анализу определённого направления в исторической науке, в том числе западноруссистского. Отсюда во многом проистекала фрагментарность и недостаточная глубина анализа. Осознанию факта существования отдельного западноруссистского течения в науке о прошлом мешало также и то обстоятельство, что оппонировавшие ей школы – российская либеральная и белорусская национально-демократическая – сложились позже. Стало быть, позже проявился интерес к официальной историографии как во многом противоположной по научно-теоретическим установкам этим школам. Поэтому их представителями (за исключением, в некоторой мере, А.Н.Пыпина) до событий 1917 г. не было создано историографических трудов монографического или хотя бы очеркового характера, посвящённых рассмотрению научных взглядов М.О.Кояловича и его последователей.

Сложившееся положение вещей претерпело существенные изменения в период после Октябрьской революции 1917 г. Главной причиной такого изменения нам видится возрастание значения белорусского национального движения, выразившегося в создании БНР, БССР, политике белоруссизации и в других подобных событиях и факторах. Поскольку западноруссизм являлся безусловным антагонистом этого движения, то остро встала необходимость дать ему соответствующую оценку, в том числе и в сфере историографии.

Другой причиной повышенного интереса к этому направлению исторической науки стала, в силу торжества в советской историографии марксистско-ленинской историософской парадигмы, необходимость дать «классовую оценку» дореволюционной исторической науке, «развенчать» её. Поэтому в историографических исследованиях «школе Кояловича» отводилось место в ряду антибелорусских направлений науки. Она также характеризовалась в качестве охранительной и дворянско-клерикальной. Однако нюансы такой оценки были различными в разные эпохи.

Можно выделить три периода развития советской историографии: относительно либеральные 20-е годы XX в. – время нэпа и белоруссизации; 30-е – 50-е годы – период господства

вульгарно-догматической идеологии; 60-е – 80-е годы – время новой либерализации, правда, весьма непоследовательной. И всё же в оценке пути, пройденного исторической наукой, советские учёные не отличались оригинальностью как в отношении формы (преобладали научные произведения обзорного характера и фактически отсутствовали монографические исследования), так и по содержанию. Более подробной разработке данной проблематики препятствовало негласное табу на исследования культурологического характера, особенно связанные с вопросами формирования национального самосознания белорусов. Излишнее углубление в этот комплекс проблем могло повлечь обвинение в так называемом «буржуазном национализме». Несмотря на декларировавшееся неприятие многих положений досоветской историографии историческая наука охотно заимствовала многое из наработок предыдущих поколений историков. Например, с 30-х годов XIX века, в качестве фактически официально признанного продолжал существовать тезис об извечном стремлении белорусов к «воссоединению» с великорусским народом – тезис, бывший одним из ключевых для западноруссистского понимания истории. Таким образом, специалистам в области историографии было небезопасно как доброжелательно оценивать западноруссизм (это могло повлечь обвинение в контрреволюционности), так и отзываться о нём очень критически (обвинили бы в национализме). Такая картина была характерна для 30-х – 50-х гг. XX в. – именно тогда появилось меньше всего работ по данной тематике. Однако она была присуща и другим периодам.

Если характеризовать 20-е гг., то нужно отметить, что именно в это время была создана (но не дошла до читателя, по причине уничтожения почти всего тиража) единственная по сей день научная работа по проблеме западноруссизма. Это монография А.Цвикевича [498] – видного деятеля белорусского национального движения. Данный труд посвящён анализу западноруссизма как течения общественной мысли и уже во вторую очередь – как феномену историографии. Однако он важен и с точки зрения истории науки о прошлом, так как здесь показаны мировоззренческие корни западноруссизма, его тесная связь с политикой царизма, даны интересные характеристики лидерам данного течения. Автор даёт определение западноруссизма как идеологии, отрицавшей самостоятельность белорусского этноса, вводя, таким образом, само определение в научный оборот; очерчивает круг сторонников этого течения, указывает на основные направления их деятельности; предлагает периодизацию этого движения, исходя из колебаний в политике царизма; приводит своё объяснение причин его подъёмов и кризисов; стремится избежать чрезмерно резких оценок деятельности западноруссистов, несмотря на то, что является их идейным оппонентом; указывает

на антиполонизм М. О. Кояловича и других как на основной побудительный мотив этой деятельности; выделяет в западноруссизме официозное (К.Говорский) и относительно либеральное (М.О.Коялович) направления; подчёркивает своеобразный «западнорусский» патриотизм Кояловича. Учёный признаёт научную ценность некоторых работ этой школы, отмечая, однако, их тенденциозность. Недостаток труда – суждения в духе вульгарного социологизма, проявляющегося в стремлении жёстко связать изменения в экономике с изменениями в идеологии.

Этот же период отмечен трудом В.И. Пичеты [422, с. 184 – 186]. С позиций либеральной историографии он даёт отрицательную оценку научному творчеству Кояловича, хотя и признаёт возрастание научной гибкости в работах младших представителей этой школы – П.Н.Жуковича и К.В.Харламповича.

М.В. Довнар-Запольский в своём исследовании [180, с. 366 – 370] (опять же в 20-е гг. не опубликованном!) подчёркивает официальный характер западноруссизма в историографии; даёт обзор деятельности Виленской археографической комиссии; в целом высоко оценивает творчество Кояловича; указывает на «второе издание» западноруссизма, произошедшее после революции 1905 – 1907гг.

Аналізу краеведческой деятельности, в том числе деятельности организаций, исповедовавших идеологию западноруссизма, посвящена работа М.И.Касперовича [246].

30-е гг. XX в. принесли с собой резкое усиление тоталитарных тенденций в исторической науке. Одним из наиболее ярких проявлений стал труд В.К.Щербакова [516]. Написан он с позиций «марксистского прокурора», о чём свидетельствуют резко отрицательные оценки, которые автор даёт фактически всем представителям дореволюционной историографии истории Беларуси. Западноруссизм он клеймит как дворянское и антибелорусское течение в исторической науке. При этом оно неправомерно сближается с либеральной и белорусской «буржуазно-националистической» историографией [596, с. 20 – 48]. Такой огульный подход во многом обесценивает эту работу, несмотря на справедливое замечание о создании находившихся под влиянием этой идеологии учреждений исторической науки.

Следующая достойная внимания работа по данной тематике появилась в конце 50-х гг.. Это работа В.Н.Перцева [414, с.721 – 723, 725, 421], ещё сохранявшая, несмотря на начавшуюся «оттепель», догматическую тенденциозность. В ней автор подчеркнул клерикальный монархизм М. О. Кояловича; указал на фундаментальное изучение последним источников, выделение им элементов истории Беларуси из истории ВКЛ, Речи Посполитой и Российской империи; отметил фактологическое богатство трудов Кояловича; невысоко оценил творчество П. Н. Батюшкова и П. Д.

Брянцева; подверг критике теорию «золотого века», которой якобы придерживался Коялович [414, с. 721 – 725].

Очерковый характер произведений, посвящённых истории исторической науки, в том числе истории западноруссизма, сохранялся в 60-е – 80-е гг. XX в.. Среди них можно назвать работы Л.В.Алексеева [43; 44], Г.Я.Голенченко [158], А.П.Грицкевича [164], Г.А.Кохановского [273], С.М.Самбук [445; 446], П.В.Терешковича [481], Н.Н.Улашика [485; 486], И.В.Чаквина [506]. Общая тенденция, характерная для этих работ наиболее выражена в обзорном труде З.Ю.Копысского и В.В.Чепко [264], в котором повторяются уже ранее данные оценки историографии западноруссизма.

Новый этап историографических исследований наступил, в связи с крушением тоталитарного общества, в конце 80-х – 90-х гг. XX в. и продолжается до сих пор. Для него характерны: пробуждение как профессионального, так и в меньшей степени общественного интереса к историографии; введение в научный оборот ранее недоступных читателю научных трудов, освещающих проблемы развития исторической науки (например, труды Цвикевича, Довнар-Запольского, Кояловича); публикация новых трудов по историографии, излагающих новую же (или хорошо забытую старую) позицию по отношению к данному кругу проблем; значительная активизация представителей как «неонароднического», так и неославянофильского (нео западноруссистского) направлений и возникновение энергичной полемики между ними.

Крупным исследованием в данной области является работа Д.В.Карева [222, с. 234 – 393]. В ней он указывает на поддержку анализируемого направления историографии царизмом; обращает внимание на создание Кояловичем в стенах ПДА «исторической школы» из своих последователей; характеризует деятельность учреждений, питавших своими материалами западноруссистскую историографическую концепцию; считает полонифобию Кояловича препятствием на пути к научной объективности; признаёт определённую эволюцию этого направления историографии; подчёркивает важную роль российской либеральной историографии в доказательстве научной несостоятельности этой концепции [222, с. 323 – 347].

Иную позицию занимает В.Н.Черепица [508]. В своей работе он высоко оценивает личность и творчество Кояловича; показывает историческую обусловленность его взглядов; всесторонне анализирует его деятельность, отрицает её ангажированность царскими властями и принадлежность учёного к дворянско-клерикальной историографии; негативно относится к деятелям белорусского национального движения, проявляя, таким образом, солидарность с западноруссистами и утверждая при этом тезис о противоборстве на землях Беларуси двух культур: русско-

православной и польско-униатско-католической. Всё это позволяет охарактеризовать позицию автора как неославянофильскую. Подобные взгляды изложены и в других его работах [509; 510].

Согласен со взглядами В.Н.Черепицы Я.И.Трешенок [280; с. 674-678], также дающий высокую оценку деятельности М.О.Кояловича. В более осторожной форме это же делает Теплова [480].

Из работ последнего времени надо отметить также исследования А.Н.Нечухрина [393], В.П.Пичукова [424] и П.Г.Чигринова [514], имеющие характер очерков. В последней из них западноруссизм рассматривается как порождение «консервативно-монархической» идеологии; указывается на его «официальный», «прагматический» характер и нарастание после событий 1863 – 1864 гг. «антипольской непримиримости» с его стороны; подчёркивается, что на рубеже XIX – XX вв. обострились его отношения с белорусским национальным движением; признаётся, что М.О.Коялович считал возможным существование отдельного белорусского народа; Л.М.Солоневич, несмотря на не опровергаемую автором принадлежность к западноруссистской историографии, относится в то же время к либеральному направлению [514, с. 178 – 195].

Таким образом, хотя проблеме западноруссизма в российской историографии и уделялось определённое внимание, оно было всё же не достаточным, ибо отсутствовали комплексные работы по этой проблеме.

§2. Источники для изучения проблемы западноруссизма в российской историографии

Приступая к анализу источниковой базы исследования, необходимо отметить, что статистические методы при обработке источников по данной теме неприемлемы. Каждый из них индивидуален и, несмотря на типологическую схожесть, неповторим. Однако это вовсе не означает, что их круг узок и исчерпаем – ведь большинство этих источников ещё не послужили науке в полной мере. Стало быть, историк неизбежно оказывается перед необходимостью их выбора по критерию репрезентативности (информационной насыщенности и значимости), для всестороннего исследования выбранной историком проблемы.

Основным признаком классификации этих источников является их происхождение, во многом определяющее характер содержащихся в них сведений. Можно выделить следующие группы источников:

- 1) научно-исторические труды отдельных авторов, а также творческих коллективов организаций соответствующего профиля.
- 2) периодическая печать, прежде всего, журналы;
- 3) мемуары и дневники;
- 4) различная документация, исходившая из недр учреждений Российской империи;
- 5) лично-семейные фонды, в первую очередь, фонды наиболее видных историков-западноруссистов;

Необходимо отметить, что эти группы обладают различной степенью информационной насыщенности и, взаимно дополняя друг друга, раскрывают разнообразные аспекты западноруссистской историографии.

Как бы ни были важны перечисленные выше группы источников, однако о творчестве историков судят прежде всего по их трудам. Они, являясь плодом, как правило, огромной подготовительной работы, размышлений и сомнений, часто носят обобщающий и концептуальный характер, дают адекватное представление о месте его изысканий в русле общего развития науки и об их значении, как научном, так и социальном.

Исторические труды как комплекс источников представлен курсами лекций и монографиями, статьями и рецензиями.

Некоторые из них сначала публиковались в периодике, а затем выходили в свет отдельными изданиями. Наиболее научно весомые исследования появились в первый период существования анализируемого направления историографии, что косвенно свидетельствует о его кризисе в начале XX в..

Работы каких же авторов следует выделить в первую очередь? Это, конечно же, произведения М.О.Кояловича [274 – 288] (лекции, монографии, отдельные издания его статей и речей), а также П.Д.Брянцева [91 – 94], П.О.Бобровского [81 – 86], П.Н.Жуковича [186 – 195], К.В.Харламповича [493; 494], Л.М.Солоневича [472; 473].

Как известно, западноруссизм являлся прежде всего направлением общественно-политической мысли. Отсюда и острая полемичность произведений представителей западноруссизма. Поэтому изучение источников журнально-газетного происхождения представляет собой несомненный интерес. Однако подобного рода источники содержат немало собственно историографической информации, т. к. «совокупность журнальных (а во многих случаях и газетных – А. Л.) публикаций отражает состояние и динамику переднего края дисциплины» [222, с. 251] (в данном случае, исторической науки). Посредством публикаций в периодике историки апробируют научные концепции, ведут дискуссию и полемику, осуществляют связь с читателями. Различная направленность этих изданий позволяет провести определённую дифференциацию внутри западноруссистской

школы, уловить нюансы в позиции охранителей и либералов, проследить эволюцию во времени этой школы. Среди источников такого рода нужно прежде всего выделить «Вестник Юго-Западной и Западной России»/ «Вестник Западной России» (1862 – 1871 годы издания) [96; 136]. Он публиковал материалы археографического и научно-исторического, общественно-политического характера. Это делает его ценным вместилищем информации, каковая позволяет составить представление о различных аспектах западноруссизма в историографии, чему способствовала определённая специализация журнала на проблемах истории.

Активно поддерживали западноруссизм издания славянофильского толка: газеты «День», «Москва», «Русь» [2; 274; 285]. Симпатии их издателей, среди которых нужно выделить И.С.Аксакова, к М.О.Кояловичу, которому они охотно предоставляли свои страницы, и к его сторонникам, объясняются тем, что западноруссизм – дочерняя идеология по отношению к славянофильству. Эти газеты, особенно «День», содержат информацию публицистического и научно-исторического плана.

Поддерживали идеологию западноруссизма и такие издания, как «Московские ведомости» и «Русский инвалид» [286].

Поскольку данное течение ратовало за всемерное укрепление православия, то его сторонники не обошли вниманием церковные издания: «Церковный вестник» и «Литовские епархиальные ведомости» [508; с. 266-273].

В связи с особым вниманием, уделявшимся царизмом воспитанию в «истинно-русском» духе подрастающего поколения, власти приветствовали появление публикаций историков данной школы в «Журнале Министерства народного просвещения» также содержащим важную информацию по теме исследования [185; 195; 287; 353].

Отдельную группу периодики составляют издания, появившиеся в период и после революции 1905-1907 гг. Такие издания как «Белорусская жизнь» (позднее «Северо-Западная жизнь») [368; с. 425-427], «Крестьянин» [293], «Окраины России» [395 – 401] активно пропагандировали западноруссизм. Все они не являлись по своей преобладающей тематике историографическими, но они публиковали статьи по проблематике истории Беларуси.

Однако не только издания, непосредственно огражавшие данную идеологию, должны привлечь внимание исследователя. Информативны также и те памятники периодики, которые ей оппонировали: «Вестъ», «Виленский вестник», «Белорусский вестник» (не путать с западноруссисским изданием!), «Минский листок» и, в особенности, «Наша нива». Они служили индикатором общественного резонанса, вызывавшегося публикациями историков - «западноруссов».

Таким образом, только при условии учета отраженной в периодике общественно-политической составляющей западноруссизма возможно понимание его историографической составляющей.

Мемуарно-дневниковая литература как комплекс источников весьма ценна, ибо историография есть история не только трудов, но и их авторов. Только изучая данный круг источников, можно составить представление о движущих мотивах научной деятельности историков, становлении и развитии их мировоззрения. Источниковеды знают, что сей круг несёт на себе наибольший отпечаток субъективности, но тем он и интересен.

Разумеется, на первом месте по своему значению стоят рассредоточенные по разным изданиям дневники и путевые заметки М.О.Кояловича. Они многое дают для понимания идеалов западноруссизма, симпатий и антипатий учёного.

Исследователю должны интересовать помогающие почувствовать «дух времени» мемуары представителей государственной власти, деятелей церкви, учёных и писателей либо разделявших анализируемую идеологию, либо так или иначе борющихся с ней: митрополита И.Семашко [206] – предтечи западноруссизма, И.П.Корнилова [269] – одного из главных «обрусителей Белоруссии», и ряда других. Памятники этого типа позволяют дать анализ историографии этого течения с позиций его сторонников и недругов, выяснить отношения к нему различных слоёв образованного российского общества, чётче определить его истоки и характер эволюции.

Документация как вид источников представлена очень широко. «Это законодательные материалы, содержащиеся в полном собрании законов Российской империи, в сборниках постановлений и распоряжений по Министерству народного просвещения, МВД, циркуляров докладных записок, донесений агентства III отделения и ОО Департамента Полиции, Главного управления по делам цензуры, документы архивного делопроизводства <...> и других» [222, с. 255]. Их анализ позволит выяснить, насколько можно считать западноруссизм инициированным властями Санкт-Петербурга и Вильно и в какой мере он сохранял от них известную независимость. Так же интересен поиск на вопрос: широко ли использовались труды представителей данного течения историографии этими самыми властями? Рассмотрение этих аспектов проблемы даёт возможность определить «удельный вес» и влияние школы Кояловича на жизнь Беларуси в рассматриваемый период.

Фонды лично-семейного происхождения уже «по определению» должны представлять исследователю богатейшую информацию о самых разнообразных видах деятельности людей, творивших историю Беларуси в рассматриваемый период, в том

числе людей, бравших на себя смелость отобразить эту и предыдущую историю в своих научных трудах. Семейные архивы могут послужить неисчерпаемыми кладями знаний по следующим проблемам: состояние умов (шире, менталитет) представителей различных слоев белорусского общества; Беларусь глазами великоруссов: чиновников, военных, интеллигенции; связь исторической науки с насущными проблемами тогдашней жизни, а также по другим, достойным внимания исследователя. Что же касается западноруссистской историографии, то здесь наибольший интерес вызывают материалы лично-семейных фондов её представителей, прежде всего, профессиональных историков. И в связи с этим следует отметить, что архивы Москвы, Санкт-Петербурга, Киева, Вильнюса и других городов располагают фондами историков, представляющих различные направления дореволюционной историографии. Относительно темы данного исследования можно выделить две группы лично-семейных архивов: архивы приверженцев историографии западноруссизма и архивы представителей других течений (последние часто были оппонентами первых, и поэтому изучение их творчества представляет интерес со сравнительно-исторической точки зрения). К первой группе относятся архивы таких историков, как М.О.Коялович, П.Н.Багюшков, П.О.Бобровский, К.В.Харлампович [54; 56; 412; 438; 439; 442; 499]. Некоторые из подобного рода источников опубликованы, но большинство их ждёт своего исследователя. А между тем, они могли бы помочь ему раскрыть внутренний мир историка. Вот почему их необходимо использовать.

В заключение нужно заметить, что предложенная классификация довольно условна – ведь различные группы источников как бы «пересекаются» между собой. Например, органы периодики публиковали и мемуары, и делопроизводственные акты, и собственно исторические труды. Тем не менее, подобная классификация имеет право на существование, ибо указывает на разнообразие, происхождения источников, что облегчает их поиск.

Характер источниковой базы позволяет произвести реконструкцию исторического прошлого, составляющего объект и предмет данного исследования. В большей части это касается концептуальной стороны западноруссистской историографии, поскольку имеются в наличии практически все исторические труды представителей этого направления, в меньшей степени – деятельность учреждений, находившихся под опекой западноруссистов так как в данном случае наблюдается определённая фрагментарность источников.

Задача историка заключается, однако, не только в обнаружении и извлечении из источников нужной ему

информации, но и в её скрупулёзном анализе. Как известно, источник есть отражение некоей исторической реальности, но он никогда не адекватен полностью факту истории. Другими словами, он в большей или меньшей степени подобен кривому зеркалу. Виной тому – фактически непреодолимый субъективизм создателей источников. И чем больше доля творчества в их создании (историографические источники являются продуктами творчества), тем неизбежнее возрастание субъективизма. Вот почему информация, извлекаемая учёным из памятников прошлого, нуждается в осмыслении и в тщательном анализе. При этом надо обращать пристальное внимание на терминологию того или иного историка и раскрывать их объективное содержание, проводя, таким образом, герменевтический анализ; выяснить, чем была вызвана та либо другая модель построения научной работы; определить степень использования различных источников и меру критичности их восприятия; дать оценку стилю изложения.

Разумеется, интерпретация историографических источников также определяется уже сложившимися субъективными предпочтениями специалиста в области историографии. От того, как он сам относится к западноруссистской концепции, зависит его оценка этой концепции. Следовательно, подвергая источник «внутренней» критике, он сам определяет его тенденциозность, исходя из своих, ранее сформировавшихся представлений и пристрастий, хотя его позиция и претерпевает коррективы по ходу изучения. Означает ли это, что источник фактически не защищен от произвола исследователя? Нет, подобная защита существует и заключается она в постоянном совершенствовании методов исторического исследования, а также в создании в обществе атмосферы свободного самовыражения – атмосферы, в которой вольно дышалось бы представителям различных историографических течений, а дискуссии между ними обеспечивали бы успешное развитие исторической науки.

ГЛАВА 2. МЕСТО ЗАПАДНОРУССИЗМА В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ 60 – 80-Х ГГ. XIX В.

§1. Генезис западноруссизма в историографии

Всякое явление исторической науки возникает не сразу и не вдруг. Оно имеет свои корни: общественно-политические, социокультурные, философско-гносеологические и другие. Не стала исключением в этом смысле и западноруссистская историография. Общественно-политическая почва для её «произрастания» была сформирована целым рядом событий и процессов, происходивших на территории Беларуси, Литвы и Украины во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. Среди них следует выделить: присоединение данного региона к России; ликвидацию в 1839 г. церковной унии; постепенное ужесточение политики царизма по отношению ко всему польскому и католическому, вызванное, прежде всего, восстанием 1830 – 1831 гг. и, соответственно, если не крахом, то значительным ослаблением надежд властей империи на постепенную адаптацию польской шляхты к условиям России.

Два последних события показали непрочность инкорпорации этого региона в состав России. Да, Речь Посполитая погибла, но сохранились её традиции и дух, а главное, сохранилось стремление шляхты воссоздать это государство. Естественно, царское правительство не могло оставить всё это без ответа и поэтому начало поиск, поначалу скорее инстинктивный, чем осознанный, тех социально-политических сил, которые могли бы стать противовесом польским патриотам в крае. Такой поиск сдерживался, однако, фактором внутрисловной солидарности опоры самодержавия – дворянства (ведь шляхта была его частью), но всё же он вёлся. Ликвидация унии и была одним из его вариантов. Дело в том, что в силу двойственного характера униатства, являющегося своеобразным гибридом православия и католицизма, в нём всегда существовали и соперничали две партии: соответственно, пророссийская и пропольская. На первую из них, после некоторых колебаний, и решил опереться царизм. Свои интересы, понуждающие к сотрудничеству с властями, имели и лидеры данной партии во главе с митрополитом И.Семашко. Сочувствие и поддержка процессу отмены унии объяснялась с их стороны как прагматическими факторами (стремлением войти в элиту православной церкви), так и факторами психологическими

(желанием своеобразно отомстить «шляхетскому» католицизму «латинского» обряда за многолетнюю дискриминацию с его стороны). Последний из них стал причиной того, что в ряды сторонников западноруссизма активно вступали выходцы из среды униатского духовенства: М.О.Коялович, П.О.Бобровский, К.А.Говорский.

К 50 - ым годам XIX в. сложились идейные (философско-исторические) предпосылки западноруссизма. Важнейшей из них было славянофильство. Как идейно-философская и, в меньшей степени, историографическая доктрина, оно возникло в ответ на достижения классической немецкой философии и отчасти немецкой исторической мысли, для которой было характерно пренебрежительное отношение к славянскому миру. Славянофилы взяли на себя миссию его защиты. Лидеры данного течения: братья Аксаковы, Хомяков, Киреевский – выдвинули несколько тезисов, всецело разделённых впоследствии западноруссистами.

- православный Восток коренным образом противоположен католическому (в меньшей степени, протестантскому) Западу;

- православие имеет духовное преимущество над католицизмом;

- Россия – лидер славянства и барьер против имевших западное происхождение социализма и революции [2; 495].

Идейный вождь западноруссизма М.О.Коялович прямо и недвусмысленно заявлял о своей приверженности историографическим принципам славянофильства, не страшась при этом возможных обвинений в субъективности. «...Я находил такой русский субъективизм, который и больше всех других обнимает фактическую часть русской истории и лучше других освещает действительные и существенные его стороны, - отмечал учёный – Такой русский субъективизм я находил и нахожу в сочинениях... славянофилов. Он лучше других и в народном и в научном смысле...» [280, с. 36, 37]. Эти слова можно рассматривать как методологическое кредо Кояловича и, в силу несомненной зависимости от его взглядов других представителей западноруссизма, всей данной историографической школы.

Как уже отмечалось исследователями, славянофилы стремились подкрепить свои историософские воззрения результатами научных трудов в области филологии, этнографии, археологии [498, с. 205]. Не была обойдена в этом смысле и собственно историческая наука, так что интерес славянофильства и западноруссистской историографии друг к другу был взаимным.

Однако историографии славянофильского толка не принадлежала заслуга первооткрывателей истории края. Активно разрабатывали историческую проблематику учёные, группировавшиеся вокруг Виленского университета, а после его закрытия в 1832 году – просто в Вильно: И.Данилович, И.Онацевич,

И. Ярошевич, М. Бобровский, А. Киркор, Т. Нарбут, К. и Е. Тышкевичи [222, с. 282 – 311]. Их интересовали проблемы истории ВКЛ, а именно: источниковедческая база исследований, в расширение которой они внесли большой вклад, постановка вопросов о характере и движущих силах белорусской истории и определение места этой истории в контексте истории сопредельных стран. Западноруссизм, во многом оппонировавший этой группе историков, всё же был обязан ей созданием атмосферы научного поиска, благодаря которому и стало возможным появление западноруссистской историографии.

Что же касается её организационной базы, то надо сказать, что эта база в виде сети учреждений научно-исторического профиля в данный период ещё не была создана, но уже существовала потенциальная кадровая кузница для этого течения исторической науки – Петербургская Духовная Академия (далее ПДА – А.Л.) [222, с. 346; 508, с. 19 – 21].

В заключение надлежит отметить тот факт, что в этот период данное течение находилось в зачаточном состоянии. При другом развитии исторических событий «ребенок мог бы и не появиться на свет», однако восстание 1863 – 1864 гг. в Польше, Литве и Беларуси явилось побудительным толчком, в результате которого оно было востребовано властями империи для обоснования тезиса об «исконно русском характере Северо-Западного» края в качестве системы со своими учреждениями, органами печати. Так была создана последняя по хронологии и первая по значению предпосылка для возникновения западноруссистской историографии. Всё же, отвечая на вопрос об истоках западноруссизма, невозможно выстроить последовательный хронологический ряд событий и процессов, поскольку, хотя фундамент его здания был заложен в 30-е – 50-е гг. XIX в., а построение самого здания происходило в 60-е гг. XIX в., когда силы западноруссизма были мобилизованы на борьбу с повстанческой идеологией, и, следовательно, он окончательно обрёл своё призвание и смысл, но процесс этот носил во многом спонтанный характер. Так возможность реализовалась в действительность.

§2. Отражение научно - исторических воззрений представителей западноруссизма в периодике российской империи 60 - 80 - х гг. XIXв.

Как система идейно-политических и научных взглядов, западноруссизм всегда тяготел к публицистичности, которая

находила проявление и в формах изложения научного материала, и в стиле этого изложения. Связано это было с рефлексивным характером данного течения. Постоянная необходимость «доказывать», «опровергать», «защищаться и нападать» порождало стремление представлять свои доводы в полемической форме. Сами его представители охотно прибегали к помощи периодики для выражения своих позиций, в силу чего западноруссизм всегда был далёк от строгих, академических форм изложения своего научно-исторического «символа веры». Ведущие его представители: М.О.Коялович, К.А.Говорский, П.О.Бобровский, С.В.Шолкович – являлись активными корреспондентами как центральных (прежде всего, московских), так и местных (в первую очередь, виленских) изданий [81; 84; 86; 276; 285; 287; 367; 467; 468]. На их страницах они вели неустанную борьбу с «полонизмом» и выступали с историческими исследованиями по избранной ими тематике (конфессиональной, этнодемографической, краеведческой). Кроме задачи борьбы с польским влиянием они решали задачи просвещения как российского, так и регионального общества, ибо его знания по истории западных земель государства были явно недостаточны (в широких его кругах к началу 60-х годов XIX в. утвердилось в качестве аксиомы мнение о принадлежности этих земель Польше, а ведь с этим тезисом прежде всего и боролись западноруссисты). Наконец, с их стороны делались попытки превратить периодику в силу, объединяющую вокруг себя всех «ревнителей русского дела в крае. Пример тому – деятельность редактировавшегося Говорским «Вестника Западной России».

Поскольку с самого начала западноруссизм оформился как прагматическое течение в историографии, для которого было характерно подчинение собственно научных задач идейно-политическим целям, то публикации на историческую тематику в периодических изданиях перемежались с политическими выступлениями часто тех же самых авторов. Характерный факт: в этот период не существовало подконтрольных западноруссистам специализированных изданий, которые могли бы играть роль научного центра, где происходила бы апробация их историографических идей. Наиболее близко подошел к этой роли «Вестник Западной России», но и он был изданием эклектичным, с ярко выраженной прагматической тенденциозностью. Исторические труды западноруссистов вынуждены были делить страницы изданий с публикациями на иные темы, что, хотя и вводило эти труды в общий идейно-политический контекст эпохи, но в то же время ослабляло резонанс от них, производимый в научно-исторических кругах. Не случайно, что даже М.О.Коялович не «печатался» в специализированных исторических журналах России.

Тематический спектр статей, заметок и прочих видов публикаций представителей анализируемой историографической

школы достаточно пестр: и научно-исторические исследования, и обнаружение исторических источников, и сообщения о результатах археологических раскопок, и биографические очерки, и рецензии на исторические труды других авторов, и отклики на рецензии, подвергавшие научной критике их собственные труды [467; 468]. Особую категорию составляет публицистика. Несмотря на то, что предназначение у неё иное, чем у научных работ, из неё также можно почерпнуть сведения об исторических взглядах западноруссиков, поскольку в отстаивании своих идейно-политических позиций те прибегали прежде всего к аргументации исторического толка.

Особенно большой публицистической активностью представителей западноруссизма отличались 60-е годы XIX в.. Восстание 1863 – 1864 гг. и особенно притязания восставших на возрождение Речи Посполитой в границах 1772 г. вызвали «праведный гнев» у М.О.Кояловича, К.А.Говорского и их единомышленников. Поощряемые российским правительством (в том числе и местными властями в лице графа М.Н.Муравьева – виленского генерал-губернатора и главного усмирителя восстания), они не жалели полемического таланта для разоблачения «польской интриги» в отношении «Западной России». Разумеется, антипольская кампания на страницах периодики, принимавшая иногда формы истерии, не ограничивалась только страстными филиппиками [96–119; 429, с. 85–97].

Именно в этот период предпринимаются значительные по своей масштабности попытки обосновать воинствующий антиполонизм научно-историческими изысканиями, ведшимися по вышеперечисленным направлениям и довольно успешными с точки зрения накопления исторического материала и представления его широкому кругу читателей (если вообще можно говорить о широте этого круга в условиях не слишком просвещённой России). Однако интерпретация этого материала была тенденциозной.

В 70-е годы XIX в. на западноруссическом «фронте» периодической печати наблюдается затишье по сравнению с предыдущим периодом. Связано это было с тем, что идеи, пропагандировавшиеся «западноруссами», встречали более холодный приём у официального Санкт-Петербурга, ибо в годы так называемой «потаповщины» был взят курс на примирение царизма с польским дворянством [498, с. 109 – 122]. Лозунги западноруссизма, призывавшего вытеснить польский элемент русским, в этой ситуации оказались не совсем уместными. Кроме того, снижение публицистической активности было обусловлено и субъективными причинами. Не стало К.А.Говорского – самого одержимого из «западноруссов» первой волны, а М.О.Коялович, не перестававший, впрочем, публиковаться в органах периодики, большее внимание всё же уделял написанию трудов монографического характера.

Определённый подъём интереса представителей данного направления историографии к выражению своих взглядов через периодику наблюдается в 80-е годы XIX в. Политика Александра III, идеологом которой был обер-прокурор Священного Синода Российской православной церкви Победоносцев, а главным её проводником на территории «Северъ-Западного» края – попечитель Виленского учебного округа И. П. Корнилов, способствовало такому подъёму. Однако уровень 60-х годов не был достигнут. Косвенным подтверждением этого служит факт издания в 1885 и в 1887 гг. состоящего из двух частей «Сборника статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России» [466–468]. Он представлял собой фактически подборку публицистики двадцатилетней давности, а значит, его издатель С. В. Шолкович как бы признавал, что за эти 20 лет фактически не появилось статей, более убедительно, по сравнению с предыдущими «разъясняющих» это самое «польское дело». Главным публицистом западноруссизма являлся по-прежнему М. О. Коялович. Показательно изменение уровня активности у этого автора, прослеживаемое по количеству публикаций в разные периоды его деятельности. Итак: 60-е годы – 51 публикация; 70-е годы – 19; 80-е – начало 90-х (вплоть до кончины историка) – 72 [508, с. 266 – 273]. Как видим, последний период его жизни и деятельности был особенно плодотворен в этом отношении, пусть даже ощущалась меньшая поддержка его последователей и единомышленников.

Характеризуя отдельные издания, первым следует назвать «Вестник Юго-Западной и Западной России» и его продолжение «Вестник Западной России» [96–136], поскольку именно этот журнал, издававшийся сначала в Киеве (1862 – 1864 гг.), а затем, под вторым названием, в Вильно (1864 – 1871 гг.) претендовал на роль вдохновителя и организатора «западнорусского» дела в крае [222, с. 328 – 330; 429, с. 85 – 97; 498]. По тематике своих публикаций журнал относился к историко-литературным. В нём явно преобладал публицистический жанр, что сказывалось и на собственно научно-исторических его публикациях. Они делились на несколько видов. Это, во-первых, публикации материалов по истории Белоруссии, Украины и Литвы, во-вторых, исторические работы сотрудников журнала (включая и приглашённых «со стороны», например, П. О. Бобровского [86]).

Среди публикуемых изданием исторических источников явно преобладали материалы, характер которых раскрывает название рубрики, под которой они выходили в свет: «Документы, относящиеся к истории унии» (Брестской церковной унии – А. Л.) [96 – 136]. Подобранные таким образом, чтобы опорочить эту самую унию, они призваны были создать у читателя впечатление научной достоверности постулата о вреде Польши и католицизма в

крае. Тем не менее, следует признать, что журнал внёс определённый вклад в развитие археографии региона.

Научно-историческими работы, публиковавшиеся в этом издании, могут быть названы весьма условно, поскольку научная истина, как таковая, по существу не интересовала ни редактора журнала К.А.Говорского, ни других сотрудников «Вестник Западной России» (Кулжинского, Кукольника, Кулиша, Вольпера). Как отмечалось исследователями, борьба с польским влиянием была для журнала смыслом его существования и велась методами, далёкими от научной политической корректности. Девизом журнала стали слова:

Kiedy Polska nie zginela, niech ze zginie – my tak chcemy! [131, с. 153; 429, с. 95] (Если Польша не погибла, пусть же погибнет – мы так хотим!)

Поляки обвинялись Говорским во всех «смертных грехах», главным из которых было угнетение «русской церкви и народности». Вследствие этого история региона предстала на страницах журнала в весьма одностороннем и обеднённом виде – «польская интрига и католическое насилие – ничего другого в этой истории не было [429, с. 91]. На фоне безудержного антиполонизма терялись публикации по археологии, краеведению и этнографии, публиковавшиеся в журнале и также имевшие тенденциозную направленность.

Столь явная ангажированность «Вестника Западной России» была главной причиной его непопулярности [222, с. 330; 429, с. 97; 499, с. 98 – 103]. Несмотря на протекцию со стороны М.Н.Муравьёва, журнал не смог сыграть роль, на которую претендовал, и не стал крупным явлением в научной жизни России. По этой же причине с началом закончилась попытка издания журнала «для народа» – «Сельского чтения», задуманного в качестве популяризатора западноруссистских идей среди широких масс населения [222, с. 330, 331].

Некоторый вклад в публикацию исторических, краеведческих и этнографических работ вносили и «Губернские Ведомости»: «Минские Ведомости» (статьи Р.Игнатъева), «Гродненские Ведомости» (статьи М.А.Дмитриева), «Могилевские Ведомости» (статьи А.Сазонова) и, в особенности, «Витебские Ведомости» (статьи А.П.Сапунова и А.М.Сементовского – эти авторы впоследствии сделали себе громкие имена в исторической науке) [222, с. 330, 335, 336]. Несмотря на определённую тенденциозность западноруссистского толка (не столь большую по сравнению с Говорским), эти исследователи объективно содействовали развитию исторической науки в Беларуси.

Однако не только белорусские издания привлекали внимание западноруссистов. М.О.Коялович, почти обходивший вниманием «Вестник Западной России», охотно публиковался в

славянофильских газетах «День», «Москва», «Русь», выходивших в Москве.

Другим после «Вестника Западной России» по значимости для процесса становления историографии западноруссизма изданием была московская газета «День», выпускавшаяся и редактировавшаяся виднейшим деятелем славянофильства И.С.Аксаковым [2]. Время «жизни» этой газеты (1861 – 1865 гг.) совпало со временем, когда западноруссизм впервые столь мощно и уверенно заявил о себе как об одном из ведущих, с претензией на монополизм, течений белорусской общественной жизни и, конечно же, славянофильское издание не могло пройти мимо этого явления, поскольку западноруссизм во многом и представлял из себя филиал славянофильства. В особенности И.С.Аксакова, Ю.Ф.Самарина, и других представителей антизападнического направления русской общественной мысли привлекало в западноруссизме его полонофобия [466 - 468]. Научно-исторические построения М.О.Кояловича и его последователей тем были ценны для славянофильства, что они на исторических примерах показывали, сколь много зла принесли «западнорусскому» народу Запад, Польша и католицизм [281]. Тезис об испорченности «латинского» мира, о его несовместимости с миром православным, о разлагающем влиянии на славянство со стороны католицизма, казавшийся до начала 60-х годов больше умозрительной конструкцией, нежели отражением объективной реальности, благодаря исследованиям М.О.Кояловича приобретал будто бы основательность и доказательную силу. Поэтому вполне естественно, что редакция «Дня» буквально ухватилось за возможность сотрудничества с подающим надежды автором, и тот стал одним из активнейших корреспондентов газеты [222, с. 343; 498, с. 152 – 155]. Белорусское происхождение историка давало возможность представлять его взгляды в качестве «гласа народа», а его славянофильство делало, в понимании И.С.Аксакова, этот голос «гласом божьим». Именно в этот период готовились к изданию и были опубликованы «Лекции по истории Западной России», да и сама тематика статей, направленных М.О.Кояловичем для московской газеты во многих случаях носит несомненный характер исторических исследований. Что до повышения уровня публицистичности этих статей, достигшей своего пика во время восстания 1863 – 1864 гг., то следует заметить, что автор, верный своему принципу «русского субъективизма», никогда не видел в увлечении публицистической деятельностью отхода от принципов исторического исследования, так как научно-исторические «штудии» не были для него самодостаточными, и ценность их определялась для историка тем влиянием, которое они оказывают на общественную жизнь [280, с. 36]. Поэтому грань между «собственно историческими» и страстно-публицистическими

статьями Кояловича очень часто слабо различима, и их необходимо рассматривать в комплексе.

Тематика публикаций в «Дне», вышедших из-под пера Кояловича фактически ничем не отличается от общей научной тематики историографии западноруссизма, то есть в ней преобладают проблемы конфессиональной истории Беларуси. Особое внимание историк уделит следующим проблемам: история церковных братств, деятельность проводников идей униатства и католицизма в Беларуси – таких, как Ипатий Потей, Иосафат Кунцевич, Андрей Боболя, борьба народа «Западной России» против польского засилья, проблема соотносимости уклада жизни местного населения («с великорусскою государственностью и великорусскою народностью»), этнодемографическая ситуация в «Западном крае России» [508, с. 266 – 268]. Кроме всего прочего, эти статьи должны были, по мысли редакции и автора, выполнять просветительскую функцию, ибо призваны были ознакомить читателей с положением дел в Беларуси и, в меньшей степени, в Литве и на Украине. Для решения этой задачи историк не жалел своего недожинного полемического таланта, посему публикации, посвящённые историческому прошлому региона, дополнялись заметками «на злобу дня», а часто сочетали в себе и то, и другое. Именно стремлением выполнить просветительскую функцию вызван был факт публикации с 14 по 29 номер газеты за 1864 г. главного исторического труда М.О.Кояловича данного периода – «Лекций по истории Западной России» [281; 508, с. 267]. Таким образом, на страницах «Дня» впервые была изложена лидером западноруссизма цельная концепция истории Беларуси, Литвы и Украины. Нужно сказать, что старания Кояловича имели успех – российское общество с определённой долей удивления узнало, что в «Западной России», оказывается, живут не поляки, а «почти» такие же русские, что на плечи последних выпала тяжесть борьбы с польско-католической цивилизацией на протяжении нескольких предыдущих столетий, и что оно, российское общество, в долгу перед своими «западнорусскими» собратьями, о чём весьма проникновенно было сказано в одном из публикаций «Дня», которую можно с полным правом рассматривать в качестве славянофильской программы по отношению к данному региону [429, с. 89, 90; 498, с.155, 156]. В ней содержалось обещание поддержать «народное движение в Западной России», направленное против поляков. Да и вообще следует отметить, что духовная атмосфера 60-х годов с её шовинистическим угаром, отмечавшимся и осуждавшимся российскими исследователями позднейшего времени, очень способствовала тёплому приёму публикаций подобного рода, в том числе, научно-исторического характера [429, с. 87, 88]. В лице газеты «День» Коялович имел прекрасную трибуну для пропаганды своих историографических

взглядов, и не случайно, что довольно резкое снижение его публицистической активности во многом явилось следствием ликвидации этого издания.

В первой половине 60-х годов Коялович поместил несколько публикаций в специализировавшейся на военной проблематике газете «Русский инвалид». Здесь были опубликованы как оригинальные статьи, так и перепечатки из газеты «День». Их тема – этнический состав населения западных областей Беларуси, Литвы и Украины. В дискуссии по этому вопросу принял участие и П.О.Бобровский [498, с. 174-178]. Оба автора полемизировали на страницах газеты с Р.Эркертотом – издателем «Атласа...» по данной тематике. Возражения, особенно резкие у Бобровского, вызвал тезис Эркертота о принадлежности всех католиков региона к польскому народу. Бобровский прямо обвинил его в верхоглядстве и предложил для решения вопроса этнической идентификации населения Беларуси и Литвы использовать иные критерии, прежде всего, языковой, даже вне зависимости от этнического самосознания.

Противоречивую позицию по данному вопросу занимал М.О.Коялович [286]. С одной стороны он вроде бы соглашался с П.О.Бобровским и критиковал Р.Эркертота за существенные ошибки фактического плана, но с другой – подчёркивал важность конфессионального фактора, который, по его мнению, определял этническое самосознание. Во всяком случае, дискуссия на страницах «Русского Инвалида» раскрывает один из наиболее значимых аспектов историографии западнорусизма – её интерес к этнической проблематике.

Со второй половины 60-х г. наблюдается заметный спад активности, проявляемой представителями исторической школы М.О.Кояловича в отношении периодической печати. И сам М.О.Коялович в этот период опубликовал значительно меньше работ в газетах и журналах по сравнению с предыдущим. Причиной этого стал, как уже было сказано, отход царского правительства от чрезмерно жёсткого курса М.Н.Муравьёва и последовавшие за этим «утомление западно-русской модой» [498, с. 109 – 122]. И всё же Коялович не складывал оружия. Главным пристанищем для его статей стал в этот период «Журнал Министерства Народного Просвещения» [508, с. 268, 269, 271, 273]. Сфера образования, как известно, была предметом неустанных забот обрусителей «Северо-Западного края». Естественно, историк не мог остаться в стороне от воспитания юношества в «западнорусском» духе. Однако заметно, что в ЖМНП он постарался расширить тематику своих публикаций. Это и рецензии, и очерки по поводу юбилейных дат белорусской истории, и статьи по источниковедению. Сотрудничество историка с ЖМНП, хотя и с перерывами, но продолжалось до 1890 г., и основным жанром его статей были рецензии.

Он же, оставаясь главной фигурой западноруссизма и в 70-е годы, настойчиво искал и находил новые точки приложения своего историко-публицистического таланта. В этот период вождь «западноруссов» активно печатался в журнале «Гражданин», издаваемом В.К.Мещерским. Журнал и его издатель занимали правые, консервативные позиции, столь созвучные позициям самого Кояловича, и это привлекло историка в ряды внештатных корреспондентов издания. Кроме цикла статей («исторических писем»), посвящённых истории «дотатарской Руси», внимание Кояловича привлекала всё та же проблема Польши, её места в славянском мире, благо та постепенно залечивала раны, нанесённые душителями восстания и, стало быть, представляла для западноруссизма непреходящую угрозу. Вот почему в этот период у Кояловича появляются статьи, посвящённые как событиям, произошедшим 100 лет тому назад (первый раздел Речи Посполитой), так и новейшей (для его времени, разумеется) истории Польши. Однако сотрудничество с «Гражданином» продолжалось недолго – всего лишь в одном, 1872 г.

Значительно более интенсивным было участие Кояловича в деятельности таких изданий, как «Церковный Вестник» и «Литовские Епархиальные Ведомости». Начавшееся в 1873 г., оно продолжалось до 1890 г. [508, с. 269 – 273]. Причины и побудительные мотивы такого сотрудничества понятны – М.О.Коялович, искренне верующий православный человек, фактически всю свою жизнь посвятил служению православию, поэтому вполне естественно, что церковная периодика была для него благодатным полем публицистической активности, да и эти издания были заинтересованы, чтобы пополнить в ряды своих постоянных авторов уже маститого историка, профессора ПДА. Закономерно, что конфессиональная история – «конёк» Кояловича – нашла довольно широкое отражение на страницах ЦВ и ЛЕВ, причём отражалась не только «краевая» история, но и ставились вопросы межконфессиональных и межэтнических отношений в общеевропейском аспекте. Особое внимание историк уделял отношению православия с папством. Конечно же, последнее критиковалось и изобличалось. В вину же ему ставилось стремление насадить католицизм в «Западной России».

Наконец, лишь в конце своей жизни (с 1888 г.) М.О.Коялович получил возможность издавать со своим сыном-тёзкой свой собственный журнал с претенциозным названием «Правда» [508, с. 272, 273]. Болезнь и смерть не позволили историку опубликовать на страницах этого еженедельника множество статей, но по опубликованным видно, что он до конца жизни сохранил свои славянофильские воззрения, оставался противником засилья «инородцев» (не только поляков, но и евреев) в «Западной России», живо интересовался новыми публикациями по истории этого

региона, что отражалось в его рецензиях на издания Батюшкова [65,66], в очередной полемике с П.О.Бобровским (теперь уже по проблемам истории униатства), развернувшийся также и на страницах ЖМНП [508, с. 99 – 104].

Коялович, безусловно, являлся наиболее активным публицистом среди представителей историографии западноруссизма. Его единомышленники и последователи не сумели и близко достигнуть уровня профессора ПДА. Лишь только один П.О.Бобровский если не по количеству, то по качеству своих публикаций мог бы сравниться с Кояловичем. Об определённой (хотя и не жёсткой) зависимости количества статей, выпешших из-под пера западноруссистов и свидетельствующих об уровне активности в периодике от правительственного курса говорит фактически синхронное совпадение подъёмов и спадов этой активности с соответственными ужесточением или, наоборот, либерализацией политики официального Петербурга.

Степень воздействия прозападноруссистской периодики, особенно публикаций научно-исторического направления, на массового читателя нужно оценивать, не забывая, что круг читателей этой периодики был не столь уж широк [222, с. 330, 331]. Собственно говоря, она была предназначена для тех, кто непосредственно проводил политику русификации: для провинциального чиновничества, православного среднего и низшего духовенства, учителей, то есть для людей, которых не очень-то нужно было убеждать в пользу «западнорусского» дела. Получается своеобразный заколдованный круг, которым ограничивалось количество активных «западноруссов». Особо значительного резонанса среди научно-исторической общественности – профессионалов, специалистов по истории земель бывших ВКЛ и Речи Посполитой – эти публикации не вызвали. Во всяком случае, в этих изданиях почти невозможно встретить отзывы историков-оппонентов Кояловича и его школы. Правда, объясняется это ещё и тем, что таких специалистов было в данный период мало, и формирование либеральной школы историографии Польши, Беларуси, Литвы и, в меньшей степени, Украины происходило только в 70-е годы XIX в. Одно представляется несомненным: публикации представителей историографии западноруссизма в периодической печати пробудили-таки интерес к проблематике истории данного региона и способствовали, пусть иногда и вопреки субъективным желаниям авторов этих публикаций, появлению новых, написанных с иных концептуально-методологических позиций научно-исторических работ, которые, критикуя научные построения западноруссистов, способствовали дальнейшему развитию исторической науки.

§3. Научно-исторические организации и учреждения, находившиеся под влиянием идеологии западноруссизма

С самого начала своего существования западноруссизм представлял собой большой комплекс понятий, нежели просто школа исторической науки. Уже в 60-х годах XIX в. он приобрёл системные признаки. В этом ему немало способствовала активнейшая поддержка со стороны правительства России и государственной православной церкви. Их с формирующейся западноруссистской партией объединила «священная» борьба с польским влиянием в крае. В этом союзе, образно говоря, «Муравьёва» и «Кояловича» ведущая роль однозначно принадлежала «Муравьёву», то есть властям империи [222, с. 323 – 337, 342 – 345; 498, с. 40 – 45, 168 – 172]. Именно они позаботились о создании целой сети учреждений, призванных «правдиво», с его точки зрения осветить историю «Северо-Западного края». То, что освещение это должно было выйти односторонним и тенденциозным, инициаторов борьбы с польским влиянием, похоже, нисколько не смущало. Они вовсе не прятали своей прагматической цели. А цель эта заключалась прежде всего в противостоянии повстанческой идеологии, в дискредитации этой идеологии в глазах российского общества и, что было не менее, а на определённом этапе и более важно, в глазах европейских правительств (прежде всего, британского и французского), а также европейской общественности. Таким образом, инициированные властями научно-исторические исследования (равно как и подготовка к ним – прежде всего, издание исторических источников) велись не ради научных результатов этих исследований, а для укрепления позиций этих самых властей в западной части империи. Разумеется, при таком порядке вещей понятия научной объективности и беспристрастности задвигались далеко – на второй, а то и на третий план.

Непосредственным проводником подобной политики был, в первую очередь, граф М.Н. Муравьёв. Как отмечалось уже многими исследователями, он видел свою задачу не только в грубом подавлении восстания (с чем справился вполне успешно, недаром заслужив от своих противников прозвище «вешателя»), но и в создании антипольского по своим интересам и привязанного как материально, так и духовно, к Великой России слоя населения данного региона, который состоял бы из переселенцев с Востока проникнутых «истинно-русским» духом, а также из воспитанных в этом духе местных уроженцев [222, с. 336, 337; 361; 368, с. 306, 327 – 329, 333 – 335]. Поэтому виленский генерал-губернатор поощрял приезд на земли Беларуси и Литвы великорусских по

происхождению чиновников, учителей, священников, поскольку «местным кадрам», ввиду их заражённости «польским духом» он не доверял. Однако при этом он ставил задачу подготовки патриотов империи и из числа жителей этого региона, и важнейшую роль в этом процессе должна была сыграть препарированная с «правильных», российско-православных позиций, история края.

Исторические изыскания, проводившиеся под эгидой Муравьёва и его приемников, имели несколько направлений. В-первых, сферой научных интересов ангажированной правительством системы учреждений и организаций была как только что свершившаяся история (существовал вполне определённый государственный заказ на интерпретацию событий 1863 – 1864 гг. в угодном властям, полонофобском духе), так и более древняя история (исследования по ней должны были доказать беспочвенность претензий поляков на восстановление Речи Посполитой в границах 1772 г.). Во-вторых, большое внимание уделялось различным аспектам исторической науки, в первую очередь, археографическим – происходило издание источников по истории региона [3 – 39; 222, с. 331 – 337]. В-третьих, для обеспечения двух предыдущих направлений развёртывалась сеть археографических и краеведческих центров в Вильно и других городах. В-четвёртых, соответственно подлежали преобразованию пропольские научные центры, и их деятельность прекращалась [429, с. 113 – 121].

Все эти мероприятия с полным правом можно включить в общий контекст развития историографии западноруссизма, так как их цель практически совпадала с целью М.О.Кояловича, П.Д.Брянцева, П.О.Бобровского и других ведущих историков и организаторов исторической науки и заключалась в русификации края. Более того, эти историки так или иначе сами принимали активное участие в той кипучей работе, которую развернули созданные под патронажем правительства организации, а П.Н.Батюшков был одним из руководителей этой работы [222, с. 323 – 325; 429; с.131–137]. Именно он курировал процесс сбора материалов для вышеупомянутых атласов Эркerta и Риггиха и выпускала их в свет. Затем, возглавив Виленскую археографическую комиссию, приложил немало усилий к выпуску первых томов её «Актов...», руководил подготовкой и изданием коллективных трудов по истории Волыни, Беларуси и Литвы [65; 66; 290].

Публикация документов была одним из направлений деятельности и лидера западноруссизма – М.О.Кояловича. Он, действуя во многом по поручению Археографической комиссии, издал в 1865 г. «Документы, объясняющие историю Западной России и её отношение к Восточной России и Польше» [179]. В 1867г. им были изданы «Летопись осады Пскова Стефаном Баторием» и «Дневник последнего похода Стефана Батория», а

через два года – «Дневник Люблинского сейма 1569 года» [85; 276; 508, с. 73 – 105].

Большой вклад в развитие краеведения внёс и П.О. Бобровский, руководивший сбором и изданием уже упомянутых выше «Материалов для географии и статистики...» по Гродненской губернии. Это исследование, основанное на изучении множества источников, в том числе статистических, само является весьма интересным историческим источником [82].

Однако, сколь бы ни были велики личные достижения историков-западноруссистов в деле публикации источников, всё же они являлись только частью той систематической работы, которую проделывали учреждения, сотрудники которых разделяли западноруссистскую идеологию и действовали в соответствии с принципами этого направления историографии.

Среди таких учреждений на первое место необходимо поставить Виленскую археографическую комиссию [53]. Созданная вместо Виленской археологической комиссии, заподозренной и обвинённой в полонизме, она сразу же включилась в дело «обрусения» Беларуси и Литвы. Перед ней были поставлены задачи: «а) доказать фактически, что Западный край никогда не был счастлив под польским правительством <...>; б) <...> что цивилизация Польши, а с нею и Западного края далеко отставала от той степени совершенства, на которую ставили её поляки; в) что только под русским правительством Западный край забыл свои страдания, исцелил прежние раны и начал своё историко-политическое существование» [222, с. 333, 334].

В соответствии с этими задачами и подбирались документы для публикации. Однако из этого закономерно вытекала тенденциозность данных публикаций, что ограничивало использование этих источников в научно-практической деятельности. И всё же тома «Актов...» говорят сами за себя [3-39]. В них, независимо от желания их составителей, содержится богатейший материал исторического характера. Другое дело, что проводить научные исследования, базируясь только на этом материале, для непредвзятого учёного было бы затруднительно, учитывая его существенную односторонность.

Необходимо также отметить публикаторскую деятельность Витебского центрального архива древних актов (1852 – 1903 гг.), специализировавшемся на издании документов, прежде всего освещавших историю Восточной Беларуси [222, с. 334 – 336; 388]. Вокруг него сложилась группа талантливых историков, археографов, этнографов, в той или иной степени разделявших идеологию западноруссизма и принадлежавших, скорее, к его либеральному крылу. В данный период своей научной деятельностью выделялись А.М. Сементовский и А.П. Сапунов [222, с. 335, 336]. Особенно велик вклад в изучение истории и сопутствующих дисциплин последнего, который продолжал свою научную

работу и в следующий период - в начале XX в. [450 – 460].

В разработке проблематики истории Беларуси и др. земель «Западной России» принимали участие не только специализированные учреждения исторического профиля, но и такие организации, как губернские статистические комитеты, накопившие огромный материал по различным сферам жизнедеятельности региональной природы и общества – материал, ещё до сих пор не в достаточной степени «освоенный» историками; Русское Географическое общество (первый период существования – 1867 – 1877 гг.) в лице его Северо-Западного отдела, базировавшегося в Вильно и проводившего исследования по археологии, археографии, топонимике [248; 387; 411; 449; 451; 457; 466]. К организациям западноруссистского толка их можно причислить на основании декларируемых ими целей, главная из которых заключалась в доказательстве извечной «русскости» края, а также в благоденствии его населения под российским правлением. Вовсе не случайно, что заседания Географического общества посещал и даже выступал на них М.О.Коялович [275].

Деятельность всех этих учреждений, если рассматривать в контексте развития историографии западноруссизма, имела две стороны. Во-первых, несмотря на заданную правительством тенденциозность, они накопили и опубликовали множество исторических источников, оригиналы которых в очень многих случаях были утеряны в вихре бурных политических событий XX в. и которые объективно работали на историческую науку вне зависимости от целей и намерений их публикаторов. Этими источниками часто пользовались и историки-оппоненты школы Кояловича, продвигая тем самым историческую науку вперёд. Но, с другой стороны эти учреждения «создавали ту »капиллярную сеть», по которой распространялись идеи историографии западноруссизма [222, с. 343].

Сами же историки этого направления не были в данный период объединены в какую-либо научную организацию, призванную отстаивать их научно-историческую концепцию. Не существовало в этот период и более широкой организации, не только научного, но и социально-политического характера, как о том мечтал лидер западноруссизма. Причина этого заключалась в общей атмосфере империи. Стремление властей держать под контролем различные проявления жизни общества приводило к достаточно жесткому регламентированию гражданской активности. Впрочем, они охотно давали санкцию на использование наработок данного течения историографии в образовательной деятельности. Пример тому обязательное изучение «Лекций...» М.О.Кояловича в учительских семинариях для воспитания «юношества» в «истинно-русском» духе, что затрудняло у него формирование белорусского национального самосознания.

§4. Концептуальные основы западноруссизма в исторической науке

Анализируемый период ознаменован не только процессом организационного становления данной школы исторической науки, но и созданием её концепции. Необходимость последней была вызвана стремлением обосновать идеологию с помощью науки, ибо это обеспечивало её презентабельность в глазах общества и солидность в глазах российской историографии, приобретшей к тому времени подлинно научный характер и признававшей только соответствующим образом доказанные теоретические положения.

Решить задачу построения такой концепции можно было посредством написания крупных исторических трудов: курсов лекций и монографий. За это дело взялись и М.О.Коялович, и другие адепты западноруссизма. Однако основная заслуга в разработке концепции принадлежит, конечно же, М.О.Кояловичу.

Свои методологические взгляды он изложил в «Истории русского самосознания» [280]. На страницах этого труда автор высказывает серьёзное сомнение в возможности достижения объективности. Неизбежная предвзятость исследователя приводит, по его мнению, к торжеству субъективизма [280, с. 36, 37]. Значит, по М.О.Кояловичу, ученому ничего не остаётся, как, отказавшись от поиска абсолютной истины, стать на наиболее приемлемую для себя позицию. Сам же М.О.Коялович избрал так называемый «русский» субъективизм славянофильского толка [280]. Однако историк имел в виду не допустимость произвольного обращения с источниками, а оценку их объективных сведений. Он строго разграничивал научный и литературный подходы к истории, в целом не одобряя историческую беллетристику, особенно в исполнении ученых. Однако, сам автор не всегда следовал этому принципу. В связи с этим, необходимо заметить, что зачастую конкретно-исторические выводы М.О.Кояловича являлись продуктом его идейных воззрений и не вытекали прямо из анализа источников. Получалось, что данные источников были сами по себе, а выводы учёного – сами по себе. И это несмотря на то, что Коялович в своих трудах опирался на богатую источниковую базу [414, с.722]. Приблизительно такое же отношение к данным источников было и у других представителей анализируемой историографической школы.

Выработав М.О.Коялович своё отношение и ко многим источникам по истории Беларуси, Литвы и Украины. Историк, сам опубликовавший немало их количество, резко отрицательно оценил издание Даниловичем и Нарбутом «западнорусских летописей» латиницей, а не аутентичной кириллицей, и здесь с ним можно согласиться [280, с.64, 65].

При оценке достоверности белорусско-литовских летописей профессор ПДА проявил недостаток критичности, принимая на веру не подтверждённые другими источниками сведения [281, с. 77, 113, 114]. Фрагментарность подобных оценок не даёт возможности более основательно охарактеризовать источниковедческие принципы ученого.

М.О.Коялович и его приверженцы опирались на традиции российской дворянской историографии. Во всяком случае, в работах профессора ПДА встречаются ссылки на предшествующие труды таких историков, как Бантыш-Каменский, Карамзин, Устрялов, Погодин, Без-Корнилович. Не стоит, однако, преувеличивать значение этой традиции, поскольку история ВКЛ и Речи Посполитой фактически не являлась до Кояловича отдельным предметом исследования для российских историков.

Таковы были воззрения лидера западноруссизмов 60-х – 70-х гг. XIX в. на историю как науку. Другие историки данной школы, за исключением, и то в очень малой степени, П.О.Бобровского, не утруждали себя методологическими изысканиями, полностью отдавая эмпирической стихии и не задумываясь над вопросом о соответствии своих работ требованиям науки.

Прежде чем перейти к анализу конкретно-исторических построений Кояловича и его последователей, необходимо ещё раз напомнить об их преданности идеям славянофильства, о чём неоднократно заявлял сам Коялович [280, с. 36, 37, 298, 307-335]. Поэтому противоборство двух начал: русско-православного и польско-католического, которому уделяли так много внимания славянофилы, и составляло, с точки зрения западноруссизмской историографии, содержание и смысл всей истории «Западной России».

Наиболее четко и ясно анализируемая концепция изложена в «Лекциях по истории Западной России», увидевших свет в 1864г. [281]. Опушканные через 20 лет «Чтения по истории Западной России» содержат лишь косметические изменения по сравнению с «Лекциями...» [288]. В них Коялович стремился к тому, чтобы излагать исторический материал основательно, поэтому открыл их обстоятельным предисловием, в котором указал на недостаточное знание Европы «Западной России» и, как следствие, непонимание особенностей её. Автор противопоставляет себя «польско-литвинской» культурно-исторической традиции, резко осуждая при этом деятельность Виленского университета, И.Лелевеля и А.Мицкевича [281, с. 13, 14]. Последнего он обвиняет в непонимании чаяний «западнорусского» народа. Затем следует очерк этнического состояния края, причём историк признаёт наличие определённых этнографических особенностей во внешнем виде, языке, народном характере и быте белорусов и украинцев. В связи с этим следует сказать, что Коялович, считая и тех и других

частью русского народа, колебался по вопросу признания права на существование данных особенностей [498, с. 212-238]. В целом же «малороссов» он оценивал выше белорусов по их историческому опыту и психологическим качествам, постоянно, впрочем, подчеркивая, что на эти ветви «русского племени» отрицательное влияние оказала «польская, иезуитская..., очень дурная цивилизация» [281, с. 43].

Весьма негативно он оценивал присутствие в городах и местечках региона евреев, обвиняя их в монополизации промышленности и торговли и даже призывая «очистить Западную Россию от жидов», что не делает ему чести, пусть он и употреблял слово «жиды» не в бранном, а в принятом тогда этнонимическом смысле, не имевшем резко отрицательного значения [281, с. 50 – 54].

В основу периодизации истории края автор положил принцип его государственной принадлежности и выделил в их истории пять периодов:

«I. Разделение русского народа на две половины и попытки Западной России образовать свой центр.

II. Соединение Западной России с Литвой.

III. Соединение Литовско-Западнорусского княжества с Польшею, посредством чисто внешнего союза.

IV. Слигтие Западной России с Польшей и распадение Русско-Польского государства.

V. Аномальное развитие русско-польского вопроса» [281, с. 66] (имеется ввиду период пребывания края в составе Российской империи — А. Л.). Со схемой периодизации, предложенной Кояловичем, почти совпадает схема П.Д.Брянцева [92, с. 6, 7]. Единственное отличие – в рубеже между вторым и третьим периодами: у Кояловича это Кревская уния, а у Брянцева – конец правления Витовта. Однако у обоих авторов периодизация соответствует канонам уже отжившей свой век ко времени создания их трудов дворянской историографии.

Предыстория региона, в понимании Кояловича, включает в себя несколько моментов: историк, следуя за «Повестью временных лет», считал прародиной славян территорию Подунавья (правда, потом, в «Истории русского самосознания» он показал себя приверженцем Висло-Карпатской теории происхождения славян) [280, с. 91; 288, с.49-53]; он подчеркивал, что православие как нельзя лучше соответствовало жизненному укладу славян, поскольку соборность восточного христианства дополняла их извечную общинность [288; с.4-6]; историческую миссию Руси-России М.О.Коялович видел в противостоянии как «Азии», кочевнической и мусульманской по преимуществу, так и католическому Западу (сам факт признания учёным наличия особой миссии у русского народа придаёт его концепции черты провиденциализма и

телеологичности) [281, с. 62]; профессор ПДА в споре норманистов и антинорманистов был на стороне последних [280, с. 61].

«Дотатарскому» периоду истории края учёный уделил мало внимания, попутно заметив, что «...Белоруссия скорее обнаруживала развитие всякого нового начала» [281, с. 75]. Этим он объяснял раннее отделение Полоцка от остальной Руси, хотя деятельность Всеслава оценивал в общем негативно [281, с. 75 – 77]. При этом историк находил параллели в развитии Полоцка и Новгорода (ограничение полномочий князя и большая роль веча). Причину военной активности полоцких князей он видел в стремлении тех заселить свои земли пленными. Коялович считал несомненным ослабление Полоцка в XII—XIII вв. и подчёркивал, что он не смог объединить земли региона вокруг себя. Не справилось с этой задачей и Галицко-Волынское княжество. Необходимость их консолидации была вызвана, по его мнению, татарской угрозой. Эту роль сыграла Литва.

Следовательно, именно внешний фактор оказался, согласно М.О.Кояловичу, решающим в процессе образования ВКЛ, ибо и Литва нуждалась в защите, так как ей угрожал Тевтонский Орден [288, с. 69 – 83]. Профессор ПДА характеризовал ВКЛ как «Литовско-Русское» государство (в одном месте он даже назвал его «западнорусским»), подчёркивая симбиоз русско-православного и литовско-языческого начал [288, с. 90 – 93]. В слова «Литва» и «литовцы» он вкладывал современный нашей эпохе смысл, разделяя, однако, склонную к «обрусению» «верхнюю Литву» и стойкую в язычестве «Жмудь» и указывая на культурное превосходство над ними Руси [288, с. 83 – 89]. Историк посетовал на малую миссионерскую активность православной церкви в отношении населения Прибалтики, тут же, впрочем, отметив, что православию присущ мирный характер христианизации. Ему Коялович противопоставил католицизм, считая деятельность Тевтонского Ордена порождением духа западного христианства [281, с. 92 – 96]. Веротерпимостью православия, а так же похожим укладом жизни белорусов и литовцев учёный объяснял добровольный характер присоединения русских земель к Литве [281, с. 101].

Ещё более чётко указал на ведущую роль русских в образовании ВКЛ П.Д.Брянцев [92, с. 91]. В целом же, по мнению Кояловича и согласного с ним Брянцева, «быт Литвы... складывался по русским началам и порядкам жизни» [288, с. 91].

М.О.Коялович даёт высокую оценку деятельности Миндовга, Гедимины и Ольгерда по укреплению государства и их стремлению к сближению с восточными славянами [280, с. 581]. П.Д.Брянцев же отмечает, что на заре существования ВКЛ шла борьба между православно-русской и «национально-литовской» партиями, а при первых Гедиминовичах произошло усиление русского влияния, и,

опять же, отмечает мирный характер присоединения «русских областей» [92, с. 99, 102 – 106, 109 (прим. 1)].

Можно сказать, что и М.О.Коялович, и П.Д.Брянцев фактически признавали, что так называемое «Литовское» государство на первом этапе своего существования успешно решало задачу объединения в своём составе прежде всего восточнославянских земель и в этом отношении опережало Московское княжество. Подвергаясь влиянию более высокой русско-православной культуры, литовская элита постепенно русифицировалась и христианизировалась. Такой ход развития событий и процессов был нарушен, по мнению Кояловича, вокняжением Ягайло, при котором произошёл поворот ВКЛ к «латинству» [283, с. 10; 288, с.94,95]. Среди разных мотивов этого поворота историк называет желание Ягайло найти в союзе с Польшей выход из междуусобной борьбы, а также стремление поляков приобрести союзника в лице Литвы для борьбы с тевтонами и усилить своё влияние на восточного соседа, насадив среди литовцев католицизм [288, с. 111 – 120]. Для подтверждения последнего тезиса учёный даже делает отступление от основной тематики лекций, посвящая одну из их истории Польши до конца XIV в. [281, с. 117 – 141]. Разумеется, «латинство» он считает главной бедой Польши, приведшей к резкой социальной дифференциации её общества к абсолютному бесправию «хлопов» и к ограничению королевской власти.

Распространение «латинства» в ВКЛ вызвало негативную реакцию в русском обществе, что породило новые усобицы и привело к вокняжению Витовта [288, с. 120 – 125]. Этот князь, называемый Кояловичем «великим человеком», сделал, по его мнению, «много крупных ошибок», но никогда не покидал «мысли о независимости, о величии Литовского княжества» [288, с. 135] (а вот Брянцев даёт Витовту резко отрицательную оценку, даже обвиняя его в трусости [92, с. 265]). Одной из таких ошибок Коялович считает Городельскую унию 1413 года, согласно которой «литвины-латиняне поставлены в положение господ, русские-православные – в положение рабов» [288, с. 132]. Столь резкую и не совсем объективную оценку учёным условий этой унии вызвала действительно санкционированная ей политика дискриминации православных феодалов [368, с. 123].

Естественно, что при оценке войны 1432 – 1435 гг. симпатии Кояловича на стороне Свидригайло – ведь его поддержал православный Восток княжества, а его соперника Сигизмунда Кейстутовича – «латиняне» [288, с. 137 – 140]. Произведя почему-то католика Свидригайло в православные, историк несколько облагораживает его, хотя отнюдь не идеализирует [164, с. 124; 288, с. 138]. Напротив, Сигизмунд в описании Кояловича – средоточие всяческих пороков [288, с. 139, 140]. При этом автор «Лекций...»

закрывает глаза на гибкость последнего, отменившего некоторые пункты дискриминационного для православных Городельского привилея [368, с. 125, 126].

Под конфессиональным углом зрения рассматриваются Кояловичем дальнейшие события XV в. Синогда утомительной монотонностью повторяется в разных вариантах тезис о постоянной угрозе независимости Литвы со стороны Польши – оплота католицизма в славянском мире [288, с. 141 – 147].

Состояние личной унии ВКЛ и Польши было, согласно заключению учёного, губительно для первого и склоняло его князей к прокатолической политике. Интересно, что в мятеже Михаила Глинского историк фактически не увидел столь любимого им конфессионального мотива [288, с. 148 – 150].

Реформацию в ВКЛ Коялович рассматривал как протест против католицизма и отметил, что на почве его неприятия произошло временное объединение литвинов-кальвинистов и православных [288, с. 157]. В связи с этим следует отметить, что, в принципе не давая отрицательной оценки Реформации в крае, он в целом относился к протестантизму негативно, приписывая ему, как и католицизму, стремление «поработить Россию» [280, с. 99, 100].

Однако и Реформация, в конце концов потерпевшая поражение, не привела к разрыву Литвы с Польшей, ибо, как считает Коялович, «над Литовским княжеством как будто носился злой дух и подстерегал малейшие проявления его самобытности, чтобы паразитировать на них в самом начале» [288, с. 157].

Полной противоположностью хиреющему под натиском Польши Литовскому государству стала, по мысли Кояловича, Московская Русь. Учёный вполне оправдывает политику Москвы, направленную на аннексию ВКЛ [280, с. 617].

Такое отношение историка к Московскому государству вытекало из его главного тезиса, заключавшегося в утверждении, что «три ветви русского племени» – «одно есть». Этот тезис невольно для себя оспорил Брянцев, подчеркнувший большие независимость и анархизм белорусов и украинцев по сравнению с русскими, всегда стремившимися к «высшей абсолютной монархической власти». Таким образом, Брянцев, опять же невольно для себя, указал на различие исторических путей этих народов [92, с. 119, 120].

Событиям XVI - XVII вв. историки-западноруссисы придавали особое значение. Для них это было «осевое время» в истории «Западной России». И здесь с ними можно согласиться, зная о насыщенности этого периода самыми разнообразными и противоречивыми событиями и процессами. В их интерпретации западноруссиская историография занимала вполне определённые позиции. Сущность их позиции наиболее ярко

сформулировал П. Д. Брянцев. Он считал, что после заключения в 1569 г. Люблинской унии наблюдались следующие процессы: «Во-первых, усиленное стремление поляков к окончательному уничтожению и тени самостоятельности Литовского государства: для сей цели они в Литовском государстве прежнее политическое и гражданское устройство стараются заменить польским; во-вторых, принятие поляками разного рода мер к ассимилированию народностей, входивших в состав Литовского государства с собственно польским населением...; в-третьих, страшное восстание русско-православного народа, когда поляки задумали и его слить с собою и для сей цели стали употреблять слишком жестокие меры; в-четвёртых, вследствие фанатизма поляков по отношению к православным, а также упадка нравственности, отсутствия патриотизма и разединённости сословий, самым выдающимся явлением в исторической жизни Речи Посполитой в этот период представляется постепенный упадок и разложение обоих соединённых государств, и финалом всего этого была политическая смерть и Литвы, и Польши» [92, с. 376].

Причины Люблинской унии Коялович видел в перипетиях Ливонской войны, в желании литовских «бояр» (шляхты) приобрести равные права с польской шляхтой, наконец, в стремлении украинской магнатории найти в лице Польши защиту от крымских татар [283, с. 21, 22, 55]. Однако ему не удалось убедительно объяснить, почему уния была поддержана в первую очередь православными феодалами, тогда как отношение к ней со стороны белорусско-литовских феодалов преимущественно протестантского и католического вероисповедания было весьма прохладным.

Общая оценка межгосударственной унии у историков-западноруссисов отрицательная. В «послелюблинском» периоде истории края они не усматривали практических никакого позитива. Согласно Кояловичу, ни о какой даже относительной самостоятельности Литвы в составе объединённого государства не могло быть и речи. Ополячивание элиты общества, наплыв злокозненных иезуитов, усиление крепостничества, церковная уния 1596 г. – вот плачевные итоги Люблина в изображении лидера западноруссисов [281 – 283; 288].

Но самой большой исторической катастрофой, постигнувшей «Западную Россию» в данный период историки анализируемого направления считали Брестскую церковную унию 1596 г. Об этой унии они писали много и охотно, ибо в ней видели наиболее яркое проявление «польского триумфа», а ведь раскрытие причин этого триумфа было главной научно-исторической задачей М. О. Кояловича, да и его последователей. Такой подход к этому событию не мог не вытекать с закономерностью из философских принципов западноруссисотской историографии. Коль скоро

основой «народной жизни», согласно их воззрениям, является религия, то её смена, если она произведена насильственным путём, решительно подрывает, если не уничтожает основы этой жизни. Именно такое значение они придавали Брестской унии и возникшему и утвердившемуся на протяжении XVII в. униатству. Главной же причиной его возникновения, по их мнению, была не прекращавшаяся с XVII в. агрессивная католическая экспансия, ведшаяся прежде всего силами хотя и близкой по славянским корням, но такой чуждой цивилизационно Польши, а также Ордена иезуитов – «всемирных реакционеров», по выражению младшего единомышленника М.О.Кояловича, его ученика и преемника на кафедре гражданской истории ПДА П.И.Жуковича [188, с. 385].

Деятельности Общества Иисуса в Польше и в Литве историки западнорусисты придавали огромное значение и уделяли такое же внимание. Связано это было не только и, видимо, не столько с той действенно выдающейся ролью, которую последователи Игнацио Лойолы сыграли в истории данного региона. Основной мотив, которым руководились эти историки, заключался в стремлении на конкретных исторических примерах показать неискоренимую порочность католицизма, а сделать это лучше всего было через показ неблагоприятных дел иезуитов, как наиболее яркого воплощения «духа латинства». Вот почему на них и обрушились со всей силой своего «праведного гнева» М.О.Коялович, П.Д.Брянцев, П.Н.Жукович, П.О.Бобровский.

«Иезуитство составляет самое логичное, неизбежное развитие латинской системы веры» – заключал М.О.Коялович и этим объяснял, почему для подготовки унии были выбраны иезуиты [281, с. 222]. Более реалистичен в оценке этих самых причин П.Н.Жукович. Изучавший не только историю ВКЛ, но и этнической Польши, он объясняет появление иезуитов на территории Центрально-Восточной Европы, той же самой главной причиной, по которой они разворачивали свою деятельность и в других регионах Европы – угрозой победы Реформации и торжества протестантизма [288, с. 93, 94]. К самой же Реформации Жукович относится более холодно, нежели Коялович. В этой обстановке и развернули свою деятельность иезуиты, несмотря на сопротивление, оказываемое им протестантской или, как считает Жукович, «прорадзивиловской» партии [188, с. 385].

Фактически повторяя друг друга, М.О.Коялович, П.Д.Брянцев и П.Н.Жукович описывают методы иезуитов. Открытые для посещения не католиков театрализованные мессы, страстные, но демагогические проповеди, постоянные провокации в отношении православных и протестантов, диспуты с последними, а в случае отказа от них сторонников Реформации – лжедиспуты, в которых иезуит играл роль протестанта и терпел поражение, индивидуальная работа с представителями верхов общества и устройство иезуитских

коллегии, но в то же время и самоотверженная помощь больным чумой в Вильно – так выглядят формы деятельности членов Общества Иисуса в изложении историков-западноруссизмов [92, с. 370 – 374; 188, с. 402, 403; 281, с. 221 – 230]. Разумеется, они оцениваются этими историками весьма отрицательно, но в то же время признаётся, что они дали необходимый иезуитам результат: позиции католицизма, пошатнувшиеся во время Реформации, начали постепенно и очень уверенно восстанавливаться [188, с. 524 – 542]. Можно было приступить к осуществлению заветного плана папства: привести под свою власть массы белорусских и украинских «схизматиков», посредством церковной унии.

Подготовка к ней, по мысли представителей историографии западноруссизма, исподволь началась при одном из самых, как они считают, «славных» королей Речи Посполитой Стефане Батории [282, I, с. 44]. М.О.Коялович подчёркивает, что первоначально иезуиты, пользовавшиеся поддержкой Батория, вынашивали более грандиозные планы, стремясь распространить унию и на территорию Российского государства, но это у них не вышло, и с тем большим усердием они приступили к организации объединения церквей в пределах Речи Посполитой [288, с. 194, 195]. Однако, как считает лидер западноруссизма, не только натиском со стороны папской курии и Общества Иисуса можно объяснить факт заключения унии – существовало и встречное движение к ней со стороны православных иерархов Речи Посполитой [282, I, с. 62 – 64, 75].

В своей «Литовской церковной унии» М.О.Коялович немало места уделяет изображению и оценке состояния православной церкви в Польско-литовском государстве во второй половине XVI в. Он указывает на падение морального уровня православного духовенства, приводя тому яркие примеры, и на имевшей тенденцию к усилению разрыва между этим духовенством и мирянами, которые пользуясь преимуществами системы патроната (опеки над православием со стороны единоверной магнатории, прежде всего, князя К.К.Острожского), всё более смело отстаивали своё право иметь собственный голос при решении церковных дел [282, I, с. 52 – 54, 62, 66]. Это, по мнению историка, весьма не нравилось высшему духовенству и толкало его в сторону унии. М.О.Коялович признаёт, что идея унии владела умами многих людей в Литве [282, I, с. 71 – 73]. К ней склонялись (хотя вкладывали в её идею своё содержание) даже такие ревнители православия, как вышеупомянутый князь К.К.Острожский [282, I, с. 55 – 58, 108, 109]. Решительно против были братства – организации мирян (в данном случае, православных), за что их и превозносит Коялович [281, с. 243; 282, I, с. 65 – 66]. В общем, с его точки зрения существовал целый комплекс причин, бросивших часть православного населения, особенно духовенства, в объятия «латинства»: «шаткость

веры, порочность жизни, страх суда (за злоупотребления – А.Л.), неудовольствие против Патроната, честолюбие и жажда выгод» [282, I, с. 89].

Кризис в православной церкви, наличие которого признаёт Коялович, привёл к тому, что «постепенно, незаметно образовались две партии» – «партия ревнителей веры православной, способная всё принести в жертву дорогим убеждениям, и рядом с нею – партия людей, утомившихся религиозной борьбою, способных, ради житейских выгод, на всякие сделки с латинством» [281, с. 241]. Возглавили же вторую партию Ипатий Потей и Кирилл Терлецкий (разумеется, им обоим Коялович дает резко отрицательную оценку [282, I, с. 62, 64, 102; II, с. 54 – 79]). «Уния основывалась на коварстве и обмане», – заключает историк [282, I, с. 128]. По его мнению, результатом заключения унии стал раскол на «верхи» и «низы», который произошёл не только внутри церкви, но и в самом обществе. Вызван он был, как считает историк, не столько даже распространением унии, сколько непосредственным переходом в католичество бывших православных магнатов. «Когда пала западнорусская аристократия, народное западнорусское дело перешло под защиту среднего сословия – городского, мещанского и ещё более, чем у аристократии, сосредоточилось в вопросе о вере», – утверждает М.О.Коялович [282, I, с. 262, 263]. Отныне для него история «Западной России» XVII и XVIII веков – это история неустанной борьбы за сохранение православия. Униатству же он решительно отказывает в праве быть полноценной народной религией: «Литовская униатская церковь, с 1596 г. и до последних дней своего существования, следовала двум главным направлениям, совершенно противоположным, которые, по-видимому, никак нельзя было соединить в одной и той же жизни долгое время. Согретая латинским иезуитским фанатизмом – одним из самых жестоких видов религиозного фанатизма, она напрягала все силы к тому, чтобы, как можно больше, распространяться в пределах западно-русской Церкви. Этим она ясно показывала свойственное всем вероисповеданиям желание упрочить своё существование, иметь побольше последователей. Но в то же самое время, сближаясь больше и больше с латинскою церковью, она в такой же прогрессии теряла свою самостоятельность и передавала латинству своих членов. Таким образом, униатская литовская церковь одною рукою созидала себя..., а другою в то же самое время разрушала» [282, II, с. 1]. Эту же самую мысль, только более коротко и чётко, выразил П.Д.Брянцев: «Уния, понимаемая в смысле церковном, есть такое православно-восточное вероисповедание..., которое признаёт римского папу видимым главою церкви и подчиняется ему. Значит. уния была не что иное, как переходная ступень в католичество» [92, с. 397]. В качестве же общего вывода можно привести

категорическое утверждение Кояловича: «...Вершина же всего зла соединения Литвы и Польши – латинство» [283, с. 86]. Всё же Коялович был вынужден признать, что постепенно униатство распространяло своё влияние на восточнославянские земли Речи Посполитой [282, I, с. 237].

Анализируя состояние этих земель в XVII в., М.О.Коялович и П.Д.Брянцев большое внимание уделяют деятельности «малороссийского» казачества. Оно, как считает М.О.Коялович, «везде являлось для защиты родины и для борьбы с азиатским миром крайними мерами, когда обыкновенные средства государственные оказывались недостаточными» [282, с. 269]. В XVII в. у него появилась задача борьбы с «латинством». Однако её казачество выполнило, по мнению М.О.Кояловича, не в достаточной степени, поскольку поддавалось польскому влиянию. К чести М.О.Кояловича и П.Д.Брянцева, они не замалчивают фактов жестоких расправ казаков над униатами и евреями и осуждают их [92, с. 478–480; 282, II, с. 211; 283, с. 53, 54]. Такое же осуждение вызвало у них убийство витебскими мещанами полоцкого униатского архиепископа Иосафата Кунцевича («гноусное дело», по определению М.О.Кояловича), хотя сама его личность им вовсе не симпатична, ибо Кунцевич рассматривался ими в качестве образчика «латинского фанатизма» [92, с. 442; 279, с. 73; 282, II, с. 128–138].

Таким образом, М.О.Коялович показывает, как в борьбе с «полонизмом» последовательно терпели поражение различные антикатолические силы: «западнорусская аристократия», мещанство и казачество. Исходя из этого, он делает единственный и как бы само собой разумеющийся вывод: спасение православного населения региона заключалось только в помощи России. Естественно, присоединение этого региона к империи он оценивал со всех сторон положительно [279, с. 352; 281, с. 358, 359]. Вину за насильственный характер раздела Речи Посполитой историк всецело возлагал на Австрию и Пруссию [267, с. 83]. Еще в большей мере эту мысль подчёркивал П.Д.Брянцев [92, с. 555].

По убеждению данной группы историков, «борьба между русским и польским влиянием продолжалась и в конце XVIII — начале XIX вв.. одну из причин такого состояния дел они видели в сохранении до 1839 г. унии» [279, с. 399]. Процесс её искоренения осложнялся, по мнению Кояловича, непоследовательной политикой российских властей, но и этот факт историк представляет в качестве доказательства либерального характера русского правления [279, с. 114; 280, с. 370–377]. Распространение в крае русского землевладения рассматривается учёным не с социально-экономической точки зрения, а как средство укрепления здесь влияния русских начал [359, с. 132].

Как известно, первая четверть XIX в. ознаменовалась усилением полонизации земель бывшего ВКЛ, что вызывало у

представителей западноруссистской историографии только осуждение. Особенно много неместных слов выпало на долю инициатора данной политики князя А. Чарторыйского [280, с. 209; 281, с. 370–377]. События же 1812 г. показали, что «поляки способны были только <...> на измену России» [280, с. 209]. В этот же период, как отмечает П.О.Бобровский, выросло давление на униатов с целью их «латинизации». Всё это дало основание М.О.Кояловичу назвать Польшу «неблагодарной страной» – к ней-де российские власти отнеслись «по-божески», а она всё равно не оставила попыток установить свой духовный контроль над «Западной Россией» [281, с. 377]. Вот почему М.О.Коялович и его единомышленники горячо приветствовали отмену в 1839 г. церковной унии, считая это естественным финалом униатства, решительным ударом по польским притязаниям и замалчивая во многом насильственный характер «воссоединения» [281, с. 386; 430].

«Неблагодарность» Польши, с точки зрения историков-западноруссистов, выразилась также и в целом ряде антироссийских восстаний. Эти историки безоговорочно осуждали подобные акции не только потому, что последние несли угрозу территориальной целостности России, но и по причине славянофильского неприятия методов решения политических проблем вооружённым путём. М.О.Коялович, например, называет восстание 1794 г. под руководством Т.Костюшко «смутой», фактически отказываясь выникать в его события [279, с. 393]. Как проявление пресловутой «неблагодарности» рассматривает историография этого направления польское восстание 1830–1831 гг. оценивая его ход и результаты, П.Д.Брянцев не без удовольствия отмечает: «<...> В Польше <...> простой народ никогда не принимал участия в защите государства <...> Правда, польские вожди, подобно Костюшко, обращались к народу и просили содействия, но никто не откликнулся» [91, с. 22].

Хорошо известно резко отрицательное отношение историков данного направления к восстанию 1863–1864 гг., рефлексией на которое было во многом и само это направление. Данному событию посвящена специальная работа П.Д.Брянцева [94].

Историк подчеркивает «вершущий» характер «мятежа», опять-таки не поддержанного народом: «Но ни газеты, ни воззвания, ни брошюры с плакатами, ничто не подействовало на крестьян: крестьяне не пристали к жонду и не пошли в мятеж» [94, с. 63]. Давая высокую оценку личным качествам В.К.Калиновского, он в то же время обращает внимание на его революционный экстремизм и уподобляет его М.Робеспьеру [94, с. 157]. В выгодном свете по сравнению с инсургентами предстают, в изложении историка, Муравьев, Корнилов и Катков – три наиболее «знаковые» фигуры, каждая из которых внесла свой вклад в дискредитацию

повстанческой идеологии, подавление восстания и русификацию края [94, с. 125, 126, 187 – 194, 236, 237]. Им П. Д. Брянцев даёт, без преувеличения, апологетическую характеристику, а «муравьёвские» порядки у него выглядят и вовсе идиллически [94, с. 238, 239]. Однако подобная картина всеобщего благоденствия, наступившего после «усмирения мятежа», вызывает недоверие у мало-мальски искушённого читателя – слишком она слашава. В данном случае особенно сказался присущий представителям анализируемого течения историографии субъективизм, выразившийся иногда в стремлении описывать не то, что было, а то, что должно было быть.

Такова в общих чертах событийно-хронологическая и феноменально-историческая сторона концепции, которую в 60-е – 90-е гг. XIX в. выработала западноруссистская историография. Какова же её проблемная сторона?

Следует сразу же отметить, что историки Беларуси, Литвы, отчасти Украины и в какой-то степени Польши, как она понималось историками, принадлежавшими к данной школе, – это вовсе не всеобъемлющая, «тотальная» или хотя бы в определённой мере уравновешенная в своих составляющих история. Учёных специалистов и популяризаторов этой концепции притягивала, прежде всего, религиозно-конфессиональная и сопряжённая с ней политическая проблематика истории «Западной России». Любая другая сфера общественной жизни предыдущих эпох рассматривалась ими в подавляющем большинстве случаев постольку, поскольку она помогала раскрыть основную для них проблематику. Таким образом социально-экономическая, внешнеполитическая, общекультурная тематика их мало интересовала. Связано это было не только с их славянофильскими пристрастиями, но и со спецификой их биографии и профессиональной подготовки: так или иначе они имели отношение к конфессиональной жизни по своему происхождению и воспитанию, по месту службы и часто определявшейся ею зависимостью от православной церкви.

Симптоматично, что историки данного направления, исповедовавшие славянофильство с его интересом к народной жизни, как раз так и отразили её на страницах своих произведений в довольно малой степени. Их история народа – во многом история не реальная, а идеальная, загнанная в прокрустово ложе идеологических схем. Приняв в качестве руководства к действию славянофильский тезис о цивилизационно-образующей роли религии, они подчиняли все стороны жизни населения вопросу его конфессиональной ориентации. Действительное, гораздо более сложное содержание общественного развития, таким образом, выхолащивалось. Только П. О. Бобровский несколько выбивается из их ряда, но и он делает это непоследовательно [85; 86]. Вот почему

даже в претендующих на всесторонность трудах преобладает религиозно-конфессиональная тематика.

Характеризуя уровень разработки данной тематики, следует сказать, что Коялович и его единомышленники исходят из факта существования некоего, сложившегося ещё в древности и с тех пор не изменявшегося славяно-православного архетипа, являющегося, по их мнению, эталоном исторического существования славянства. Иными словами, хорошо с их точки зрения то, что служит делу укрепления православия, что же этому делу препятствует – то плохо. Следование этому принципу придавало концепции консервативный характер, обрекало её содержание на антиисторизм и вырабатывало стремление не столько исследовать, сколько судить историю [362, с. 3].

Данный принцип нашел своё отражение в ряде идеологем: об органическом соответствии православия славянскому духу; об исторической миссии России хранить и приумножать православие; о «латинизации» Польши как факте измены общеславянскому делу; о расцвете ВКЛ под влиянием православия и о гибели этого «литовско-русского» государства вследствие разлагающего влияния католицизма; о безусловном вреде Брестской церковной унии как подрывавшей позиции православной церкви; об оправданности политики Российского государства, если она была направлена против полонизма, католицизма и униатства и вела к утверждению в регионе русско-православного фундамента как основы народной жизни. Вторили ему в этом другие историки анализируемого направления, и лишь П.Н.Жукович делал попытки, правда, весьма робкие, рассмотреть объективное, а не модальное содержание изучаемых процессов религиозно-конфессионального развития [188].

Политическая, в том числе и внешнеполитическая история различных государственных образований, в которые входил данный регион, занимает в концептуальных построениях историографии западноруссизма этого периода хотя и второе по значимости, но всё же подчинённое, по сравнению с религиозно-конфессиональной историей, место. Подчинённость эта выражалась в системе оценочных критериев, по которым учёные, принадлежавшие к данному течению историографии, судили об этих образованиях. Их политических институтах (хотя деятельность последних рассматривалась в очень малой мере) и конкретных персонажей политической истории. Естественно, чем более они служили интересам «латинства» и «полонизма», тем менее высокую оценку они могли снискать у этих учёных. Фактически не подлежала рассмотрению полифункциональная структура государств, и в очень малой степени рассматривалась его многогранная деятельность. И это при том, что и М.О.Коялович, и П.Д.Брянцев придавали огромное значение деятельности

государства по организации общества, считая волю их правителей главным двигателем истории [92; 93; 281; 288]. Однако в их работах далеко не всегда присутствует учёт тех реальных обстоятельств, в которых действовали те или иные государственно-политические фигуры. Отдавая должное их личным качествам и пытаясь иногда оценивать их деятельность безотносительно к фактору религиозной принадлежности, они часто сбивались именно на конфессиональный критерий в их оценке. А поскольку большинство этих деятелей придерживались прокатолической ориентации, то они попали в разряд «антигероев» концепции историографии западноруссизма, особенно такие деятели, как Ягайло или Сигизмунд Кейстутович [283, с. 10; 288, с. 94, 139, 140].

Несмотря на то, что в основу периодизации истории «Западной России» и М.О.Коялович, и П.Д.Брянцев положили государственно-политический принцип, эволюция рассматриваемых государств (ВКЛ и Речи Посполитой) изучается только в контексте преобладания в них той или иной религии. Поскольку позиции католицизма в этом регионе начиная с конца XIV в. неуклонно усиливались, то линия этой эволюции получается у М.О.Кояловича и его единомышленников нисходящей, а характер её трактуется как дегенеративный. Крушение Речи Посполитой выглядит в их построениях вполне закономерным, чуть ли не фатально заложенным в программу развития этого государства.

В этом же ключе рассматривается социальная история региона. Собственно социологический анализ состояния общества в работах историков западноруссистской школы отсутствует как в синхронистическом, так и в диахронном аспекте, даже на уровне крупных социальных групп, не говоря уже о более мелких. Всего лишь перечисляются основные сословия «западнорусского» общества, и рассматривается их культурно-религиозная ориентация. Их экономические, правовые интересы, их быт остаются вне пределов анализа, либо этот анализ недостаточен, ибо не подкреплён изучением социально-экономических и правовых условий существования населения. И опять же, оценка положения различных социальных групп в работах прежде всего М.О.Кояловича напрямую зависит от сложившейся на рассматриваемый момент времени религиозной ситуации. Само собой разумеется, это наиболее ярко видно на примере с духовенством. М.О.Коялович всячески подчёркивает неизбывный авторитаризм католического духовенства, имевший результатом отрыв его от народа, признаёт кризис в православном духовенстве, сложившийся во второй половине XVI в. и приведший к тому, что оно не смогло выполнить свою задачу защиты паствы от притязаний латинства и тоже противопоставляет его, особенно верхи, мирянам [282]. Сложнее отношение историков западноруссов к униатскому духовенству. Осуждая унию и высшую

униатскую иерархию за отход от православия, считая базилианский орден орудием «латинства», они (М.О.Коялович и П.О.Бобровский) в то же время с сочувствием повествуют о борьбе рядового духовенства за сохранение в униатстве остатков православия, считая, что это подготовляло последующее «воссоединение» униатов с Российской православной церковью [85].

Довольно прямолинейно трактуется этими историками проблема эволюции феодального сословия ВКЛ и Речи Посполитой, по преимуществу носившего название шляхты. Были литовские «бояре» православного вероисповедания защитниками веры и Отечества, но, заразившись польской «теорией хлопства» и погнавшись за привилегиями польской шляхты, изменили своему призванию и противопоставили себя народу, внутренне разложившись под польским влиянием – вот такой нехитрый тезис отстаивали историки школы М.О.Кояловича [92; 281; 288]. Признавая, что в этом тезисе содержится немалое зерно исторической правды, следует сказать, что эволюция шляхты выглядит в работах этих историков несколько упрощенно и опять же по причине игнорирования ими социально-экономической проблематики. В этом отношении историки-западноруссисты существенно уступали представителям других историографических школ [169; 171; 172; 175]

Противоречиво отношение М.О.Кояловича и П.Д.Брянцева к такому специфическому сословию, как казачество. Основной лейтмотив их оценки заключается в следующем: казачество, будучи призванным защищать православие, не справилось с этой задачей, привнес к тому же в политическую жизнь абсолютно ненужные в ней элементы насилия, натуралистические описания которого не раз встречаются в работах этих историков [92, с. 478 – 480; 281, с. 269; 282, II, с. 211].

Неярко выражена позиция М.О.Кояловича в отношении мещанства ВКЛ и Речи Посполитой. Он утверждает, что «городская жизнь в Литовском княжестве была также мало развита как и в Древней Польше. Но в Литве она подвергалась меньшему наплыву иноземных элементов, чем в Польше и давала гораздо большую возможность развитию в городах местным силам» [281, с. 212]. Оценка действовавшего в городах Магдебургского права колеблется у историка между нейтральной и положительной, подчёркивается воспитательное значение его, ибо оно «лучше всех тогдашних средств приучало народ к уважению закона» [282, II, с. 131]. Однако в то же время Коялович утверждает, что в условиях усиления «польского влияния», главными проявлениями которого было самоуправство польской аристократии и наплыв евреев, «туземное мещанство осуждено было на историческое вымирание» [281, с. 218].

Наконец, явные следы тенденциозности носит анализ состояния крестьянства ВКЛ и Речи Посполитой, произведённый М.О.

Кояловичем. Он констатирует резкое усиление крепостничества, произошедшее в результате заключения Люблинской, 1569 г., унии. Объяснялось это полонизацией белорусской, литовской и украинской шляхты и распространением среди неё «теории хлопства», означавшей рабство для крестьян [281, с. 219].

Правда, здесь вставал вопрос, а как же быть с тем, что в России, к которой якобы были направлены устремления простого народа, тоже существовало крепостничество? М. О. Коялович отвечает на этот вопрос очень просто, безапелляционно утверждая: «Польское хлопство – неоспоримо худшее состояние, чем крепостная зависимость от России» [281, с. 369]. При этом он убедительно не аргументирует этот тезис. Даже в раздаче земель Беларуси, Литвы и Украины русским аристократам он, видит положительный смысл, совсем не обращая внимания на реальное состояние облагодетельствованных сменой хозяев крестьян [279, с. 132]. Следует всё же отметить, что Коялович приветствовал отмену крепостного права, ибо видел в этом фактор высвобождения для «западнорусского дела» народных сил [284].

У историков-западноруссистов фактически отсутствовал в данный период анализ общекультурной истории, точнее говоря, он сводился к тезису: распространение западного, католического влияния, выразившееся в полонизации есть безусловное зло, с которым надо бороться. Попутно делаются малозначащие замечания о правовой культуре общества, не идущие дальше констатации фактов существования Магдебургского права, принятия литовских Статутов. Создаётся впечатление, что всё, не имевшее непосредственной связи с конфессиональной жизнью, их не интересует

Львиную долю проблематики истории международных отношений, рассматриваемой в работах Кояловича и других представителей данной школы, составляет история отношений ВКЛ и Речи Посполитой, с одной стороны, и Московского (Российского) государства, с другой. Внешнюю политику последней они почти во всех случаях оправдывают, поскольку Россия стремилась объединить в своём составе все «издревле русские и православные» земли, что соответствовало цели западноруссистов. Правда, М. О. Коялович не замалчивал многочисленных эксцессов, имевших место во время войн, например, в 1654 – 1667 гг. и происходивших по вине российских войск [282, II, с. 208].

Подводя итог рассмотрению концепции исторического развития Беларуси, Литвы и Украины, представленной в трудах историков-западноруссистов, необходимо сделать следующие выводы:

1) автор данной концепции – М. О. Кояловичи, поскольку другие историки либо повторяли его положения, либо вносили в концепцию некоторые штрихи, но не более того;

2) для этой концепции определённая эклектичность и недостаточная доказательность, хотя она не лишена внутренней логики;

3) в рассматриваемый период (60-80 гг. XIX в.) не обнаруживается ярко выраженной тенденции к её эволюции;

4) в контексте общего развития российской исторической науки данная концепция была явлением вчерашнего дня;

5) её появление вызвало всплеск научного интереса к проблемам истории данного региона.

Таким образом, в 60-е – 80-е годы XIX века западноруссизм в историографии не только возник как общественно-политическое и научное явление, но и прошёл определённый путь развития. В это время выработались методологические и концептуальные основы западноруссистской историографии и выявилась её тесная связь с политикой царизма. Сторонники этого направления развернули активную деятельность по пропаганде своих историографических идей в периодической печати российской империи, а также работу по изданию исторических источников. Была создана сеть контролируемых властями организаций и учреждений исторического профиля главной целью которых была русификация Беларуси. Была разработана, в первую очередь, М.О.Кояловичем концепция исторического развития данного региона, философской и методологической основой этой концепции явилось позднее славянофильство. Данная концепция освещала историю края с официальных охранительных позиций и отличалась повышенной степенью тенденциозности и субъективизма.

Главный же вывод, который можно сделать в отношении первого периода в развитии западноруссистской историографии заключается в следующем: анализируемое направление исторической науки оформилось в 60-е – 80-е годы XIX столетия в довольно целостную систему, позволившую историкам западноруссистам занять ведущие позиции в изучении истории данного региона.

ГЛАВА 3. РАЗВИТИЕ ЗАПАДНОРУССИЗМА В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ 90-Х ГГ. XIX – НАЧАЛА XX В. (ДО 1917 Г.).

Второй период развития западноруссистской историографии имеет следующие хронологические рамки: 90-е годы XIX в. – 1917 г. При этом в данном периоде можно выделить два этапа: 90-е гг. XIX в. – 1905 г. и 1905 – 1907 гг. Основанием для подобного рода периодизации служат как происходившие в течение обозначенного временного отрезка важные изменения в общественно-политической жизни Российской империи в целом и Беларуси, как составной части последней, так и внутренняя динамика развития анализируемого направления историографии. Нельзя, однако, противопоставлять общественно-политическую и собственно историографическую стороны данного явления исторической науки.

90-е годы XIX в. выбраны исходным рубежом для начала развития западноруссистской историографии по нескольким причинам. Во-первых, конец XIX ознаменовался важными переменами в общественно-политической жизни Российской империи. Развитие капиталистических отношений постепенно меняло экономический, а с ним и социально-политический облик страны. Этот процесс не мог не затронуть Беларусь. Постепенная капитализация деревни приводила к имущественному расслоению белорусского крестьянства. Формировалась промышленная буржуазия и пролетариат. Эти группы населения, вырабатывая в ходе своего формирования собственную идеологию, испытывали в лице их теоретиков нужду в адаптации достижений исторической науки к своим идейным запросам, а также в её дальнейшем развитии, если эти достижения их не удовлетворяли. Не собирались сдавать своих позиций и представители тех социальных групп, которые смогли с разной степенью успешности оформить собственные исторические воззрения в виде историографических концепций в предыдущие периоды. Примером такой концепции и был западноруссизм, отражавший, пусть и опосредованно, интересы российского чиновничества, православного духовенства, определённой части белорусской интеллигенции, воспитанной в находившихся под патронажем царизма учебных заведениях, а начиная со времени осуществления столыпинской аграрной реформы, и части белорусской сельской буржуазии [368, с. 422 – 428].

В связи с вышесказанным, «в эпоху капитализма на развитие белорусского этноса активно и существенно влияли и три компонен-

та политического фактора: система российского самодержавия с его имперской политикой, общероссийское и белорусское национально-освободительное движение» [222, с. 320, 321]. Период вызревания последнего как раз приходится на 90-е годы XIX в.

Эти процессы общественно-политического развития не могли не затронуть историческую науку. К 90-м годам XIX в. можно считать оформившейся российскую либеральную историографию в той её части, которая касалась изучения истории Беларуси (И.И.Лапко, В.В.Антонович, в особенности М.К.Любавский и другие [47; 48; 303; 321 – 325]). Её научно-теоретические положения, подкреплённые результатами осуществлявшегося на новом методологическом и методическом уровне изучения исторических источников, в том числе не востребованных ранее, во многом противостояли западноруссистской концепции, что, естественно, требовало научно выверенного ответа со стороны приверженцев последней.

Наконец, определяя 90-е годы XIX в. в качестве рубежа между двумя периодами развития рассматриваемого направления историографической науки, необходимо указать на такой фактор, как кончина в 1891 г. М.О.Кояловича, оставившая западноруссизм без своего общепризнанного лидера, как в общественно-публицистической, так и в научно-теоретической области (забегая вперёд, отметим, что фигуры, равной по масштабам М.О.Кояловичу, западноруссизм во второй период своего существования так и не выдвинул из своих рядов). Данное обстоятельство повлекло некоторое снижение активности западноруссистов в 90-е годы XIX в., которое было преодолено во время событий революции 1905 – 1907 гг.

Это событие, вызвавшее резкую активизацию деятельности представителей западноруссизма, направленной как против традиционного оппонента – польского национального движения, так и против нового – белорусского национально-освободительного движения, можно считать определяющим для вычленения периода 1905 – 1917 гг. в особый подпериод. Придание ему статуса самостоятельного периода нецелесообразно по причине того, что кадры западноруссистской историографии, задавшие тон на этом этапе, были взращены в 90-е годы XIX в., а также потому, что, как будет показано ниже, события революции 1905 – 1907 гг. оказали малое влияние на академическое направление этой историографической школы.

Наконец, вполне закономерно считать бурные события 1917 г. финалом западноруссистской историографии. Февральская, а затем и Октябрьская революции привели к коренной ломке общественной структуры Российской империи и к кардинальной смене идейной парадигмы. Естественно, в таких условиях существование западноруссистской историографии стало

невозможным в силу её монархичности и клерикальности. И хотя рецидивы западноруссизма как идеологии и даже, в определённой степени, методологии истории Беларуси не раз имели место и впоследствии ([198; 331; 332]), всё же функционирование порождённой им историографии завершилось именно в 1917 г., который является конечной датой жизни рассматриваемой научно-исторической школы.

§1. Западноруссистская историография в конце XIX – начале XX вв. (общая характеристика)

Западноруссистская историография в данный период своего развития оказалась под влиянием различных, порою весьма противоречивых тенденций. С одной стороны, она пользовалась непрекращающейся поддержкой правящих кругов Российской империи, и это обеспечивало ей «режим максимального благоприятствования». Продолжала действовать сеть научных и учебных заведений, созданная в предыдущий период, что способствовало популяризации идей западноруссизма и обеспечению данного течения исторической науки кадрами. С другой стороны, существовал жёсткий социально-идеологический заказ, формулировавшийся этими кругами, включавшими в себя как часть системы и православную церковь. Этот заказ должна была выполнять западноруссистская историография, что придавало ей официальный характер и снижало её конкурентоспособность. Если в 60-х – 80-х гг. XIX в. она занимала положение, близкое к монопольному, что объяснялось не только поддержкой царизма, но и упадком альтернативной по своему подходу к изучению истории Беларуси «литвинской» школы (последний крупный представитель – А.Киркор), а также вызванным этой поддержкой хронологическим первенством западноруссистов среди российских историков, то в 90-е гг. ситуация изменилась. В конце XIX – начале XX вв. на авансцену исторической науки вышли представители российской либеральной и белорусской национальной историографии и серьёзно поколебали монополию западноруссизма [222, с. 347 – 377].

Для анализируемого течения российской (и белорусской, если говорить о выходцах из Беларуси) исторической мысли это имело ощутимые последствия. Во-первых, данная историческая школа стала перед выбором: либо твёрдо держаться уже сформировавшихся методологических и теоретических устоев, либо эволюционировать в направлении большей либерализации [54; 55]. Во-вторых, намечилось очевидное расхождение между

направлением, ориентированным на пропаганду идей западноруссизма в широких народных массах, которое условно можно назвать «публицистическим» и направлением академическим (последнее, в лице таких своих представителей, как П.Н.Жукович и К.В.Харлампович, как раз и обнаруживало тенденцию к либерализации). В-третьих, перед западноруссистской историографией, особенно перед её «публицистической» ветвью, встала задача борьбы с белорусским национально-освободительным движением («сепаратизмом», по терминологии западноруссистов). Это требовало новых методов борьбы, в том числе и на историографическом фронте. В-четвёртых, возникла проблема соотношения традиционной тематической направленности этого течения исторической науки, интересовавшегося преимущественно конфессиональной историей, с новыми тенденциями в историографии, уделявшими гораздо большее внимание проблемам социально-экономической истории. В-пятых, уже сам факт того, что со времени возникновения западноруссизма прошло около 30 лет, требовал разработки проблематики истории второй половины XIX в. в связи с этим необходимо отметить, что в данный период появились работы, авторы которых (И.П.Корнилов, А.И.Миловидов) осмысливали исторический путь, пройденный западноруссизмом [267 – 271; 336 – 359].

Весь этот комплекс проблем, которые встали перед историографией рассматриваемого направления, и составил своеобразный «вызов эпохи», на который она должна была ответить.

Развитие анализируемого течения в рассматриваемый период в целом протекало в тех же самых формах, что и в период предыдущий. Также можно выделить три основных направления научной активности историков, «исповедовавших» западноруссизм. Это публикация исторических трудов на страницах периодики, издателями которой зачастую были наиболее деятельные адепты данного общественно-политического и научно-исторического направления; участие в работе учебных и научных заведений соответствующего профиля; создание научных трудов, в которых рассматривались как конкретно-исторические вопросы, так и делались попытки концептуального анализа проблем белорусской истории. Научные пристрастия историков этой школы (как профессионалов, так и любителей) по-прежнему определялись интересом к средневековому прошлому Беларуси (история ВКЛ) и к её судьбе в составе Речи Посполитой, в первую очередь к политической и религиозной истории края. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что делались попытки, впрочем, довольно редкие, выйти за пределы данной тематики и заняться вопросами социально-экономической истории (П.Н.Жукович [187;

190; 194]). Сохраняла силу полемическая направленность этих научных произведений, в которых противопоставлялись с одной позитивной стороны Россия и православие, с другой, соответственно, с негативной стороны – Польша и католицизм [186; 190; 192; 473; 493, 494]. В то же время наблюдается тенденция к большей взвешенности, осторожности оценок (К.В.Харлампович [493, 494]) у представителей академической историографии, при неослабевающем накале антиполонизма в «публицистической» историографии (Л.М.Солоневич, П.Г.Бывалькевич, П.В.Коронкевич, О.Г.Кулаковский, А.Вруцевич и другие [45; 303; 395 - 401; 472; 473; 515; 518 - 523]). Вообще, следует отметить, что в рассматриваемый период среди приверженцев западноруссизма не было фигуры, подобной М.О.Кояловичу, который в своё время достаточно успешно сочетал в одном лице как качества, присущие профессиональному историку, автору научных монографий, так и недюжинный талант публициста. Более того, можно с уверенностью утверждать, что в конце XIX – начале XX вв. западноруссизм не выдвинул из своих рядов личности, сопоставимой по значимости с М.О.Кояловичем. На лидирующие позиции претендовал Л.М.Солоневич, но всё же они не достиг уровня основателя западноруссистской историографии. Дефицит ярких личностей, которые выделялись бы прежде всего своим научным дарованием, а не способностями к политизированной журналистике, ошутимо сказывался на всём протяжении второго периода в развитии западноруссизма.

Однако, при всём при этом, влияние западноруссизма на развитие исторической науки, хотя и заметно уменьшилось, всё-таки оставалось ещё весьма значительным. Причины этому надлежит видеть не только в традиционной поддержке западноруссизма со стороны властей Российской империи, но и в оформлении в начале XX в. общественно-политических организаций (общество «Крестьянин», Русское Окраинное Общество, Белорусское Общество и др. [368, с. 413, 422 – 428]). Эти организации преследовали цель утверждения на окраинах империи, в том числе и в Беларуси, «истинно-русских начал» и призваны были неустанно бороться со всяческого рода «сепаратизмами» [401, с. 17 – 19, 34, 99]. Применительно к Беларуси цель эта реализовывалась через борьбу как с польским национальным движением (в котором западноруссизм продолжал видеть основную угрозу), так и с набиравшим силу белорусским национальным движением. Разумеется, при такой постановке вопроса практикующим в области политики «западноруссам» необходим был идеологический инструментарий, одной из составных частей которого были соответствующим образом интерпретированные данные исторической науки. Альянс между западноруссизмом политическим и научно-историческим был в

период между 1905 – 1917 гг. как никогда прочным [361, с. 413, 422 – 428].

Кроме того, продолжала действовать своеобразная инерция развития исторической науки, то есть как и раньше, выпускали свою «продукцию» учреждения данного профиля, созданные в предыдущий период: Виленская археологическая комиссия, Северо-Западный отдел Русского Географического общества, Витебский центральный архив древних актов (последний до 1903 г.) [20-39; 50; 53; 90; 95; 159; 168; 369; 371; 377; 379; 386 – 388; 457; 459; 466-468; 477; 484; 500; 503]. Более того, в начале XX в. список этих учреждений пополнился, о чём более подробно речь будет вестись ниже. Все эти центры организации исторической науки в той или иной степени проповедовали систему научных взглядов западноруссистского толка. Будучи в очень большой степени зависимыми от властей, они в целом вынуждены были проводить официальную политику в области исторической науки – политику, не допускавшую существенных «умственных шатаний».

«Ученики и союзники» М.О.Кояловича также продолжали свою активную научную деятельность. Центром, вокруг которого они группировались, продолжала оставаться Петербургская Духовная Академия. Наиболее научно весомой среди них была фигура наследника Кояловича на кафедре ПДА – П.Н.Жуковича [222, с. 346; 508, с. 224 – 229]. Он вместе с профессором Казанской Духовной Академии К.В.Харламповичем представлял академическое направление западноруссистской историографии.

Таким образом, западноруссизм, несмотря на некоторое ослабление его позиций в историографии, оставался в 90-х гг. XIX — начале XX вв. значительным феноменом исторической науки. Несмотря на определенную либерализацию своих воззрений, впрочем, не всеобъемлющую и непоследовательную, его сторонники по-прежнему придерживались концептуальных основ, заложенных М.О.Кояловичем. Необходимо рассмотреть различные аспекты функционирования этой школы историографии, чтобы уяснить перемены, произошедшие в ней по сравнению с предыдущим периодом и раскрывающие как внешнюю динамику её развития (взаимоотношения этой школы с современным ей обществом), так и внутреннюю её динамику (изменения в структуре западноруссистской историографии).

§2. Отражение исторических взглядов сторонников западноруссизма в периодике Российской империи начала XX века.

В рассматриваемый период не было ни одного издания, которое, подобно “Вестник западной России”, специализировалось бы на пропаганде в первую очередь историографических идей западноруссизма.

Вся периодика, находившаяся под влиянием этих идей, рассматривала на своих страницах прежде всего проблемы политической и социально-экономической жизни. Удельный вес публикаций по истории был относительно невелик, и они занимали второстепенное положение в сравнении с публикациями на основную для этих изданий (фактически исключительно газет) тематику. Ни один из органов периодики не предоставлял столько страниц историкам данного направления, как это в 60-е гг. делала в отношении Кояловича славянофильская газета «День». Разумеется, нельзя всё же говорить о пренебрежении научными изысканиями историков-западноруссизмов. Наоборот, праворадикальные издания шовинистического толка охотно использовали результаты этих изысканий для утверждения своих идейных позиций. Однако крайняя ангажированность подобного рода изданий определила специфический подход к исторической информации: отбирались для публикации только такие материалы, которые вполне соответствовали общему направлению газет, а поскольку эти издания часто апеллировали, в пик полонизированной земельной аристократии, к населению плебейского происхождения, то информация эта подавалась в упрощённом, даже вульгаризированном виде [395 – 401]. Научно-критический подход при таком положении дел практически отсутствовал. Всё это ещё больше усиливало прагматический характер данного течения историографии, ибо исторические знания в подобном случае оказывались востребованными лишь тогда, когда они не шли вразрез с идеологией сторонников «единой и неделимой России». В таких условиях научная полемика на страницах газет, проповедовавших официоз, не допускалась. Единственное, чего могли ожидать оппоненты западноруссизма – это на то, что их взгляды будут подвергнуты откровенному хулению со стороны adeptов анализируемого общественно-политического и научно-исторического течения.

Среди периодических изданий, которые в той либо иной форме пропагандировали ценности западноруссизма, можно выделить две группы. Первая из них была представлена газетами, которые были издаваемы сторонниками западноруссизма и служили достижению их политических целей. «Окраины России»,

«Минское слово», «Крестьянин», «Белорусская жизнь» (позднее «Северо-Западная жизнь»), «Белорусский Вестник» – вот те органы печати, которые брали на себя смелость отстаивать интересы русской шовинистической партии в Беларуси [263]. Ко второй группе нужно отнести издания, не являющиеся специфически западнорусскими, но на страницах которых иногда, хотя и довольно редко, тоже находили своё отражение взгляды представителей этой историографической школы («Журнал Министерства Народного Просвещения»), «Церковный Вестник», «Витебские Губернские ведомости», «Гродненские губернские ведомости», «Могилёвские губернские ведомости», «Виленский вестник» и др. [508, с. 239 – 241]).

Лидером среди изданий западнорусского толка в начале XX в. нужно считать петербургскую газету «Окраины России» (1906 – 1912 гг.) [395 – 401]. Её издателем был О.Г.Кулаковский, а редактором П.Г.Бывалькевич – оба известные «западноруссы». Этот печатный орган вменил себе в задачу борьбу с самыми различными проявлениями сепаратизма на окраинах империи. Считая русский народ создателем российской государственности, «Окраины России» фактически отстаивали лозунг «Россия для русских». Право других народов на культурно-национальную автономию теоретически признавалось, но при условии, что эти народы признают, в свою очередь, право на главенство в государстве русских. Фактически же «Окраины России» крайне подозрительно и негативно относились к любым, даже не смелым проявлениям национальной инициативы, если она исходила не от русских, и видели в ней признак сепаратизма. Не было ни одного региона и ни одного народа, которым бы не доставалось от бдительных ревнителей «единства и неделимости» России из этой газеты. Финны и армяне, татары и литовцы, евреи и поляки... – все обвинялись Кулаковским, Бывалькевичем и их сотрудниками в попытках разрушить державу. Обвинения в пособничестве сепаратистам сыпались и на головы представителей тех российских политических сил, которые стояли левее черносотенцев и октябристов. Особенно с большим пылом редакция нападала на кадетов, считая их чуть ли не хуже социалистов различных оттенков. Всё это характеризует облик «Окраин России» как праворадикальный, крайне националистический (шовинистический), близкий к черносотенному.

Большое внимание уделялось на страницах петербургского издания и «белорусскому вопросу». Позиция издания по данному вопросу была чётко изложена в самом первом номере газеты: существует единое «русское племя (великорусы, малорусы и белорусы)», а Беларусь и Украина – «исконные, стародавние русские земли» [398, с. 3]. Эта позиция и есть, в общем-то, кредо западноруссизма. Конечно же, для её подтверждения «Окраины

России» приводили, и не раз, исторические аргументы, выраженные в духе концепции М.О.Кояловича [280; 281; 288]. Его «Украины России» характеризовали как «известного профессора и публициста, <...> боровшегося за русское дело на западной окраине и воспитавшего целое поколение русских борцов» [401, с. 473]. Какие-либо новые доводы в защиту этого кредо, согласованные с новыми для того времени достижениями истории как науки, не находили место в рассматриваемом издании. Утверждалось, что поляки не имели никакого права на земли «Западной России». К примеру, один из ветеранов западноруссизма латыш Я.Спрогис, старался доказать эту мысль, опираясь на данные «древних юридических актов» ВКЛ, в своей статье, опубликованной также и в «Крестьянине» [293, с. 165 – 169; 395, с. 55 – 58]. Население этого государства он считал на «девять десятых» русским и соглашался с тем, что его следует называть «Литовско-Русским государством». «Русский язык» в его представлении был «юридическим языком» великого княжества. В нём, по мнению Спрогиса, преобладали «древние русские географические названия», а также «восточное, греческое, православное вероисповедание». Католицизм же и протестантизм, по мысли автора нельзя назвать «народным исповеданием». Указывалось к тому же на невозможность полякам приобретать земли на территории ВКЛ. Общий вывод Спрогиса был таков: «По слитии Польши и короны Польской и Великого княжества Литовского в одно государство – Речь Посполитую, первая, вместе с её католичеством захватив в свои руки первенствующую роль власти и управления государством надвигалась всеми силами на Литву, на русский народ с его боярством и на православную его народную церковь с неслыханными притеснениями, ограничениями и неправдами <...>».

Трагическим, глубоко печальным результатом этого было то, что русское боярство Литвы, для того, чтобы сохранить за собой хотя бы малую долю отнимаемой у него политической роли в делах управления государством, не выдержало этого давления и гнёта и, отложившись от своей народности и веры, передалось на сторону своих гонителей – поляков, приняло польский язык, польские нравы и обычаи и римское католическое исповедание веры и стало себя именовать поляками» [293, с. 165 – 167; 395, с. 55 – 57]. Подобное понимание истории ВКЛ и Речи Посполитой, крайне одностороннее тенденциозное ничем, фактически, не отличалось от его понимания во времена Кояловича и Говорского. Взвалив на поляков ответственность за все беды «Западной России», ревнители «русского дела в Северо-Западном крае» оправдывали этим свой воинствующий антипольонизм, который подкреплялся ещё актуальностью политического момента. Без антипольских филиппик не обходился ни один номер «Украин России». «Вся

история отношений России и Польши была борьбой за существование. Если бы Россия не победила Польшу, то Польша сделала бы то же самое с Россией. Россия должна была победить Польшу или сама погибнуть» – устами Н.Сергеевского с неуместной патетикой заявляла газета [395, с. 275]. В этой сентенции, как в капле воды, отразилась одна характерная особенность историографии анализируемого направления – стремление обозначить свою научную позицию эффектной формулой, которая, однако, являлась результатом значительного, вплоть до примитивизации, упрощения в понимании реально куда более сложной, противоречивой и неоднозначной исторической действительности. Примером такой же не очень содержательной в научном смысле формулы является утверждение о том, что «вся история Польши есть сплошное гонение на русскую веру и народность» [395, с. 240]. И хотя это утверждение, если верить редакции, принадлежало «белорусу – крестьянину Минской губернии», следовательно, не специалисту и даже дилетанту – оно всё же весьма симптоматично, во-первых, потому что показывает, какую духовную пищу поставляла западноруссистерская пропаганда «широким народным массам» и, во-вторых, сам факт публикации подобных «откликов с мест» свидетельствует, что целью историографических штудий «Окраин России» был не поиск объективной научной истины, а вербовка политических сторонников в праворадикальный лагерь, а также демонстрация «всенародного одобрения» курса издания [498, с. 316 – 318].

Разделяли «Окраины России» и известную славянофильскую точку зрения на Польшу как на страну «испорченную» католицизмом и вообще западным влиянием. Россия, естественно, противопоставлялась ей с хорошей стороны. Вот в чём, например, «Окраины России», утверждавшие, что славянофильство – «наша (русская – А.Л.) единственная философская школа» [401, с. 493], видели историческое значение русского народа: «Предстояла борьба с Западом Европы. Рождающаяся Русь была для неё сфинксом, загадочным и страшным, но, во всяком случае, чем то чужим, не одного и того же культурного начала, определяемого для него прежде всего своим западным христианством. Не раз делались попытки подчинить русский народ папскому игу, отнять у него то святое достоинство, которое обеспечивает самобытность его культурного развития, быть может определяет его <...> широкое призвание. Но обезличить этим путём русский народ, как католический запад обезличил западных славян, например, чехов, особенно поляков не удалось: докатывались до Руси волны Флорентийской унии, докатились и волны Брестской унии, но они отхлынули, а если где и остались ещё, то нельзя не видеть, что им скоро придётся уйти, хотя и оставили они по местам свои опустошительные следы на организме русского народа» [396, с.

386]. Таким образом, «Окраин России» почти в классическом виде формулировали исторические принципы славянофильства. А поскольку неприкрытая враждебность к Польше всегда была его отличительной чертой, то в рассмотрении конкретной проблематики истории Польши и, шире, Речи Посполитой, «Окраины России» следовали за славянофилами, являлись их эпигонами и не вносили ничего нового в изучение этой проблематики.

Для того, чтобы обосновать свой радикальный антиполонизм и снабдить его подобием научной аргументации, «Окраины России» привлекли к сотрудничеству известного слависта конца XIX — начала XX вв. А.С.Будиловича, который, входя в состав редакции, вполне разделял её взгляды [508, с. 215 – 218]. Он счёл необходимым в 1906 г. высказать на страницах газеты своё мнение об основных закономерностях польской истории. Его тезисы по данной проблеме таковы:

- в Польше «движения центробежные всегда преобладали над движениями центростремительными;
- Запад пагубно влиял на Польшу;
- поляки – «виновники утверждения Тевтонского Ордена»;
- история отношений этой страны с «Западной Россией» – «густая сеть интриг, именуемых Горodelьскою, Люблинскою и Брестскою униями»;
- «Запад поддерживал Польшу в борьбе с Россией»;
- «мятежи – гальванизация трупа Речи Посполитой» [398, с. 583 – 585].

Разумеется, столь мрачная картина истории Польши оправдывала в глазах группировавшихся вокруг издания западноруссистов разделы Речи Посполитой. Например, газета в заслугу Екатерине II ставила осуществление «идеи собирания русской земли» (в пику «немецкой дипломатии» времён Александра I, которая этой идеи не понимала – только благодаря усилиям Карамзина при Александре I, по мнению автора, не была включена в состав Царства Польского «Западная Россия») [401, с. 1, 465, 466]. В другом месте, она же, характеризуя поддержку, оказанную поляками Наполеону во время Отечественной войны 1812 г., утверждала: «Дети западной культуры, всю свою историческую жизнь верно служившие католичеству, они естественно могли видеть в нашествии запада на православный Восток исполнение их задачи и принимали в нём самое живое участие», – и с удовлетворением отмечал, что народ не поддержал союз поляков с Наполеоном (имеется в виду народ бывшего ВКЛ) [401, с. 466, 467]. Издание даже в присоединении восточных центральных территорий этнической Польши к Российской империи умудрялось видеть благо для поляков, ибо считало, что «Россия тут оградила большую часть польского народа от

воздействия немецкой культуры и постепенного, но верного онемечения». Польша же по мысли вдохновителя деятельности «Окраин России», отплатила империи чёрной неблагодарностью, поскольку явилась «проводником западных начал» [398, с. 5]. Вообще, своеобразная обида на Польшу по тем же мотивам, что и у «Окраин России», высказывалась сторонниками западноруссизма и ранее, как, впрочем, и определённое злорадство по поводу того, что принадлежность поляков и немцев к типологически единой западной цивилизации не спасала от порабощения первых вторыми [281, с. 358, 359].

Столь негативная оценка прошлого и настоящего Польши требовалась издателям «Окраин России» для обоснования постулата о неправомерности каких-либо форм польского сепаратизма и притязаний польской аристократии на земли Беларуси, Литвы и Украины. Недаром же страницы газеты пестрели сообщениями с мест, в которых постоянно указывалось на «польскую угрозу» и на необходимость с ней бороться [395 – 401]. К тому же они первоначально недооценили белорусское национальное движение и некоторое, хотя и непродолжительное время не придавали ему значения. Однако впоследствии «белорусский вопрос» их серьёзно заинтересовал. «Окраины России» решительно выступили против признания права белорусов на самостоятельное развитие. Аргументация по данному вопросу П.Г.Бывалькевича, второго по значению человека в газете, такова: «Что русский язык родной Северо-Западному краю, доказывает, что он был государственным языком в Литве, что статут Литовский, законы были написаны на русском языке, а не на литовском. Желание создать книжный белорусский язык заключает в себя враждебное отношение к России» [399, с. 426, 427]. Любопытно, что П.Г.Бывалькевич считал написанными на русском языке те исторические документы, наличие которых идеолог белорусского национального Возрождения Ф.Богушевич считал доказательством высокого статуса белорусского языка в эпоху ВКЛ. Ясно, что П.Г.Бывалькевич не утруждал себя в данном случае языковедческим анализом. Подобные доводы были рассчитаны на малообразованного и неспособного к критическому мышлению читателя. Именно люди с таким складом ума составляли социальную опору западноруссизма.

Интересно, что «Окраины России», хотя и признавали, что деятели белорусского национального движения не считают белорусов поляками, «Окраины России» тут же заявляли: «движение белорусинства – интрига против единства всего русского народа», а поскольку поляки, по их мнению, находятся «в авангарде инородцев» – то это польская интрига [395, с. 273; 399, с. 195 – 197; 401, с. 34, 517]. Критикуя издательство «Наша Нива» за выпуск «Кароткай гісторыі Беларусі» В. Ластовского [337; 305] и

само это произведение, газета считала, что «автор этой «гистории», нужно полагать, православный белорус, потому что он «осмеливается признать, что литовский князь Ягелло был православным, пока не стал польским королём и вообще как бы с сочувствием относится к православию, как к народной вере, и описывает преследования, которым оно подвергалось во время польского владычества» [401, с. 99]. Этот пример весьма ярко показывает зашоренность и крайнюю стереотипность мышления «западноруссов» – ведь известно, что В. Ластовский происходил из католической шляхетской семьи и никогда не был «православным белорусом». Однако, стремление рассматривать исторический процесс с позиций объективности было, по-видимому, и непонятно Кулаковскому и его единомышленникам, и неприемлемо для них. Данные исторической науки для представителей западноруссизма в своей основной массе имели ценность не сами по себе, а как материал для утверждения собственной идеологии. Как бы то ни было, общая оценка изданием труда Ластовского и вообще белорусского движения, как, впрочем, и любого другого, если оно не великорусское, отрицательная и сводится к следующему выводу: «Поэтому нужно бороться с этими сепаратистскими течениями» [401, с. 99]. Неудивительно, что главными положительными героями публицистического направления западноруссизмской историографии были российские государственные и общественные деятели, наиболее последовательно отстаивавшие «Русское дело» в «Северо-Западном крае»: Муравьев, Корнилов, Суворин, Столыпин, уже упоминавшийся Коялович. Все они удостоивались на страницах «Окраины России» весьма высоких оценок [395, с. 171; 401, с. 129 – 132, 473, 492 – 495].

«Окраины России» были идейным лидером прессы западноруссизмского толка, своеобразным маяком для других изданий подобного направления, среди которых необходимо выделить газеты «Крестьянин» и «Северо-Западная жизнь» (первоначально «Белорусская жизнь») [293; 368, с. 422 – 428].

Газета «Крестьянин» была основана в 1906 г. для борьбы как с общероссийским революционным, так и с польским национальным движением. Она бралась отстаивать интересы так называемого «простого народа», прежде всего белорусского православного крестьянства – защищать от засилья польской земельной аристократии. Аграрный вопрос занимал на его страницах первостепенное место. Редакция газеты надеялась на помощь российского правительства в его разрешении в пользу местных «русских патриотов». Это и обусловило поддержку ею курса П.А. Столыпина. Историческая проблематика занимала на страницах «Крестьянина», как и других подобных изданий, второстепенное место. Соответственно интерпретированные данные исторической науки использовались для доказательства

тезиса о пагубности польского влияния в «Западной России». Именно одному из активнейших сотрудников издания, неудачливому кандидату в III Государственную Думу А. Вруцевичу, «дилетанту-любителю» в области истории, по его собственной оценке, принадлежит авторство наиболее чёткого и, в то же время, лаконичного «исповедания веры» западноруссизма, хотя оно по своему характеру не выходит за рамки обыкновенного эпитонства – уж больно часто, в той или иной форме, подобные взгляды западноруссизма излагали и до него. Итак, основные тезисы Вруцевича сводятся к следующему:

1) «Историческая судьба предопределила нам (жителям Беларуси – А.Л.) в крае, по самому положению своему как бы предназначенному для столкновения двух родственных, но постоянно враждебных между собою народностей – русской и польской»;

2) до объединения с ВКЛ, где «90% были русские, именно белорусы», «Польша представляла из себя слабое государство», вследствие угрозы со стороны немцев вынужденная вести активную восточную политику, чтобы компенсировать потери на Западе;

3) объединение было благоприятным для Польши (имеется ввиду Кревская уния) и привело к победе под Грюнвальдом;

4) Городельский, 1413 г., привилей – «начало дискриминации русских и православных»;

5) ополячивание и окатоличивание – результат погони за «огромными привилегиями», в которую включалась шляхта ВКЛ;

6) всё зло – от поляков, но главнейшее из них – Брестская уния;

7) евреи – гонители православного духовенства и народа;

8) «не Польша внесла культуру в Литву и Русь, а наоборот – Литва и Русь главным образом создали культуру Польши» (Адам Мицкевич – «чистокровный белорус» и прочее в таком же духе);

9) польский язык несамостоятелен, засорён заимствованиями, во многом совпадающими с белорусскими, что может быть не случайно;

10) «бессилие польского творчества» проявляется в материальной культуре;

11) «Северо-Западный край <...> никогда не был, так и теперь не является польским»;

12) предыдущий тезис подтверждается статистикой народонаселения;

13) утверждение, «что католицизм и полонизм – одно и то же» - «дикий взгляд» на вещи (в данном случае А.Вруцевич расходится с М.О.Кояловичем и примыкает к позиции П.О.Бобровского, также призывавшего не отождествлять католицизм и полонизм) [498; с. 174-178; 286];

14) несмотря на улучшение в положении белорусских крестьян после отмены крепостничества, они всё ещё остаются в зависимости от польских помещиков;

15) некоторая либерализация политического режима, в частности, объявление религиозной свободы, привела к новой волне полонизации;

16) «инертность», «отсутствие единодушия», недооценка «польской опасности», осложняют борьбу с последней;

17) Российский Краинный Союз должен защищать интересы белорусов и малороссов [293, с. 195 – 203].

В этих тезисах, изложенных в речи Вруцевича при открытии Виленского отдела Русского Краинного Союза, явственно просматривается одна из характерных черт западноруссистской историографии – неременная актуальность исследований и связь их с сегодняшним днём.

Научно-познавательная функция исторической науки не являлась, в представлении учёных и «дилетантов-любителей» данного направления, главной. История интересовала их постольку, поскольку вооружала инструментарием для отстаивания собственной идеологии. Особенно это видно на примере публикаций в изданиях такого же типа, как и «Крестьянин», которые, не будучи специализированными, проповедовали историю, а не изучали её. Естественно, уровень научности таких публикаций был весьма низок и не отвечал требованиям даже научно-популярного жанра. Очень часто исторические «открытия», находившие место на страницах «Крестьянина», могли быть отнесены к историографическим курьёзам. Например, причина заключения Кревской унии виделась корреспонденту газеты в том, что «перед красавицей Ядвига забыл князь (Ягайло – А.Л.) всё на свете», а в рассказе о так называемой Маломажейковской церкви (на самом деле, она находится в деревне Мурованка – А.Л.) главное – указание на борьбу католицизма с православием [293, с. 245 – 247, 455, 456]. При такой постановке вопроса история практически полностью теряла свой научный облик, превращаясь в низкопробный суррогат, предназначенный для привлечения неофитов из «простого народа» под знамёна придерживавшихся идеологии западноруссизма политических организаций.

Схожую с «Окраинами России» и с «Крестьянином» позицию занимала газета «Белорусская жизнь» (1909 – 1911 гг., с 1911 по 1915 гг. выходила под названием «Северо-Западная жизнь») [368, с. 425 – 427]. И хотя в начале со стороны издателя газеты и организатора «Белорусского общества», виднейшего представителя западноруссизма второго периода его существования Л.М.Солоневича были попытки некоторого фрондирования, впрочем, весьма осторожного, это в целом не меняет общей оценки издания. К примеру, призывая белорусов защищать свои права, и в

первую очередь, право на землю, Солоневич в программной статье, помещённой в первом номере газеты за 9 февраля 1909 г. указывает на то, что период ВКЛ был будто бы наиболее гармоничным в истории белорусского народа. Несмотря на то, что здесь акцент сделан не на русский, а на белорусский характер ВКЛ, это, по существу не меняет характер дела – ведь западноруссисты просто считали белорусов этнографической ветвью, «племенем» русского народа и дальше этого не шли. Не был исключением и Л.М.Солоневич. Как будет показано ниже, его «западнорусские» взгляды вполне сформировались уже к началу XX в. и впоследствии лишь претерпели некоторую, весьма незначительную трансформацию. Да и с фрондой в «Белорусской жизни» было покончено весьма быстро – после конфискации первого номера издание вышло уже в 1911 г. (с осени – под названием «Северо-Западная жизнь») и с этого времени до конца существования занимало определённо проправительственные позиции [368, с. 425 – 427].

Не была нова для западноруссистой историографии и высокая оценка периода ВКЛ, особенно до Кривской унии. Однако, если внимательно присмотреться, то окажется, что эта оценка таковой была только потому, что в эту эпоху, по мнению последователей М.О.Кояловича, происходило неуклонное усиление «русского элемента» в княжестве [92, с. 91, 102 – 106; 288, с. 91 – 93]. Так что Л.М.Солоневич фактически только продемонстрировал верность «западнорусской» историографической доктрине, ориентированной на монофакторность и дискретное противопоставление «русского» и «польского» начал. Антибелорусская кампания, развязанная с 1911 г. в «Северо-Западной жизни», показывала, что Л.М.Солоневич не рассматривал белорусский народ самостоятельным субъектом истории и не признавал за ним подобной роли в будущем [368, с. 426].

Общий же вывод, вытекающий из результатов изучения публикаций западнорусской прессы на историческую тематику, таков: эти публикации практически не ставили перед собой задачу поиска исторической истины, даже и не афишировали её, как в своё время «Вестник Западной России» [498, с. 18]. Их целью было пропагандистское истолкование крайне тенденциозное и необъективное, направленное на решение сиюминутных политических проблем. Они не внесли сколь-нибудь нового в теорию и практику западноруссизма, отражали эпигонский и прагматический подход к освещению исторической действительности. Научный уровень подобных публикаций представляется крайне низким и свидетельствует о том, что политические организации западноруссистов, чьи интересы и отстаивали рассмотренные выше периодические издания, вполне

были удовлетворены фактом использования в качестве одной из составляющих своей идеологии научно устаревших к началу XX в. схем и догм западноруссистской историографии предыдущего периода.

§3. Западноруссизм в деятельности научных и учебных учреждений исторического профиля (конец XIX — начало XX вв.)

В рассматриваемый период продолжала действовать Виленская археографическая комиссия – главный оплот западноруссистской историографии [3–39; 53]. В своей работе она по-прежнему руководствовалась принципами, сформированными в 60-х гг. XIX в. фактически это означало ни что иное, как требование реализации вполне определённого правительственного заказа с ярко выраженной идеологической окраской. Задача выполнения этого заказа и была основной в деятельности ВАК, продолжавшейся до 1914 г. К безусловным плюсам данной деятельности следует отнести сам факт издания 49 томов «Актов Виленской комиссии», знакомивших заинтересованного читателя с некоторыми аспектами истории региона, а также создания системы поиска, собирания, разбора и публикации исторических документов. Эта работа осуществлялась во многом силами местных православных священников и членов их семей [222, с. 334]. Однако условия, определявшие формы жизнедеятельности комиссии: жёсткий контроль над ней со стороны властей Вильно и ангажированный «по определению» кадровый состав комиссии, комплектовавшейся благонадёжными, с точки зрения правительства, людьми, – привнесли в работу этого научного учреждения много минусов. Главный из них – уже отмеченная тенденциозность в подборе предназначенных для опубликования источников. Этой тенденциозности сотрудники комиссии ничуть не скрывали. Здесь также сказывалась прагматическая направленность западноруссистской историографии, проявившаяся в подчинении научно-познавательной функции истории задачам осуществления политико-идеологической функции в её специфическом понимании.

Другим не менее существенным недостатком в работе ВАК было наблюдавшееся пренебрежение принципами археографии, что внешне выражалось в значительных изъянах при публикации источников, освещавших, как правило, проблемы конфессиональной истории ВКЛ и Речи Посполитой [222, с. 334].

Это затрудняло их использование в научных целях, поскольку исследователю приходилось проводить источниковедческий анализ этих документов, восполняя пробелы в деятельности ВАК. Не удивительно, что тома, выпущенные комиссией, по большому счёту, так и остались невостребованными исторической наукой, ибо на их основании очень трудно было составить целостное представление о той или иной исторической эпохе. Это касается, прежде всего, представителей буржуазно-либеральной историографии. Не в достаточной степени использовали их и сами западноруссисты – для этого им очень часто не хватало профессиональной квалификации.

В целом же, наметившаяся в начале XX в. некоторая либерализация в деятельности ВАК не меняла её общей оценки как научной организации охранительного толка.

Несколько по-другому было поставлено дело издания исторических источников в Витебске — втором по значению после Вильно центре научно-исторической деятельности в Беларуси и Литве. Можно согласиться с А. Цвикевичем, утверждавшим, что в конце XIX – начале XX в. восток Беларуси стал довольно благодатной почвой для исторических исследований самого различного направления [498, с. 291]. Причём на исследователей не давила мертвяще-казённая атмосфера Вильно, что обусловило их отход, правда, не очень большой, от канонов западноруссистской историографии. К примеру, Витебский центральный архив древних актов (ВЦАДА) «выпускал <...> продукцию более высокого археографического и источниковедческого уровня» по сравнению с ВАК [222, с. 334; 374]. Однако его деятельность, прекращённая в 1903 г., по своему характеру всё же, в общем, не выходила за рамки западноруссизма. Именно им определялись как состав сотрудников этого учреждения, так и господствовавшие в его стенах политико-идеологические приоритеты.

После закрытия ВЦАДА Витебск не остался без организаций научно-исторического профиля. В 1909 г. была создана Витебская учёная архивная комиссия, просуществовавшая до 1914 г., регулярно проводила собрания своих сотрудников и заседания членов своего совета [90; 379]. На них решались самые различные вопросы её деятельности. В частности, определялось, какие документы, предоставлявшиеся волостными правлениями, подлежат сохранению, а какие – уничтожению. Велась переписка комиссии с различными учреждениями по всем вопросам её функционирования. Большой заслугой этой организации было содействие в открытии в 1911 г. в Витебске отделения Московского археологического института, что было отрядным явлением в научной жизни Беларуси, весьма тогда бедной на научные и высшие учебные заведения. К числу заслуг комиссии следует отнести выпуск трёх книг «Полоцко-Витебской старины» и одного

тома «Трудов Витебской учёной архивной комиссии» [222; с. 342].

Анализируемый период ознаменовался возобновлением работы Северо-Западного Отдела Русского Географического Общества [149; 411]. Второй этап её деятельности охватывает 1910 – 1915 гг. Несмотря на то, что эта организация по своим целям была типично западноруссистой, реальные результаты проводившихся её сотрудниками исследований, далеко не всегда отвечали этим целям.

В четырёх книгах «Записок Северо-Западного отдела императорского РГО», изданных в изучаемый период, содержались богатые историко-этнографические материалы, фактически нейтральные по своему идеологическому содержанию, интерпретация которых давала возможность использовать их в различных целях, в том числе, обоснования задач белорусского национального движения [222, с. 342; 394]. Здесь сказалась интересная историографическая закономерность: результаты научных исследований имеют свойство «отчуждаться» от субъективных установок проводивших эти исследования учёных. В подобном случае, они могут работать, хотя бы иногда, на противоположную по идейным постулатам концепцию. С творениями западноруссистов это случалось неоднократно, и они часто не замечали, что поставляют аргументы для признания самобытности белорусского народа.

В принципе, то же самое происходило и в процессе функционирования созданных в губернских центрах Беларуси учреждений краеведческого профиля. К ним относились уже упомянутая Витебская учёная архивная комиссия, «Витебское церковно-археологическое общество» (с 1904 г., затем сменило своё название на более нейтральное – «историко-археологический комитет»), «Минский церковный историко-археологический комитет», Могилёвские «Общество изучения белорусского края» и «Общество изучения Могилёвской губернии» (с 1913 г.) [222, с. 340]. Несмотря на субъективное стремление способствовать укреплению в крае «русских начал», эти организации, накапливая исторический материал объективно способствовали развитию белорусской исторической науки. Сам факт возникновения этих учреждений в начале XX в. свидетельствует о том, что в данный период возрос интерес к прошлому Беларуси и её отдельных регионов. Результаты удовлетворения этого интереса далеко не всегда играли на руку идеологии западноруссизма, поскольку перед исследователями-краеведами вставала картина белорусской истории, существенно отличающаяся от той, которая должна была бы рисоваться согласно жёстким постулатам этой идеологии.

Очень часто научно-познавательные цели исторических «штудий» становились самодовлеющими и самодостаточными для сотрудников этих научных центров, а борьба с полонизмом и

«белорусинством» как «польской интригой» отходила на второй план.

Данный парадокс в развитии западноруссистской историографии, хотя и в меньшей степени, но всё же сказывался на работе даже такого научного учреждения, как Виленский учебный Округ – детища едва ли не главного «обрусителя» Беларуси, попечителя этого округа И.П.Корнилова [50]. Несмотря на однозначно заданный официоз, имевший, конечно же, для западноруссизма положительные результаты (недаром множество учителей, вышедших из стен учебных заведений округа становились ревностными пропагандистами рассматриваемой идеологии), всё же собранные ещё в предыдущий период его сотрудниками документы, публикация которых продолжалась и в конце XIX – начале XX вв., представляли безусловную научно-историческую ценность.

В связи с вышесказанным следует заметить, что очень многие представители исторической науки, разделявшие идеологию западноруссизма, в своей практической деятельности очень часто приходили к выводам, с этой идеологией мало совместимым. Наиболее показательной фигурой в этом отношении являлся А.П.Сапунов – видный историк, этнограф и организатор исторической науки [450 – 460]. Как отмечают современные исследователи, он объективно внёс большой вклад в развитие исторической науки в Беларуси [79; 142; 180; 222]. Эта категория исследователей, к которой и принадлежал А.П.Сапунов (а также М.Я.Никифоровский, Е.Р.Романов, А.Е. Богданович и другие) не может быть отнесена к представителям историографии западноруссистского толка, поскольку, несмотря на их политико-идеологические симпатии и антипатии, они ставили во главу угла не пропаганду идеологии средствами исторической и этнографической науки, а саму науку. Над ними не довлела необходимость обоснования в своих научных трудах главное теоретическое положение западноруссизма – постулата о многовековой борьбе польского и русского начал на территории Беларуси. Её народ интересовал их не в качестве объекта этой борьбы, а как самостоятельный объект изучения. В связи с этим закономерным представляется постепенное усиление либеральных тенденций в деятельности научных учреждений Беларуси в начале XX в. Данный процесс не был, однако, динамичным в силу того, что фактически до 1917 г. сохранялся жёсткий правительственный контроль за деятельностью этих учреждений.

§4. Развитие историографической концепции западноруссизма. Причины упадка западноруссистской историографии

Конец XIX – начало XX вв. ознаменовались выходом в свет исторических произведений различных авторов, придерживавшихся в своём творчестве принципов западноруссизма. Подобного рода труды издавались в Петербурге, Казани, Вильно, Варшаве, Киеве, Львове, Гродно, Гомеле и в других городах, что свидетельствует о широком, хотя бы в территориальном смысле этого слова, распространении идей западноруссизма на территории Российской империи [45; 186; 189; 190; 192; 330; 342; 472; 473; 489 – 491; 493; 494]. Данные работы весьма разнятся по объёму и научному уровню, выражавшемуся в степени охвата и изучённости исторических источников, в использовании тех или иных методических приёмов исследования, в стилистике изложения исторического материала. Различаются они и по степени тенденциозности, а также ангажированности.

Одна группа учёных, несколько не отрякаясь от системы западноруссистских взглядов, стремилась хотя бы в какой-то мере, к более взвешенному и осторожному, по сравнению, например, с М.О.Кояловичем, подходу к изучению исторической действительности и допускала в своих работах нетрадиционные для этого направления историографии оценки. Её составляли такие историки, как П.Н.Жукович, К.В.Харлампович, и, в меньшей степени, И.П.Филевич [222, с. 346; 508, с. 219, 220, 224 – 229, 237, 238].

Конечно же, подобные явления в развитии западноруссизма наблюдались и раньше (достаточно вспомнить различие между позицией П.О.Бобровского и К.А.Говорского), но в рассматриваемый период оно обозначилось гораздо более явно (этому способствовало отсутствие в рядах «западноруссов» фигуры, сопоставимой по масштабу и значению с М.О.Кояловичем, который во второй половине XIX в. объединял в своей персоне и дар учёного-исследователя и дар политика-публициста). Расщепление западноруссистской историографии в своём развитии на, условно говоря, «академическое» и «публицистическое» направления есть главная особенность её функционирования в конце XIX – начале XX вв. Естественно, между этими тенденциями вовсе не было непреодолимой грани, поскольку идеологические принципы у представителей обоих направлений были общими. И всё же, указанная разница весьма заметна.

Несмотря на отсутствие в западноруссистской историографии яркого лидера, каким в своё время был М.О.Коялович, можно всё же назвать имя историка, который по результатам своей научной

деятельности явно выделяется среди историков анализируемого течения. Это преемник М.О.Кояловича на должности профессора кафедры гражданской истории Петербургской Духовной Академии, уроженец Беларуси П.Н.Жукович. Как специалист в области конфессиональной истории Польши и ВКЛ он стал известен ещё в конце 80-х – начале 90-х годов, XIX в., особенно после выхода в свет его труда «Кардинал Гозий и польская церковь его времени» [188], но расцвет его научного творчества пришёлся на 90-е гг. XIX в. и начало XX в. (вплоть до его кончины в 1919 г.). В этот период предметом научных интересов профессора ПДА по-прежнему оставалась конфессиональная история. Она нашла своё отражение в таких трудах историка, как «Борьба против унии на современных ей польско-литовских сеймах» и «Сеймовая борьба православного дворянства с церковной унией» (последнее название объединяет шесть выпусков, увидевших свет с 1901 по 1912 гг.) [186; 192].

Избранная автором проблема рассматривается на фоне «реакционного движения возрождавшегося латинства», которое в «царствование Стефана Батория <...> достигло уже весьма значительных размеров» [186, с. 130; 192, 1, с. 386]. Таким образом, П.Н.Жукович перекидывает своеобразный мостик от событий второй половины XVI в., описанных им в «Кардинале Гозии...» [188], к событиям конца этого века и первой трети следующего. Важнейшей исторической вехой этого периода для него, как и для его учителя М.О.Кояловича было заключение Брестской унии 1596 г. Помимо представленного прежде всего иезуитами «реакционного движения возрождавшегося латинства», причины унии он видел также в противоречиях внутри самой «западнорусской» православной церкви, в частности, в борьбе за влияние между православной иерархией и составлявшими ей определённую оппозицию церковными братствами (в этом он тоже следует за М.О.Кояловичем) [192, 1, с. 110, 210 – 214; 282, II, с. 83 – 85]. Собственно, уния, согласно П.Н.Жуковичу, была во многом результатом стремления высшего православного духовенства установить свой контроль за деятельностью братств [186, с. 15; 192, 1, с. 146, 147]. Подчёркивал историк и далеко идущие планы папской курии распространить унию и на территорию Московского государства [186, с. 25; 192, 1, с. 386]. Однако П.Н.Жукович делал попытку уйти от прямолинейного толкования причин и обстоятельств заключения межцерковного союза. Например, рассказывая о миссии константинопольского патриарха Иеремии, посетившего в конце XVI в. восточные земли Речи Посполитой, он указывает на поддержку этой миссии «польским» правительством, правда трактовал её как стремление властей показать тщетность надежд православных иерархов на установление «западно-русской» патриархии [192, 1, с. 90]. Историк также обращал внимание на то, что идея унии не была чужда и такому известному «столпу

православия», как князь К.К.Острожский [192, 1, с. 100 – 102]. Более сдержан П.Н.Жукович в оценке корыстолюбия православных владык (оно традиционно указывалось в научно-популярной литературе клерикального толка в качестве главного для православных иерархов движущего мотива к заключению унии). По его мнению, «получение сенаторского звания (иерархами униатской церкви – А. Л.) <...> важно было не в личных только интересах владык, но и в интересах самого дела унии, её целостности и прочности в будущем» [192, 1, с. 146]. Главная же мысль П.Н.Жуковича по этому поводу – уния нужна была высшему духовенству, но никак не мирянам, которые, по замыслу её организаторов, устранились от участия в делах церкви. Из этого логично вытекала интерпретация историком событий расколовшегося на сторонников и противников объединения церковью Брестского 1596 г. собора, ибо на нём столкнулись два разных церковно-юридических подхода: если сторонники унии решение пастырей считали вполне достаточным основанием для её заключения, то их оппоненты, собственно говоря, и представлявшие паству, были с этим категорически не согласны и требовали учёта и воплощения своего, противного делу унии, взгляда [192, 1, с. 218 – 221].

Общий же вывод автора таков: «Само собой разумеется, что, признавая церковную унию делом по преимуществу польской государственной политики и общей римо-католической реакции, мы не отрицаем всей важности в данном случае тех благоприятных для этого дела обстоятельств, которые эта политика и эта реакция нашли в крайнем внутреннем расстройстве в то время западно-русской православной церкви, а также в антагонизме в ней высшей церковной иерархии и мирян, сконцентрировавшихся в церковных братствах. Но это была лишь удобная почва, на которой зерно церковной унии, во всяком случае, не самозародилось» [192, 1, с. 386].

Всячески подчёркивая преданность мирян православию, П.Н.Жукович естественным образом переходит к изложению обстоятельств борьбы православной шляхты против унии на сеймах [186; 192]. Эта борьба, в его изображении, была занятием отнюдь не бесплодным. Если принципиальной разницы в позициях П.Н.Жуковича и его учителя не было, то всё же надо признать, что представитель следующего поколения «западноруссов» объективно показывал возможность альтернативного развития в конфессиональной области, чем отличался от М.О.Кояловича, рисовавшего картину бесповоротного упадка православия в Речи Посполитой [282, II, с. 137, 239]. Примером успешной борьбы православных П.Н.Жукович считал принятие в 1697 г. сеймовой Конституции, защищавшей их права [192, 1, с. 531, 532, 582 – 584].

Одной из причин, подвигавших власти Речи Посполитой идти на уступки православным была, по мнению историка,

внешнеполитическая ситуация, складывавшаяся для объединённого государства весьма не просто. К примеру, когда в 1618 г. Владислав IV Ваза собирался доказать вооружённым путём свои права на российский престол, то отношение к православным смягчилось [192, 2, с. 79 – 81]. Вообще для Жуковича характерно стремление показывать внутриполитические события в Речи Посполитой на довольно широком фоне сложных международных отношений: с Московским государством, со Швецией, с Турцией и Крымским ханством [192, с. 1 – 6]. И в этом также заключается определённый отход от канонов западноруссизма, всегда тяготевшего к монофакторности и считавшего все беды «Западной России» следствием только польско-католического давления [192, 4, с. 37]. Впрочем, П.Н.Жукович был непоследователен в попытках усложнить панораму причинно-следственных связей, обусловивших те или иные явления в исторической жизни Речи Посполитой.

Несмотря на то, что работы П.Н.Жуковича по данной тематике посвящены в основном рассмотрению легальных, перманентных форм противостояния унии, он не обходил вниманием и случаи более радикального, с применением насильственных методов, сопротивления ей. И здесь историк не мог не бросить взгляд на трагическое событие белорусской истории – убийство в 1623 г. полоцкого униатского архиепископа И.Кунцевича – одного из главнейших «антигероев» анализируемой историографической школы. Конечно же, деятельность Кунцевича характеризовалась историком отрицательно. П.Н.Жукович показал, что протест православных против неумеренной активности архиепископа в деле насаждения унии зрел среди них давно, о чём свидетельствовали конфликты последнего с виленским православным братством и с горожанами Могилёва, не допускавших его к ревизии городских церквей – это «равносильно было бы молчаливому согласию <...> на унию» [192, 2, с. 111]. Касаясь же известного письма канцлера Л.Сапеги Кунцевичу, в котором негативно оценивалась деятельность архиепископа, П.Н.Жукович замечал: «Уния по самому происхождению своему была в значительной мере фактом внутренней польской государственной политики. Неудивительно, что польские политические деятели оценивали её, и в дальнейшем её развитию, с государственной точки зрения. Они готовы были поддерживать её всеми мерами, но лишь до тех пор, пока находили это полезным в государственных интересах» [192, 4, с. 37]. Эта мысль историка любопытна по нескольким основаниям. Во-первых, в ней содержится открытый упрек деятелем униатства, считавшимися игрушками в руках «польской государственной политики»; во-вторых, само определение Речи Посполитой как только Польши означает, что П.Н.Жукович отрицал равноправие Польши и ВКЛ в составе объединённого государства (как это не парадоксально, но

получается, что ревнитель литовской самостоятельности Лев Сапега был всего только проводником польской политики на землях ВКЛ); в-третьих, и это наиболее интересно, в данном случае Жукович не отождествлял интересы Польши и католицизма, поскольку папская курия была заинтересована в насаждении унии, а вот правители Польши, выходит, смотрели на эту проблему с точки зрения государственной выгоды, и если уния не оправдывала их надежд, то отношение к ней становилось прохладным. В такой позиции исследователя проявлялось, пусть и непоследовательно, стремление дать более реалистическую оценку процессу становления униатства. В этом П.Н.Жукович расходился с подавляющим большинством западноруссисов, взявших на вооружение тезис М.О.Кояловича о Польше как авангарде «латинства» [283, с. 86].

В оценке самого факта убийства Кунцевича П.Н.Жукович проявил солидарность со своим учителем. Его негативное отношение к подобному рода эксцессам видно из следующих строк, характеризующих участников витебских событий 1623 г.: «Бессовестная, недисциплинированная чернь, которая только грубое и жестокое насилие и способна была противопоставить насилию утончённому, облечённому в форму внешней законности» [192, 2, с. 110]. П.Н.Жукович не одобрял любые акты стихийного протеста и в то же время фактически возлагал вину за них на власти Речи Посполитой, своими притеснениями православия провоцировавший народ на мятежи.

Здесь сказалось традиционное отвращение «западноруссов» к различным проявлениям радикализма – от учиняемых толпою насильственных действий до социалистической революционности. Легальные методы сопротивления нежелательным явлениям общественной жизни импонировали Жуковичу в большей степени, о чём косвенно свидетельствует и выбор им тематики исследований.

Таким образом, концепция истории Речи Посполитой и, прежде всего, истории конфессиональной не выходила у Жуковича за рамки традиций западноруссисовской историографии, однако испытала на себе влияние тенденций к некоторой либерализации исторических взглядов и отхода от шаблонности в изложении и интерпретация исторического материала, характерной для предыдущего поколения западноруссисов.

Однако не только конфессиональная проблематика интересовала П.Н.Жуковича. Он стал единственным представителем анализируемой школы историографии, кто обратил внимание на проблемы социально-экономической, прежде всего, аграрной истории Беларуси. Другие адепты западноруссизма испытывали к социально-экономической тематике нечто вроде чувства пренебрежительного высокомерия. В их шкале ценностей на первом месте стояла религия, как начало образующее цивилизацию и носительница «народного духа». Не

то, чтобы они совсем игнорировали вопросы экономики, просто они считали их второстепенными, а те или иные формы хозяйствования – следствием цивилизационной ориентации того или иного государства. Например, М.О.Коялович пагубным влиянием полонизма объяснял и возникновение крепостного права на землях ВКЛ и господство евреев в области промышленности и торговли (поскольку последние будто являлись союзниками колонизированной шляхты в деле угнетения белорусского народа) [281, с. 50 – 54, 219]. Разумеется, такой подход грешил явной односторонностью и заметной любым серьёзным исследователям идеологической заданностью. Благодаря достижениям российской либеральной историографии позиции западноруссизма в этом вопросе к концу XIX в. оказались основательно подорванными, что, по логике развития той или иной школы исторической науки, требовало адекватного и быстрого ответа. Но подавляющее большинство приверженцев данного направления в силу уже устоявшихся идеологических приоритетов, а также явно недостаточной профессиональной подготовки и во второй период существования этого направления не прибегли к изучению указанного комплекса проблем. Так что П.Н.Жукович стал исключением из общего правила, когда в середине 90-х гг. XIX в. обратился к исследованию социально-экономических отношений в Беларуси. Правда, при этом предметом своих научных интересов он избрал сравнительно небольшой хронологический отрезок – период между разделом Польши Посполитой и отменой крепостного права. Социально-экономической историей Беларуси в составе ВКЛ и Речи Посполитой он не интересовался.

При этом следует отметить, что развитие взглядов историка на данную проблематику испытало определённую и достаточно заметную эволюцию. К примеру, его речь «О русском землевладении в Северо-Западном крае от времени присоединения его к России», произнесённая в 1895 г., в общем и целом соответствовала канонам традиционного западноруссизма [190]. «Сто лет тому назад после многовековых усилий и жертв народного труда государство наше разрешило, наконец, одну из основных своих задач – объединило три главные ветви русского народа», – патетически восклицал П.Н.Жукович, утверждая, что «территориальные приобретения императрицы Екатерины были русскими этнографическими приобретениями по существу» [270, с. 3]. Однако факты, приводимые им в речи, должны были бы умерить патетический тон, ибо «в данном отношении крепостное право в Белоруссии было даже расширено – была разрешена продажа крестьян без земли» [190, с. 4]. Приводя конкретные цифры дарений крестьянских душ русским помещикам, сделанных Екатериной II и Павлом, историк отмечал: «При раздачах не преследовалась цель «обрусения края», то есть правительство

руководствовались не идеологическими, а другими мотивами [190, с. 11]. И всё же в том обстоятельстве, что оно закрепостило крестьян «по преимуществу русским дворянам», П.Н.Жукович считал благоприятным, поскольку «в некоторых случаях» при этом создавались условия «для пробуждения и укрепления русского самосознания в белорусском крестьянстве», что выразилось в присоединении их к православной церкви [190, с. 14]. Попутно историк заметил: «Даже русские учёные той эпохи (начала XIX в. – А.Л.) имели иногда чрезвычайно смутные представления об историческом положении и свойствах западного края», поэтому распространение здесь русского землевладения способствовало более близкому знакомству российской общественности с этим краем [190, с. 17]. Главными же событиями его истории под властью России учёный считал ликвидацию действия унии в 1839 г. и отмену крепостного права [190, с. 31]. Их он прямо сопоставлял между собой, считая оба одинаково важными. «Воссоединение униатов 1839 г. – было событием величайшей важности в жизни северо-западного края, не имевшее себе равных на всём протяжении его истории под русской властью, – утверждал П.Н.Жукович. С русской национальной точки зрения, оно тем в особенности было важно, что прямо и решительно выдвинуло на первый план западнорусский народ. До этого времени польская интеллигенция заслоняла собой, в глазах русского общества и правительства, его русскую народную массу. И последняя, под оболочкой унии представлялась чем-то более близким к Польше, чем к России» [190, с. 20]. Нашлось у историка доброе слово для М.Н.Муравьёва – он-де хоть и был первоначально «одним из наиболее решительных противников освобождения» (крестьян – А.Л.), но в дальнейшем «оказал такие великие услуги крестьянскому делу, что в благодарной памяти западнорусского народа его имя стоит непосредственно за именем Царя-Освободителя» (Александра II – А.Л.) [190, с. 33]. Среди «благодетней» графа учёный отмечал «водворение русских поселенцев», которое, «по мысли Муравьёва, было одним из средств к усмирению мятежа (1863 – 1864 гг. – А.Л.) и умиротворению края» [190, с. 38]. Постулат о необходимости дальнейшего укрепления в Беларуси «русских начал», П.Н.Жукович стремился усилить довольно неожиданным доводом: «Они, эти наши западные окраины, – возможный предмет притязаний для западноевропейского милитаризма и скреплять внутренние связи их со всей великой Россией значило вместе с тем и укреплять самые основания общего мира» [190, с. 51].

Как видим, в данном случае вопрос «о русском землевладении в Северо-Западном крае» был использован П.Н.Жуковичем скорее как повод для изложения основных положений западноруссистской теории, нежели как предмет самостоятельного, глубокого исследования. Хоть жанр речи и допускал такую возможность, всё

же, объективно такой подход снижал научную ценность сделанных в ней выводов. Можно сказать, что тогда, в середине 90-х гг. XIX в. П.Н.Жукович не смог ещё преодолеть общую слабость западноруссистской историографии – недостаточное внимание к проблемам социально-экономической истории.

Вновь учёный возвратился к рассматриваемой тематике уже в последние годы своей жизни, и написанные им в это время научные работы представляют более значительную ценность, чем произнесённая в 1895 г. речь. Ценность эта не отрицается и современной белорусской историографией. В других научных трудах, опубликованных в 1914 – 1916 гг. – «Сословный состав населения Западной России в царствование Екатерины II» [194] «Управление и суд Западной России в царствование Екатерины II» [195], «Западная Россия в царствование императора Павла» [187] - они занимают немаловажное место (рядом с вопросами социально-политическими). Выводы, содержащиеся в них, значительно корректируют благостную картину жизни Беларуси под российским скипетром: автор отмечал «тенденцию к ограничению сословных прав и привилегий местного дворянства восточной Белоруссии», утверждал, что права остались без изменения и после присоединения её к России, а барщина даже и усилилась [194, с. 108, 257, 258, 294] Историк указывал на рост крестьянских волнений в царствование Павла [187, с. 234]. Уже не «униатский», а «крестьянский вопрос» он называл «наиболее жгучим вопросом русской народной жизни» в «западных губерниях» [187, с. 246]. Такие мысли не были характерны для западноруссистской историографии, и факт их высказывания свидетельствовал о возможности её эволюции в либеральном направлении. Но признаки подобной эволюции наблюдались у очень немногих представителей данной школы исторической науки. Одним из них был П.Н.Жукович.

Такая же тенденция к определённой, пусть и неярко выраженной либерализации, наблюдалась в научном творчестве К.В.Харламповича – представителя Казанской Духовной Академии. Спектр его научных интересов охватывал преимущественно проблемы конфессиональной истории и истории культуры, прежде всего образования. Как это ни странно звучит, но до К.В.Харламповича историки-западноруссисты уделяли культурологической тематике мало внимания, хотя вроде бы должны были это делать в силу общей ориентации их концепции на культурно-цивилизационную проблематику. Однако дальше констатация положения о первенствующей роли религии в области «народного духа» дело дальше не шло. И только К.В.Харлампович стал первым и, в общем-то, единственным представителем рассматриваемого направления, который постарался, не изменяя своим идеологическим позициям, пристально изучать хотя бы

некоторые аспекты истории культуры ВКЛ, Речи Посполитой и Российского государства (в последнем случае – вопрос о влиянии выходцев из «Западной России» на церковно-культурную жизнь «Восточной России»).

Главный его научный труд – монография «Западнорусские православные школы XVI и начала XVII веков, отношение их к инославным, религиозное обучение в них и заслуги их в деле защиты православной веры и церкви» [493] – увидел свет в Казани в 1898 г. Столь пространное название достаточно полно передаёт ту тематику, которая рассматривалась в книге. Со свойственной ему обстоятельной дотошностью (такова была особенность стиля автора) Харлампович рисует панораму школьной жизни в ВКЛ и Речи Посполитой в рассматриваемый период. Им была сделана не очень, впрочем, удачная попытка сравнить католическую, протестантскую и православную школьные системы. Кроме того, по монографии «рассыпаны» замечания историка, касавшиеся других аспектов развития изучавшегося им региона. Он считал, что «нравственную физиономию XVI ст., которое стоит на пороге средних и новых веков, нет сомнения, создала великая реформация, освободившая мысль европейца от уз схоластицизма и провозгласившая принцип духовной свободы. Но она вызвала на борьбу с собой католическую церковь» [493, с. IV]. Одним из проявлений этой борьбы было, по мысли автора, усовершенствование работы католических образовательных учреждений. Интересно его замечание о том, что, открывая новые католические школы, магнаты и шляхта, с одной стороны, и духовенство, с другой, руководствовались разными мотивами: первые хотели приобщить народ «Западной России» к западноевропейской культуре, от которой, как признаёт учёный, этот народ «сильно отстал», то второе искало в этом противоядие от «протестантизма» [493, с. 6]. Однако обычные католические школы были, по мнению историка, «примитивными», и поэтому потребовалось содействие иезуитов, чтобы поставить дело католического образования на прочную основу [493, с. 23]. Разумеется, он не мог уклониться в данном случае и от общей оценки Ордена иезуитов, этого своеобразного жупела в глазах западноруссисов [493, с. 38 – 41]. Оценка эта у К.В. Харламповича фактически лишена эмоциональных преувеличений негативного плана, столь характерных для школы М.О. Кояловича. Более того, в ней чувствовалось даже скрытое уважение к ним. «Орден иезуитов, – писал учёный, – <...> представлял замечательнейшее явление в истории всего человечества» [493, с. 38]. Особо он отмечал самоотверженность иезуитов и признавал, что их деятельность на ниве образования усилила позиции «римской церкви» [493, с. 39]. К.В. Харлампович не видел непосредственной связи между укреплением влияния католицизма в регионе и полонизацией

«западнорусского» народа и в этом отношении отличался от Кояловича. «Иезуитская школа служила не народу или государству, а римской церкви. Оттого образование, получаемое в ней, носило больше католическо-космополитический характер, чем приспособленный к государственным или народным нуждам», – утверждал историк [493, с. 114]. Вину за ополячивание он возлагал на местных «отщепенцев» от православия и «русской народности», но не раскрывал в достаточной степени причин такого «отщепенства» [493, с. 114]. Однако от системы иезуитского образования он не был в восторге и считал, что ликвидация наследниками Лойолы конкурирующих школ задержала развитие просвещения в регионе [493, с. 117].

Согласно К.В.Харламповичу, «проникновение в западную Россию протестантских идей» было результатом открытости ВКЛ для различных торговых и культурных контактов с Западной Европой, которые осуществлялись, кроме всего прочего, благодаря «обучению молодых людей в западноевропейских университетах» [493, с. 143]. В качестве фактора, обусловившего «распространение в польско-литовском государстве протестантских учений всех видов» [493, с. 147], историк называл «невежественность и крайнюю деморализацию» представителей и православного, и католического духовенства [493, с. 147]. В отношении первого он усилил критическую его оценку по сравнению с М.О.Кояловичем [282, I, с. 52 – 54; 493, с. 147, 224 – 230]. Учёный указывал также на факт исключительной для тогдашней Европы веротерпимости в данном регионе [493, с. 148]. К протестантским школам он относился тоже критически, хотя в другом месте, противореча себе, писал о положительном влиянии протестантизма на подъём образования [493, с. 151, 152, 184].

И всё же анализ деятельности католических и протестантских школ у К.В.Харламповича выполняет роль пусть и основательной, но только прелюдии к рассмотрению главной темы работы, в качестве которой историк определил состояние православных школ в XVI – начале XVII вв.

По мнению учёного, уровень образованности даже православной аристократии, не говоря уже об остальных слоях населения, принадлежавшего к данной конфессии, в XVI в. оставлял желать лучшего [493, с. 478, 479]. Соответственно, так же невысоко К.В.Харлампович оценивал и учреждения образования, созданные и функционировавшие под патронажем православных магнатов. К примеру, он не считал возможным восхищаться деятельностью Острожского училища, хотя к личности и делам покровителя этого учреждения князя К.К.Острожского относился с уважением [493, с. 237, 238, 244 – 246].

В противовес школам, работавшим под крылом аристократов, К.В.Харлампович ставил школы, существовавшие при городских

православных братствах. Историография западноруссистского направления традиционно рассматривала деятельность братств как пример борьбы православного населения Речи Посполитой за веру [282, I, с. 65, 66; II, с. 83 – 85]. К.В.Харлампович в этом отношении не был исключением. Со свойственной ему скрупулёзностью он проанализировал разнообразные аспекты жизни братских школ в различных районах государства. Отношение историка к ним двоякое: с одной стороны, «сами братства несколько тормозили усилия просвещения, вздумав сосредоточить заботы о нём в своих руках» (как указывал автор, «из опасения проведения неправославных убеждений в других школах, не подлежащих их контролю»), с другой стороны, братства «были слишком живой силой и не могли допустить рутины в школьном деле» [493, с. 282, 414].

Вместе с тем учёный отмечал, что происходило сближение с западноевропейской наукой и с польско-латинской литературой, и братские школы испытывали на себе всё более возраставшее польско-католическое влияние [493, с. 415]. Также двояко он оценивал результаты деятельности братских школ. Они, с его точки зрения, способствовали «укреплению в православии», развили, благодаря принципам «общественности» и «народности» демократические тенденции в деле образования, «немало послужили и самой науке», а именно: богословию и философию, оказали положительное влияние на просвещение Великодержавии [493, с. 473 – 476]. Однако в то же время учёный вынужден был признать: «По сравнению с католическими и протестантскими училищами, наполненными сотнями учащихся, блиставшими учёными титулами профессоров и выходивших из них студентов, славившимися их учёными трудами, публичными диспутами, пышными празднествами и спектаклями, разыгрывавшимися в их стенах, — наши (православные – А.Л.) школы были более чем скромны» [493, с. 473]. Автор также отмечал, что у сторонников унии «не было своих училищ, подобных нашим» (опять же, православным – А.Л.), поэтому она «имела малый успех» [573, с. 476]. Вообще о деятельности униатских школ в данной работе сказано очень мало, ибо хронологические рамки, которые определил для себя историк, не позволили рассмотреть вопрос о реорганизации системы униатского образования, осуществлённой митрополитом И.-В.Рудким [368, с. 178]. В связи с этим приведённый выше вывод учёного об ущербности данной системы представляется не совсем корректным, поскольку сделан в отношении весьма небольшого периода, за который униатство просто не успело создать свои структуры, в том числе и в области образования.

При всей симпатии к делу защиты православия в регионе К.В.Харлампович не хотел скрывать факта неуклонного роста

польско-католического влияния на территории «западной России». Во всяком случае, этот рост хорошо показан на примере сравнения школьных систем различных конфессий. Поэтому закономерно встаёт вопрос: в чём же видел историк причины «польского триумфа» на восточнославянских землях Речи Посполитой? Со времён М.О.Кояловича западноруссистская историография предъявила миру немало исторических фактов, свидетельствовавших как о возрастании польского влияния в регионе, так и о борьбе православных против него (впрочем, не столько против колонизации, сколько против католицизма). Однако дать удовлетворяющее взыскательные умы объяснение причин колонизации она оказалась не в состоянии. Историки, придерживавшиеся западноруссистских взглядов, чаще всего указывали на «измену» православной аристократии «русскому делу» да на козни иезуитов. Не смог дать убедительного ответа на данный вопрос и К.В.Харлампович. Он всего лишь описал процесс усиления влияния польской культуры на православное население Речи Посполитой. «Влияние польской культуры на русскую начиналось с самого неважного, – считал учёный, – с обстановки домашней жизни, с убранства, приёмов обращения, затем переходило на употребление в разговорах польской речи и оканчивалось подражанием польским нравам и усвоением польского мировоззрения — общественного, научно-исторического, политического и религиозного» [493, с. 205, 206]. Но почему магнатерия и шляхта Украины, Беларуси и Литвы оказались столь падкими на всё польское? При внимательном прочтении работы Харламповича многие читатели могли бы сделать вывод, что в исторических условиях XVI – XVII вв. православная цивилизация на территории «Западной России» просто не выдержала конкуренции с западной, преимущественно с польско-католической цивилизацией, так как первой нечего было противопоставить второй [493, с. 205]. Однако сделать такой, безусловно «еретический», с точки зрения западноруссизма, вывод К.В.Харлампович, конечно же, не решился. И всё-таки заслуживает уважение стремление историка непредвзято и всесторонне исследовать интересующую его проблему, не закрывать глаза ни неприятные для его мировоззрения исторические факты и явления и не прибегать для их объяснения к идеологическим заклинаниям, весьма часто встречавшимся в исследованиях многих представителей западноруссизма в историографии. Также следует отметить богатство эмпирического материала, представленного в этой работе. Исходя из вышесказанного, можно считать, что данный научный труд стал значительным явлением в историографии истории культуры и конфессий рубежа XIX – XX вв..

Другой крупной работой Харламповича явилось опубликованное в 1914 г. исследование «Малороссийское влияние

на русскую церковную жизнь» [494]. Очень объёмное, переполненное второстепенным материалом и поэтому трудно читаемое, оно, тем не менее, продолжало тенденции, заложенные в «Западно-русских школах...» [493]. Хронологические рамки исследования – XVI – XVII вв.. Как явствует из названия книги, она посвящена рассмотрению проблемы украинского влияния на православную церковь в России, однако в ней есть, хотя и в гораздо меньшем объёме, сведения и о белорусском влиянии. К примеру, автор повествует о личности Симеона Полоцкого и о его деятельности в Москве [494, с. 379 – 394]. К.В.Харлампович обратил внимание на существовавшие в проанализированный им период отличия великороссов от белорусов с украинцами – «малороссами». «Уния Польши и Литвы, – писал он, – повела к объединению малороссов и белорусов в политическом и культурном отношении и к противопоставлению их, как одного целого, великороссам» [494, с. 4]. Учёный утверждал, что в ВКЛ и Речи Посполитой православные иерархи пользовались большей свободой по сравнению с Москвией [494, с. 4, 5]. Получалось, что К.В.Харлампович поддержал один из пунктов традиционной критики российской церковной системы со стороны поляков, ставивших в вину московскому православию его почти всегдашнюю подчинённость светским властям. Делал он это вопреки своим западноруссистским идеологическим установкам, однако и умалчивать об этом не считал нужным.

Различие между великороссами и населением «Западной России» хорошо осознавалось, по мнению историка, жителями Российского государства на протяжении всего XVII в., причём были случаи и «озлобления великороссов против «западных русских». Автор считал, что данные случаи объяснялись активным участием последних в делах российской Смуты начала XVII в.: активной поддержкой ими самозванцев и прямой интервенцией их и поляков в Россию [494, с. 17]. «За своих», согласно Харламповичу, выходцев из «Западной России» в Московии не очень-то и принимали, о чём свидетельствуют факты повторного крещения выходцев из Западной России – крещения из неблагонадёжного «западнорусского» православия в... православие же, но только по-московски «благочестивое». Несправедливость такой процедуры историк не подвергает сомнению [494, с. 22, 23].

Таким образом, со страниц работы Харламповича встаёт гораздо более сложная и противоречивая картина отношений между коренными россиянами и выходцами из Речи Посполитой, пусть даже и единоверцами, чем это обыкновенно представлялась западноруссистам, склонным выпячивать стремление к единению «трёх ветвей русского племени». Кроме того, подчёркивая значительную степень «малороссийского влияния», хотя и не однозначно воспринимавшегося в Московском государстве, но во

многим определившим ход событий российской внутрицерковной жизни (например, реформу Никона) [494, с. 164 – 166], автор ставил вопросительный знак на казавшемся незыблемым постулате о нравственном превосходстве «Третьего Рима» над испорченной «латинством», «папезництвом» «Западной Россией».

Так на примере научного творчества К.В.Харламповича (даже в большей степени, чем П.Н.Жуковича) можно видеть одно из возможных направлений развития западноруссистской историографии – направление к сближению с российской либеральной историографией. Но работы, создававшиеся в академической типши Петербурга и Казани, не определяли, всё же, общего характера развития анализируемого течения исторической науки. Нужно помнить, что и сами представители «либерального западноруссизма», скажем, тот же П.Н.Жукович, увлекались борьбой за «русское дело» и поэтому им трудно было сохранить равновесие между стремлением к научной беспристрастности и желанием поучаствовать в этой борьбе. Ещё в большей, чем по отношению к П.Н.Жуковичу, мере, вышесказанное относится к И.П.Филевичу. Историю «Западной Руси» он трактовал как истинный сторонник М.О.Кояловича [489 – 491]. Рокочая роль Ягайло в судьбах региона, складывание исторической специфики края под влиянием «католицизма и немецкого права» и вызванная этим его «несамостоятельность» по сравнению с Москвой, требование унификации «русской» жизни по московскому образцу – все эти краеугольные положения, разделяемые школой М.О.Кояловича, нашли своё отражение в работе И.П.Филевича «История древней Руси» [489, с. VI – VIII]. Критикуя стремления деятелей украинского национального движения доказать самобытность и право на самостоятельное существование своего народа он писал: «Народность получает смысл более или менее реального этнографического явления; ему соответствует в области живой речи столь же реальное явление – наречие. Что же касается понятия – народа, то этой фикции (? – А. Л.), объединяющей живые части однородного целого соответствует другая фикция – язык. Но эти фикции могут осуществляться в действительности как результат исторического культурного процесса. В таком случае механическая совокупность отдельных однородных частей – народ – превращается в живое культурное целое – нацию, национальность, а наиболее ярким её выражением является литература и литературный язык. Он складывается на реальной почве наречия той народности, которой, по обстоятельствам, выпадает в жизни народа более видная руководящая роль, но в неё входят и элементы других однородных народностей. Они привносятся их представителями; благодаря этому литературный язык, как плод общего труда, и становится общим достоянием» [489, с. 29]. Естественно, эта сентенция была попыткой теоретически

обосновать право великороссов на «руководящую роль» и «обязанность украинцев (а также белорусов) быть всего лишь «элементами» в складывании единой русской нации. Поэтому странно выглядит упование Филевича на то, что «объединённая на новых началах равноправия и свободы русская народность входит через Западную Русь в непосредственное общение с остальным славянством» [489, с. 29]. Характерно, однако, употребление учёным термина «Западная Русь», в отличие от общеупотребительного у его единомышленников понятия «Западная Россия». Видимо, он интуитивно чувствовал, что «Западная Русь» есть нечто другое, чем Россия.

Кроме «академического», умеренного направления в западноруссистской историографии, своей научной (или псевдонаучной) активностью выделялось пропагандистско-публицистическое направление, и именно оно определяло западноруссистскую моду. Среди сторонников данного направления можно, говоря о конце XIX – начале XX вв., выделить две группы его сторонников: первую составляли работники учебных и научных учреждений, хотя и не обладавшие такой научной квалификацией, как П.Н. Жукович, К.В. Харламович, другая состояла из людей, претендовавших на роль идейных лидеров позднего западноруссизма. Уместно проанализировать исторические взгляды и тех и других.

Первая группа была представлена такими деятелями, как один из столпов «русского дела» И. П. Корнилов, решивший на закате своей жизни (умер в 1901 г.) поделиться с будущими поколениями опытом русификации, а также А.И. Миловидов, О.В. Щербичский и другие [266 – 271; 336 – 361; 516 – 523].

На произведения И.П. Корнилова, безусловно, наложило отпечаток то обстоятельство, что он сам был одним из активнейших участников описываемых событий. Поэтому его мнение – это не мнение стремящегося к беспристрастности историка, а свидетельство в пользу той системы взглядов, которую он исповедовал и той деятельности, которую он проводил. Его произведения, прежде всего «Русское дело в Северо-Западном крае» – одно из хронологических первых проявлений историографической рефлексии западноруссизма, призванной оценить собственный исторический путь, пройденный этим направлением идеологии.

Собственно говоря, само «Русское дело...» - это сборник документов. Но в предисловии к нему Корнилов весьма чётко изложил свои взгляды на историю Беларуси и Литвы, прежде всего на ещё не очень далёкую для рубежа XIX – XX вв. историю XIX в. «Западный край, это наша древнейшая коренная страна, оплот православия и русской народности, в продолжение более двух веков находился под тяжёлым и беспощадным гнётом враждебной

России польско-латинской тирании, от которой Западная Русь была, наконец, освобождена в XVIII столетии Екатериной II» [271, с. III] – категорично утверждал И.П.Корнилов и высказывал сожаление, что после смерти императрицы польское влияние опять усилилось, что и давало возможность вспыхнуть здесь восстанию 1863 г., подавленное М.Н.Муравьевым, славословие в адрес которого со стороны И.П.Корнилова поистине безудержно [271, с. III – VI]. Однако, по мнению высокопоставленного чиновника, с 1868 г. (надо полагать, с начала генерал-губернаторской деятельности А.Л.Потапова [489, с. 108-120]) «чуждый краю польский элемент стал подниматься и забирать в свои руки права русской и литовской народности» [271, с. IV]. В связи с этим он причислял к «врагам России» «русских либералов», ибо они резко отрицательно относились к деятельности М.Н.Муравьева и его единомышленников, к которым себя причислял и составитель сборника [271, с. V]. Разумеется, вся подборка документов долженствовала доказать правомерность усилий по русификации края, в частности положительным моментом он считал организацию здесь археографической деятельности.

В другой своей работе – вышедшем в виде брошюры исследовании «Князь Адам Чарторыйский» [268] И.П.Корнилов не пожалел чёрных красок для одного из своих предшественников на должности попечителя Виленского учебного округа. С прискорбием он отмечал, что «гибельные последствия управления князя Чарторыйского Виленским учебным округом стали замечаться русским правительством лишь в последние годы царствования Александра I, когда враждебное нам (России, в понимании Корнилова – А.Л.) религиозное и политическое воспитание успело уже утвердиться в школах Западной России и значительно извратить умы учащегося поколения» [268, с. 96].

Работы Корнилова, несмотря на их низкий научный уровень и крайний субъективизм, обусловленный активнейшим участием их автора в русификации края, интересны для исследователя процесса развития западнорусистской историографии прежде всего тем, что они показывают, какой импульс формированию этого направления исторической науки придавали власти Санкт-Петербурга и Вильно, и опровергают тезис некоторых из современных «неозападноруссизмов» о будто бы исключительной автономности данного течения общественно-политической и научно-исторической мысли [508, с. 12]. Нет, западноруссизм сложился и развивался как симбиоз устремлений российских правящих кругов и местной антипольской и ориентированной на Россию «партии», причём первые играли в нём первую же скрипку, задавая официальный и отрицательный по отношению к подлинной научной объективности тон исследованиям прошлого «Западной России». Другое дело, что власти империи, в силу

дворянской солидарности, не всегда шли навстречу желаниям «западноруссов», требовавших полностью искоренить в регионе «польский элемент» [498, с. 83, 84; 508, с. 74, 75]. Но, во всяком случае, в деятельности сотрудников подведомственных научных организаций, они хотели видеть проявления верности идеалам западноруссизма и те высказывали такую верность.

Примером этому может служить научное творчество директора Муравьевского музея, работавшего также в Виленской публичной библиотеке, А.И.Миловидова [336 – 361]. Специалист по старопечатным изданиям, он, тем не менее, не удерживал себя от оценки событий XIX в., и оценка эта вполне соответствовала официозу западноруссизма [94; 521]. Главным героем его трудов по истории этого периода является, опять же, М.Н.Муравьев, которому приписывались едва ли не все благоденствия в крае и, в первую очередь, подчёркивались «заслуги графа Муравьева для православной церкви в Северо-Западном крае», проявленные им на фронте борьбы с католичеством и полонизмом [339; 341-343; 346; 348; 349; 358-360]. Автор вполне приветствовал установление контроля гражданской власти за деятельностью католической церкви, который должен был парализовать её деятельность по «сворачиванию» «западнорусского» населения, совершавшуюся «не во имя религиозно-миссионерских целей, а во имя целей политических» [341, с. 33]. Учёному не чужд иррационально-интуитивистский, с мистическим оттенком, подход к интерпретации исторических явлений: «При общем подъёме духа заговорила русская кровь, потянуло к вере отцов» [341, с. 67] (вряд ли такое объяснение обладало для критически мыслящих людей доказательной силой). Миловидов не замалчивал распоряжение М.П.Муравьева об уничтожении предметов католического культа, но и не комментировал его, что в данном контексте можно рассматривать как согласие с этим распоряжением [341, с. 80, 81]. Вообще для него характерно было стремление акцентировать внимание на «светлых» (с его точки зрения) сторонах деятельности графа. К ним он относил усилия Муравьева по «устройству общественного быта крестьян» [359]. Рисуя в восторженных тонах освобождение их от крепостничества, автор, по-видимому, не замечал, что попадает в логическую ловушку: ведь, считая их дореформенный быт «покоившимся на основе рабства» [359, с. 25], он ставил под сомнение благотельный характер присоединения «Западной России» к империи. Впрочем, он описывал чуть ли не райскими красками положение крестьян после 19 февраля 1861 г. [343; 349; 359].

В традиционном духе, вполне согласовавшемся с официальной версией, Миловидов подавал причины восстания 1863 г.: «И в то же время, когда после подписания Манифеста русское дворянство не только не обнаружило какого-либо организованного

противодействия крестьянскому освобождению, но и само положило немало усилий на точное исполнение Положений и охотно становилось в ряды мировых посредников, литовско-польские дворяне увидели в освободительном Манифесте объявление войны их панскому влиянию на крестьян, почему они быстро сплотились для противодействия Манифесту, освобождавшему крестьян не только от экономического, но и от нравственного ига» [349, с. 22]. Столь же традиционно он объясняет причины активного участия молодежи в восстании – во всём была виновата-де «польская школа», влияние которой надо было ликвидировать [360]. Таким же орудием борьбы представлялось Миловидову историческая наука, поэтому факт образования Виленской Археографической Комиссии для него был ценен не сам по себе, а как создание противовеса археографическим изысканиям поляков [337; 338; 351; 353].

Таким образом, наблюдается явный застой во взглядах Миловидова, их ригидность. Ничего нового ни он, ни другие представители западноруссизма из тех, кто занимается в большей степени популяризацией его идей, чем поиском исторической истины, в науку не вносили, да и, похоже, не стремились к этому. Их работы были очень часто «заметками по поводу» какого-либо юбилея или нового проявления «польской угрозы» [346 – 350]. Даже попыток внести что-нибудь новое в концепции исторической школы западноруссизма у сотрудников учебных и научных учреждений не было. Они чувствовали себя в гораздо большей степени чиновниками на «государевой службе», нежели исследователями.

Попытки изложить целостную концепцию исторического прошлого Беларуси, пусть и не разрабатывая её в подробностях, делались в этот период Л.М.Солоневичем и П.В.Коронкевичем – людьми, не имевшими фундаментальной научно-исторической подготовки, но претендовавших на роль духовных вождей позднего западноруссизма. Оба стремились подкрепить свои лидерские притязания теоретическими изысканиями, основанными, согласно установившейся ещё в 60-е гг. XIX в. западноруссической традиции, на аргументах историографического происхождения.

Амбициозный и обладавший бойким пером Л.М.Солоневич изложил собственное концептуальное видение прошлого Беларуси ещё на заре своей деятельности, в 1901 г., когда вышел в свет его «Краткий исторический очерк Гродненской губернии за сто лет её существования» [473]. Сразу же следует заметить, что данная работа отражает авторское понимание истории не только Гродненской губернии, но и всей Беларуси как единого целого. Во всяком случае, в ней затрагивается общеполорусская историческая проблематика, рассматриваются основные периоды истории Беларуси, содержится оценка её явлений и судьбоносных событий. Всё это

относит данный труд именно к разряду концептуальных исследований. История земель, впоследствии вошедших в состав Гродненской губернии, являлась, как это выходит в данной работе у Л.М.Солоневича, своего рода проекцией истории всего края на его конкретный регион.

В доказательство исконно-русской природы Беларуси Л.М.Солоневич привёл факт вхождения этих земель в XIII в. в состав Владимиро-Волынского княжества или в состав княжеств, управлявшихся «своими природными православно-русскими князьями» [473, с. 5]. Хотя и отмечал он наличие здесь литовского и ятвяжского населения, но, несколько противореча себе, утверждал, что «в XII в. все области Гродненской губернии» были «почти сплошь» населены «славяно-русским племенем» [473, с. 5]. Характерна для западноруссизма и авторская оценка состояния балтов-литовцев до начала их контактов со славянами: «С XII же столетия начинаются столкновения западно-русских князей с соседними литовскими племенами. Племена эти жили среди лесов в неприступных тущобах и находились они в полудиком состоянии, не имея ни городов, ни правительства и не составляя государства. Литовские племена в тот воинственный век представляли лёгкую добычу для нападений западно-русских князей, ходивших на Литву и выведивших много пленных, продававшихся потом в рабство. Но, воюя с литовцами, русские князья умели и мириться с ними, даже родниться и заводить дружбу» [473, с. 6]. Движущей силой «объединения литовских племён в одно целое и, наконец, слияние их с западно-русскими княжествами в одно Литовско-Русское государство» он считал угрозу со стороны рыцарско-монашеских орденов – Ливонского и Тевтонского [473, с. 6, 7]. Конкретно же, процесс этого объединения проходил, по мысли Л.М.Солоневича, путём завоевания литовцами «разорённых (татарами – А.Л.) русских областей», причём он считал, что разорение коснулось и Понеманья (взгляд, в целом не принимавшийся и не принимаемый исторической наукой) [473, с. 7]. Но литовцы, «присоединяя к своему государству русские области, оставляли покорённым полную свободу вероисповедания, не нарушали внутреннего строя их общественной жизни, и даже оставляли в присоединённых русских областях природных русских князей. Вследствие этого, русские охотно подчинились Литве, так как не только не теряли от этого подчинения, но ещё находили себе защиту от татар, зависимость от которых была несравненно тяжелее зависимости от Литвы» [473, с. 8]. Такую политику литовских князей Л.М.Солоневич считал «дальновидной» и отмечал, что «в Литовско-Русском государстве» «к XV столетию русские составляли 9/10 всего населения» [473, с. 8]. В общем «Литва мало-помалу делалась русской», и это происходило потому, что литовцы «перенимали от русских их нравы и обычаи, русский язык, русскую письменность

и их православную веру», а также «роднились с русскими при посредстве брачных союзов» [473, с. 8].

Как и его идейные предшественники, роковое значение Л.М.Солоневич придавал произошедшему в результате Киевской унии «соединению» ВКЛ с Польшей, которое он датирует 1386 г.: «Соединение это имело громадное и самое тягостное влияние на дальнейшие судьбы Литовско-Русского государства, так как Польша, благодаря обособленности её исторической жизни (? – возможно, имеется ввиду обособленность этой страны от «славяно-русского» мира – А. Л.), была враждебна всему славянству и особенно русскому населению» [473, с. 8]. Враждебность, согласно Л.М.Солоневичу, выражалась всё в том же «джентльменском наборе» западноруссистской историографии: «латинство, крепостничество, шляхетство, самовластие и бесчинство вельмож» – всего этого якобы не знало тогда русское общество [281, с. 117 – 141, 219; 282, с. 86; 473, с. 8]. «Недостатки проникавшей в Литву польской цивилизации заключались в том, что она не была продуктом самостоятельной творческой работы самого польского народа, а была лишь результатом влияния на Польшу феодального строя соседних европейских народов, – утверждал Солоневич. – В этом случае Польша являлась как бы мостом, по которому двигалась европейская цивилизация с Запада на Восток» [473, с. 9]. Польша, как он считал, усвоила эту цивилизацию не в полной мере, а лишь «худшую, мишурную, так сказать, сторону её» [473, с. 10]. В этом он видел действия универсального закона, которым определяются контакты «народов более культурных с менее культурными» [473, с. 9]. При этом остаётся непонятным, почему действие данного закона он не распространял на Русь и вообще на православное славянство – разве оно не восприняло религию от «более культурного» народа – византийцев? Во всяком случае, у Л.М.Солоневича нет даже традиционной ссылки славянофильства на будто бы присущее православию органическое соответствие традиционному, общинному укладу жизни славян.

Период от Кревской до Люблинской унии Л.М.Солоневич в данной работе фактически не анализировал, поскольку, кроме возрастания польско-католического влияния, ничего другого в его отношении он не видел. Поэтому несколько странным выглядит его заявление о том, что «в 1569 г. поляки добились если не фактического, то, по крайней мере, юридического объединения Литвы с Польшей на так называемой Люблинской унии» [473, с. 10] – выходит, до неё не было даже объединения де-юре, не говоря уж о единстве де-факто? Значит, в тезисе о Кревской унии как о роковом событии, был серьёзный, не замеченный автором, логический изъян. Что усиленная колонизация «Западной России» началась только с 1569 г. он сам косвенно признавал, когда отмечал: «Важнейшим результатом Люблинской унии было то, что она

широко открыла двери Литвы для польских панов, шляхты, католического духовенства, иезуитов и евреев» – сентенция, почти повторившая аналогичную мысль Кояловича [281, с. 50 – 54; 283, с. 83, 84; 473, с. 10]. Всё это, как считал автор, было злом для Беларуси, Литвы и Украины: «Таким образом, литовско-русский народ терял одновременно два сословия – высшее и среднее: первое окатоличивалось и ополячивалось, переходя во враждебный русской народности лагерь; второе исходило с исторической сцены, вытесняемое еврейством. Оставался русским лишь простой народ, во главе которого стояло теперь православное духовенство <...>. Простой народ и духовенство упорно, хотя и пассивно, отстаивали православную веру и свою древнерусскую самобытность» [473, с. 11]. Удар по этой самобытности, согласно Л.М.Солоневичу, должна была нанести уния католической и православной церкви. Её причины Л.М.Солоневич трактовал просто, даже слишком просто. Кроме козней «шляхетства и латинского духовенства, руководимого иезуитами», он, в качестве такой причины называл злую волю православных иерархов – «отступников», не указав даже на определённую популярность униатской идеи среди православных мирян (к примеру, даже К.К.Острожский, ревностный защитник православия, при некоторых условиях, в один момент склонен был её поддерживать) [473, с. 11]. В этом отношении Солоневич сделал шаг назад по сравнению с М.О.Кояловичем, не отрицавшем такой популярности [282, I, с. 71 – 73, 103 – 109]. Насильственный характер унии он подтверждал соответственно подобранными цитатами из документов начала XVII в., взятыми, однако, не из первоисточников, а из трудов П.О.Бобровского, П.Д.Брянцева и Д.И.Иловайского [82].

От событий, которые повлекла за собой Брестская 1596 г. церковная уния, автор почти безо всякого перехода приступает к описанию присоединения «Литвы» к России. Анализ истории Речи Посполитой XVII – XVIII вв. фактически отсутствует. Что же касается разделов Польши (так Л.М.Солоневич именует Речь Посполитую, оказывая, как и другие «западноруссы», услугу польским националистам, всегда считавшим эту державу своей и только своей), то он объяснял участие в них России исключительно заботой о православных единоверцах. Но причины «разделов Польши, не тождественны, согласно Л.М.Солоневичу, причинам её «падения». «Польша пала от анархии» [92, с. 583] – этот вывод профессора Краковского университета М. Бобжиньского [80], взятый Л.М.Солоневичем не из первоисточника, а из труда П.Д.Брянцева, он вполне разделял и добавлял, что «в ней не было народа, в смысле народа, способного к исторической жизни» – причиной тому – шляхетское и еврейское засилье [473, с. 14].

Однако, по его мнению, присоединение «Западной России» к империи не сразу привело к коренным изменениям. «Особенность первого периода (с 1802 по 1840 гг.) заключалась в

том, что в этот период население управлялось и судилось на основании прежних литовско-польских законов – литовского статута, Магдебургского права и всех данных в прежнее время королями польскими льгот и привилегий. Администрация этого времени, за весьма немногими исключениями, состояла из лиц польского происхождения – католиков. Только во главе губерний, да и то не всегда, стояли русские люди. Так что, в сущности, в губернии продолжались старые польские порядки» [473; с. 15, 16] (этот вывод, как уже указывалось, можно распространить и на всю Беларусь). Искоренению этих порядков препятствовало то обстоятельство, что политика правительства по отношению к региону не была устойчивой и подвергалась изменениям с каждым новым царствованием (от русофильства Екатерины II к «прокатолической политике Павла и пропольской Александра I – она была вызвана влиянием на императора «личного своего друга, польского патриота Адама Чарторыйского, разработавшего и осуществившего «широко задуманный план ополячения края» [473, с. 23 – 29]).

Описывая события, приведшие к ликвидации в 1839 г. церковной унии, Солоневич повторил традиционный, наиболее солидно обоснованный П. О. Бобровским тезис о противостоянии склонных к колонизации монахов-базилиан и ориентировавшегося на сохранение «старинны» белого духовенства [85; 473, с. 28]. Далеко не в полном соответствии с историческими фактами он считал, что упразднение унии произошло «легко и без особенных усилий», не принимая во внимание случаи сопротивления населения, вызванного его насильственным переводом в православие.

Ничего хорошего не видел автор и в деятельности Виленского университета. На это учебное заведение он возложил обвинение в подготовке восстания 1830 – 1831 гг. [473, с. 32]. С осуждением он писал и о большой свободе, предоставленной властями Российской империи «местному дворянству и шляхте» [473, с. 32]. По-видимому, Л. М. Солоневич разделял эти понятия: возможно, ведя речь о дворянстве, он имел ввиду землевладельцев, а под шляхтой понимал всё доставшееся империи в наследство от Речи Посполитой привилегированное сословие – во всяком случае, здесь автор подразумевал явно не русское по происхождению дворянство.

Проанализировав политическую и религиозную ситуацию в крае, Л. М. Солоневич переходит к очерку его экономической истории, причём он возвращается к периоду ВКЛ и Речи Посполитой, тем самым несколько нарушая логику повествования. Состояние экономики «Литовской Руси» он оценивал критически. Причинами замедленного развития экономики автор считал многочисленные войны и раздоры, угнетение крестьянства, самоустранение помещиков от ведения хозяйственных дел, «недостаток путей сообщения» и еврейское засилье в области

промышленности и торговли [473, с. 37, 44]. Евреев он ещё обвинял в спаивании населения и вполне одобрял дискриминационные меры правительства России по отношению к ним, правда, сетуя при этом на их неэффективность [473, с. 45 – 47]. В связи с этим можно опять указать на алогичность его позиции, поскольку вставал вопрос: кто же тогда спаивал население Великороссии? Ведь, как известно, евреев там долгое время просто не было.

Нарисовав довольно неприглядную картину состояния экономики края в период пребывания его в составе Речи Посполитой, Л.М.Солоневич не умолчал о благотворных результатах хозяйственных реформ, проведённых на данной территории графом А. Тизенгаузом, и оценил их положительно [473, с. 40, 41]. Впрочем, это вносило не очень большие коррективы в критическую позицию автора.

Период 1840 – 1863 гг. Л.М.Солоневич воспринимал в качестве «переходного периода» в истории губернии и края в целом [473, с. 50]. Переход, по его мнению, происходил от «польского засилья» к утверждению в крае «русских начал». Он приветствовал «разбор шляхты», вызвавший у этой самой шляхты естественное недовольство [473, с. 53 – 56]. Однако не только «разбор шляхты» стал причиной этого недовольства. Главная причина заключалась, согласно Солоневичу, в неизбывном стремлении шляхты к «абсолютной свободе» (для себя, а не для народа), которую можно было достичь «при восстановлении политической независимости бывшей Великой Польши» [473, с. 57]. Солоневич не отрицал, что для достижения этой цели поляки испробовали легальные методы и в период правления Александра I были близки к успеху [473, с. 25 – 27]. Однако вместе с этим автор замечал, что они «в то же время деятельно подготовлялись к восстанию» [473, с. 57]. Описывая ужасы восстания и утверждая, что оно было в ней тяжелее, чем в России, автор подводил своего читателя к мысли об исключительной эгоистичности устремлений шляхты, поднявшей восстание 1863 г., ибо местная шляхта добивалась освобождения крестьян без земли—это была самая большая уступка, на которую она могла пойти в решении «крестьянского вопроса» [473, с. 61, 72]. О том, что позиция русского дворянства по данному вопросу принципиально не отличалась от позиции шляхты, Л.М.Солоневич дипломатично умалчивал.

Характеризуя ход восстания 1863 г., автор «Краткого очерка...» указывал на существование различий между партиями «белых» и «красных» [473, с. 65, 66]. Подчёркивал он также и несовпадение взглядов лидеров данных партий в «Литве» - соответственно, В. Старжинского и В-К. Калиновского [473, с. 67]. Разница между «белыми» и «красными» виделась ему в традиционном для историографии проблемы восстания 1863 г. духе: последние превосходили первых в радикализме [94]. Само

восстание Солоневич описал в привычном для западноруссизма стиле. Он утверждал, что «банды» и «шайки» повстанцев допускали «зверства», которые были пресечены благодаря спасительной миссии М.Н. Муравьева [473, с. 67 – 72]. Однако главную заслугу графа Муравьева он видел даже не в подавлении восстания, а в том, что генерал-губернатор раскрыл верхушечный характер восстания, не поддержанного поэтому народом [473, с. 72]. Но как тогда согласовать с этим постулатом тот факт, что программа восставших предусматривала имущественное и правовое улучшение положения крестьян, а некоторые из «красных» согласны были идти в этом вопросе ещё дальше? Ответ Л.М. Солоневича таков: «Мечтания красных о наделении крестьян землёю и общем равенстве были исключительными и не разделялись большинством польского дворянства, которое придерживалось своих взглядов на крестьян» [473, с. 72]. Таким образом, он не отрицал, как почти все другие западноруссизмы, считавшие обещания восставших репуть «крестьянский вопрос» одной лишь пустой демагогией, искренности намерений части инсургентов, но утверждал, что намерения эти не нашли поддержки у остальной шляхты [473, с. 72].

Следующий период истории губернии (и всей Беларуси) Л.М. Солоневич датировал 1863 – 1901 гг. (то есть, он считал его продолжающимся и во время написания работы) и определял его как «период коренных реформ в губернии и усиление русского самосознания в местном населении» [473, с. 73]. Собственно говоря, такая авторская характеристика этого временного отрезка избавляет от необходимости анализировать взгляды Л.М. Солоневича на него – название его говорит само за себя. Автор особое внимание уделил экономическому развитию губернии, между делом одним штрихом засвидетельствовал свои верноподданнические чувства: оказывается, Гродненская губерния обязана была Беловежской пуше возможностью принимать императора и его семью [473, с. 91]. Однако повествование об экономике губернии, ведущееся им в актуализированном ключе (то есть о событиях и явлениях рассказывается, как о современных автору) не испытывает недостатка в критических нотках. Он отмечал упадок экономической жизни, связывая его с последствиями восстания [473, с. 88] (тогда как «временнообязанный» статус крестьянства являлся, с его точки зрения «естественной ступенью к окончательному освобождению от крестьянской зависимости» [473, с. 88]). Ещё автор указывал на то, что «свободный труд далеко не оправдывал тех надежд, которые возлагались на него в 60-х годах. Этому воспрепятствовали, главным образом, низкий уровень умственного развития крестьян, отсутствие энергии и предприимчивости» [473, с. 94, 95]. Здесь у Солоневича отношение к пореформенному периоду развития края более сдержанное, чем можно было бы ожидать, исходя из

общепринятой оценки «западноруссами» этого периода как наиболее благого для Беларуси. Это, однако, не меняет общего характера работы, выдержанной в западноруссистском тоне.

Ни в одном другом труде, включая и программную статью в «Белорусской жизни» [368, с. 425-427], исторические взгляды Л.М.Солоневича не были столь полно выражены, как в «Кратком историческом очерке...». В дальнейшем его концепция испытала лишь небольшие изменения, направленные на нейтрализацию «искусственного белорусского сепаратизма, который мог бы вогнать клин между двумя племенами одного и того же народа и посеять между ними вражду» [472, с. 29] (белорусское движение, как известно, было для Л.М.Солоневича всего лишь одной из форм полонизма). Как же оценить эту концепцию? Во-первых, она и по сути, и по форме изложения была типично «западнорусской» без претензий на какую-либо заметную новизну. Во-вторых, её общая антипольская направленность свидетельствовала, что для западноруссизма и в начале XX в. Польша была главным врагом. В-третьих, недостаток профессионализма автора привёл к тому, что к традиционной для последователей М.О.Кояловича, к коим он себя причислял, тенденциозности прибавилось ещё и верхоглядство, выражавшееся в слабом знании исторических источников, в компилятивном характере концепции и некритическом отношении к историческим фактам и восприятию их в качестве раз и навсегда установленных. В-четвёртых, совершенно игнорировались достижения современной Л.М.Солоневичу исторической науки, прежде всего, либеральной историографии. В-пятых, и это самое главное, концепция Л.М.Солоневича, в которой было много недостатков и мало достоинств, может быть рассматриваема и оценена как яркое свидетельство стагнации западноруссистской историографии на её «пропагандистско-популяризаторском» уровне, о всё большем её превращении из системы научных взглядов в идеологию.

Такую же оценку можно дать и концепции П.В.Коронкевича – последнему сказанному уже после февральской революции 1917 г., слову «классического» западноруссизма. Она изложена в его труде «Белоруссы...» [272] и является своего рода предисловием к программе последней во времени возникновения организации западноруссизма – «Союза белорусской Демократии», что подчёркивает её прикладной характер [368, с. 439, 440]. Правда, П.В.Коронкевич гораздо более охотно употреблял понятие «белорусская народность», чем Л.М.Солоневич, но при внимательном рассмотрении эта народность у него – всё та же ветвь единого русского народа [272, с. 2, 3]. Причину её образования он видел в постепенном сближении кривичей, дреговичей радимичей [272, с. 2] (возможно, здесь проявилось влияние Е.Ф.Карского или М.В.Довнар-Запольского [170; 174; 245]). Однако

в другом месте эту народность, вместе, по-видимому, с украинской, он причислил к «западнорусским племенам», составившим «основу» «прочного Великого Княжества Литовского» [272, с. 2, 3]. И дальше: «С этого времени (времени образования и существования ВКЛ – А.Л.) кладётся прочное начало русской народности, которая известна до сих пор под именем белорусской (так! – А.Л.). Сам язык её вполне сложившийся к этому времени, может быть назван белорусским. На этом языке был создан Статут Литовский» [272, с. 3]. Как видим, чёткого разграничения между «русским» и «белорусским» у П.В.Коронкевича не наблюдается.

Само же образование ВКЛ он связывал с воинственностью Литвы и угрозой со стороны татар, фактически воспроизводя позицию М.О.Кояловича и Л.М.Солоневича по этому вопросу [272, с.2; 281; 473]. Не посчитав нужным хотя бы вкратце изложить перипетии истории этого государства, П.В.Коронкевич тем не менее выделил в качестве главного ее события заключение Кревской унии. Он полагал, что эта уния означала «присоединение Литвы и Белоруссии к Польше» [272, с. 4]. Конкретизируя свою мысль, П.В.Коронкевич решил на сверхнигилистическое по отношению к «послекревскому» периоду белорусской истории заявление: «после присоединения Литвы и Белоруссии к Польше в течение 500 лет белорусская культура в своём развитии не подвинулась ни на шаг» [272, с. 4]. До такого не додумывались даже самые радикальные западноруссисы, и подобное заявление нельзя охарактеризовать иначе, как абсолютно безответственное. Оно также свидетельствует о недостаточной компетентности его автора в вопросах истории. П.В.Коронкевич отметил и факт раздвоения белорусской интеллигенции на польскую и русскую, причём утверждал, «что культура польская простого народа почти не коснулась» [272, с. 5]. Общий же вывод его, якобы подкреплённый опытом первой мировой войны, заключался в призыве к объединению белорусов, великорусов и украинцев «в одну могучую и несокрушимую народность русскую» [272, с. 7, 8]. Однако ни сама историческая концепция западноруссизма, ни вытекающие из неё актуальные политические выводы не могли уже удовлетворить белорусов. «Западнорусская» идея всё более и более становилась историческим анахронизмом. Западноруссизм в его «классическом» виде (как поддерживаемая царизмом идеология) перестал существовать. Правда, в советский и постсоветский период истории Беларуси те или иные теоретические положения западноруссистской историографии были востребованы как властями, так и определёнными общественными кругами: первыми – в качестве обоснования своей политики, вторыми – в качестве своей мировоззренческой базы. Идеи, высказанные в своё время историками-западноруссистами, оказали также значительное влияние на последующую историографи-

ческую традицию. Однако проблема влияния этих идей на общественно-политическую и научно-историческую жизнь Беларуси после 1917 г. столь сложна и многогранна, что её подробное рассмотрение вышло бы за рамки данного диссертационного исследования.

Если же оценивать в целом тот исторический путь, который прошла западноруссистская историография во второй период своего развития (90-е годы XIX века – 1917 г.), то необходимо отметить следующее. В данный период западноруссизм в российской историографии продолжал существовать в тех же формах, что и в предыдущий. Наиболее активные его представители публиковали свои работы в сочувствующих их взглядам периодических изданиях, которые не являлись, впрочем, специализированными, а именно, научно-историческими. Важнейшим из них являлись «Окраины России». Данные работы имели ярко выраженный публицистический характер и по прежнему были направлены против польского национального движения, однако со временем усиливалась и их антибелорусская направленность.

Продолжали свою деятельность западноруссисты и в научных учреждениях Российской империи. Несмотря на сохранение в целом официального вектора их исследований, постепенно набирала силу и либеральная тенденция, проявлявшаяся в повышении уровня научности этих исследований.

В концептуальной области намечилось существенное и всё более углублявшееся расхождение между условно называемым «публицистическим» направлением, ориентировавшимся на решение политических задач (виднейший представитель – Л.М.Солонович) и академическим направлением (П.Н.Жукович, К.В.Харламович), эволюционировавшим в сторону либеральной историографии. Однако эта эволюция была непоследовательной, поскольку основные постулаты западноруссистской историографии сформулированные в предыдущий период М.О.Кояловичем, оставались незабываемыми и в трудах историков академического направления.

Главный же вывод заключается в том, что в рассматриваемый период западноруссизм утратил монополию на изучение истории земель, входивших в состав ВКЛ и Речи Посполитой и постепенно сдавал свои позиции в конкуренции прежде всего с российской либеральной историографией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Западноруссизм в российской историографии как феномен исторической науки оформился в 60-е гг. XIX в., хотя период его генезиса охватывает 30-е – 50-е гг. этого века. В это время начала формироваться историографическая школа во главе с М.О.Кояловичем, поставившая своей задачей борьбу с польским влиянием на землях, присоединённых к Российской империи в результате разделов Речи Посполитой, а восстание 1863 – 1864 гг., потрясшее эти земли, вынудило правящие круги России приложить усилия для создания официальной, ими поддерживаемой версии истории данного региона. Главным постулатом этой версии стал тезис об исконно русском характере края и о тлетворном действии в нём польских начал. Его обоснованием и занялась западноруссистская школа историографии, деятельность которой протекала во второй половине XIX – начале XX вв.. В процессе своего развития данное историографическое явление испытало определённую эволюцию, особенности которой позволяют выделить два периода «жизнедеятельности» анализируемой школы исторической науки: 60-е – 80-е гг. XIX в. и 90-е гг. XIX в. – 1917г. [308]

2. В первый период функционирования западноруссистской историографии (60-е – 80-е гг. XIX в.) она приобрела системный вид. Сложился союз властей империи с историками-западноруссистами, в котором ведущая роль принадлежала первым. Наметилось определённое расхождение между официозным направлением в западноруссизме (виднейший представитель – редактор ВЗР К.А.Говорский) и направлением, обнаружившим некоторую, довольно-таки слабую, тенденцию к либерализму, представленную вождём западноруссистов М.О.Кояловичем. Впрочем, не следует преувеличивать степень этого расхождения. С самого начала своего существования анализируемое течение исторической науки заявило и отстаивало свои претензии на «единственно верное» понимание истории ВКЛ и Речи Посполитой, которая стала предметом их исследований. [312; 316]

3. Во второй период развития западноруссистской историографии (90-е XIX в. – 1917 г.) значительно увеличилось наметившееся ещё в первый период различие между стремившемся к подчинению собственно научных целей политическим целям официозным, «публицистическим» направлением (Л.М.Солоневич и др.) и академическим направлением (П.Н.Жукович, К.В.Харлампович и др.). Представители последнего старались не приносить научные приоритеты в жертву политическим, хотя это у них не всегда

получалось. В целом же западноруссизм в историографии, специализировавшийся уже не только на борьбе с польским национальным движением, но и с белорусским, постепенно начал сдавать свои позиции, поскольку в сравнении с другими историографическими школами, в первую очередь с российской либеральной историографией, всё более очевидной становилась односторонность и тенденциозность научных построений историков-западноруссистов. [308; 317]

4. На протяжении всей истории западноруссизма как историографического течения выделялось несколько направлений научной активности его сторонников. Это, во-первых, публикации в периодической печати («Вестник Западной России», «Окраины России» и др.), во-вторых, работа в научных и учебных учреждениях. С точки зрения интересов развития исторической науки более плодотворным было второе направление, ибо публикации в периодике, за очень редким исключением, грешили откровенной тенденциозностью, делавшей их малоценными для развития истории как науки. В результате же деятельности контролировавшихся западноруссистами научных учреждений постепенно накапливался материал, который объективно способствовал развитию науки и мог быть использован представителями других историографических школ. [312]

5. Философско-исторические и методологические принципы западноруссистской историографии были разработаны М.О.Кояловичем. Другие историки не внесли какого-либо вклада в их разработку. Мировоззренческой основой западноруссизма стало славянофильство, причём, в большей степени, в его поздней редакции, для которой характерно изживание либеральных идей. Из славянофильского наследия Коялович взял прежде всего соответствовавший его научным устремлениям антиполонизм (у некоторых представителей западноруссизма он превращался в полонофобию). Столь односторонний взгляд на историю региона Коялович оправдывал так называемым «русским субъективизмом», будто бы позволявшим смотреть на историческое прошлое с определённой, фактически априорной точки зрения. В конкретном приложении к исторической действительности такая точка зрения выражалась в осуждении деятельности католической церкви, в том числе «латинских» тенденций в униатстве, а также в отрицательном отношении к белорусскому и украинскому национальному движению, как якобы проявлению «польской интриги». Соответственным образом трактовались и данные исторических источников, несмотря на обилие содержащихся в них противоречившей этой трактовке информации. [308; 315]

6. Подобные историко-философские и методологические взгляды обусловили характерные особенности западноруссистской

концепции истории земель, входивших в состав ВКЛ и Речи Посполитой. Данная концепция основное внимание уделяла конфессиональной политической истории данного региона (недаром и М.О.Коялович, и П.Д.Брянцев и Л.М.Солоневич отстаивали принцип её периодизации, основанной на государственной принадлежности этих земель). Общая канва этой концепции такова: до Кревской унии 1385 г. история ВКЛ имела гармоничный характер, поскольку в княжестве преобладали «русские начала», а после 1385 г. начался необратимый процесс упадка, основными вехами которого были Городельская уния 1413 г., Люблинская уния 1519г. и особенно (в силу гипертрофированного внимания историков данной школы к конфессиональной истории) Брестская церковная уния 1596 г. Присоединение восточнославянских земель Речи Посполитой к России рассматривалось западноруссистской школой как спасительное для края, и резко осуждалась борьба поляков за восстановление своей государственности в границах 1772 г., проявившейся в восстаниях 1794 г., 1830 – 1831 гг, 1863 – 1864 гг. Пребывание земель бывшей Речи Посполитой в составе Российской империи оценивалось историками-западноруссистами только с положительной стороны. Они дали высокую оценку таким мерам российского самодержавия, как ликвидация в 1839 г. на территории Российской империи церковной унии и отмена в 1861 г. крепостного права. Вместе с тем они указывали на необходимость окончательного искоренения польского влияния на территории Беларуси, Литвы и Украины. [308; 310; 311; 317]

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абдиралович Игнат. Извечный путь: Опыты белорусского мировоззрения // Неман. – 1989. – С. 162 – 179.

2. Аксаков И. С. Польский вопрос и западно-русское дело. Еврейский вопрос 18060 – 1886. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвитянина» и «Руси» // Аксаков И. С. Сочинения. – Т. 3. – М., 1886 – 844 с.

3. Акты, издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов (далее – АВАК). – Вильно, 1865 - 1915. – Т. 1 - 39.

4. АВАК. – Вильно, 1865. – Т. 1. Акты Гродненского земского суда. - 377 с.

5. АВАК. – Вильно, 1867. – Т. 2. Акты Брестского земского суда. - 362 с.

6. АВАК. – Вильно, 1870. – Т. 3. Акты Брестского гродского суда. - 416 с.

7. АВАК. – Вильно, 1870. – Т. 4. Акты Брестского гродского суда. - 616 с.

8. АВАК. – Вильно, 1871. – Т. 5. Акты Брестского и Гродненского гродских судов с привлечением привилеев на землепользование в Берестейской и Кобринской экономиях. - 432 с.

9. АВАК. – Вильно, 1872. – Т. 6. Акты Брестского гродского суда, Брестской, Кобринской и Каменецкой магдебургии. – 597 с., 77 с.

10. АВАК. – Вильно, 1874. – Т. 7. Акты Гродненского гродского суда. – 16 с., 614 с.

11. АВАК. – Вильно, 1875. – Т. 8. Акты Виленского гродского суда. – 625 с., 83 с., 80 с.

12. АВАК. – Вильно, 1878. – Т. 9. Акты Виленского земского суда, магистрата, магдебургии и конфедерации. – 592 с., 58 с.

13. АВАК. – Вильно, 1879. – Т. 10. Акты Виленского магистрата и магдебургии. – 593 с., 48 с.

14. АВАК. – Вильно, 1880. – Т. 11. Акты Главного Литовского трибунала (1398-1749). – 545 с.

15. АВАК. – Вильно, 1883. – Т. 12. Акты Главного Литовского трибунала (1609-1797). – 651 с., 67 с.

16. АВАК. – Вильно, 1886. – Т. 13. Акты Главного Литовского трибунала (1395-1797). – 480 с.

17. АВАК. – Вильно, 1888. – Т. 14. Инвентари XVI в. – 701 с.

18. АВАК. – Вильно, 1888. – Т. 15. Декреты Главного Литовского трибунала. - 552 с.

19. АВАК. – Вильно, 1889. – Т. 17. Акты Гродненского земского суда. – 559 с.

20. АВАК. – Вильно, 1891. – Т. 18. Акты о копных судах. – 574 с.

21. АВАК. – Вильно, 1893. – Т. 20. Акты, касающиеся города Вильно. – 226 с., 668 с.

22. АВАК. – Вильно, 1894. – Т. 21. Акты Гродненского земского суда. – 118 с.
23. АВАК. – Вильно, 1895. – Т. 22. Акты Слонимского земского суда. – 64 с., 471 с.
24. АВАК. – Вильно, 1896. – Т. 23. Акты Холмского земского суда. – 215 с., 399 с.
25. АВАК. – Вильно, 1897. – Т. 24. Акты о боярах. – 547 с.
26. АВАК. – Вильно, 1898. – Т. 25. Инвентари и разграничительные акты. – 614 с.
27. АВАК. – Вильно, 1899. – Т. 26. Акты Упитского городского суда. – 404 с.
28. АВАК. – Вильно, 1900. – Т. 27. Акты Холмского городского суда. – 407 с.
29. АВАК. – Вильно, 1901. – Т. 28. Акты о евреях (1517-1667). – 439 с.
30. АВАК. – Вильно, 1902. – Т. 29. Акты о евреях (1561-1795). – 541 с.
31. АВАК. – Вильно, 1904. – Т. 30. Акты Троцкого подкоморского суда. – 509 с.
32. АВАК. – Вильно, 1906. – Т. 31. Акты о литовских татарах. – 586 с.
33. АВАК. – Вильно, 1907. – Т. 32. Акты Вилкомирского городского суда. – 508 с.
34. АВАК. – Вильно, 1908. – Т. 33. Акты, относящиеся к истории западнорусской церкви. – 528 с.
35. АВАК. – Вильно, 1910. – Т. 35. Инвентари дворов староств во вт. пол. XVIII в. – 624 с.
36. АВАК. – Вильно, 1912. – Т. 36. Акты Минского городского суда. – 461 с.
37. АВАК. – Вильно, 1912. – Т. 37. Документы и материалы, относящиеся к истории Отечественной войны 1812 г. – 544 с.
38. АВАК. – Вильно, 1914. – Т. 38. Инвентари староств, дворов, фольварков и деревень XVII в. – 504 с.
39. АВАК. – Вильно, 1915. – Т. 39. Акты Могилевского магистрата. – 664 с.
40. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные археографической комиссией (далее – АЗР). – Спб., 1846 – 1853. – Т. 1-5.
41. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные археографической комиссией (далее – АЮЗР). – Спб., 1863-1892. – Т. 1-15.
42. Александров В.Б. Исторический источник, историческая реальность и личность историка// Преподавание и изучение историографии, источниковедения отечественной истории. – Тверь, 1992. – С. 51 – 62
43. Алексеев Л.В. Белорусская археология и историческое

краеведение во второй половине XIX – нач. XX вв. // СА. – 1968 - № 3. – С. 85 – 100.

44. Алексеев Л. В. Очерки истории белорусской дореволюционной археологии и краеведения до 60-х годов XIX века // СА. – 1967. - № 4. – С. 149 – 163.

45. Ангельский В. Рассказы из истории Западно-Русской церкви. Вильна, 1898. – 152 с.

46. Антонец Н. И. История Белой Руси и белорусы. – Львов, 1908 – 108 с.

47. Антонович В. Б. Монографии по истории Западной и Юго-западной России. – Т. I – Киев, 1885, - 351 с.

48. Антонович В. Б. Очерк истории Великого Княжества Литовского до половины XV столетия. – Киев, 1878 – 156 с.

49. Анучин Д. Н. К вопросу о белорусской территории // Курс белорусоведения. – М., 1918 – 1920. – С. 81 – 89.

50. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа. - Вильно, 1867-1904. – Т. 1-14.

51. Архив Российской Академии Наук (РАН) /СПб./- Ф.24 / Веселовский К.С. XIX в./.

52. Архив РАН СПб., - Ф. 104/ Шейн П. В., 2 пол. 19 в.

53. Архив РАН СПб., - Ф. 133/ Археографическая комиссия, 1834 - 1915

54. Архив РАН /СПб., филиал/ Архив РАН СПб., - Ф. 290/ Семашко И., митрополит Литовский и Виленский, 19 в.

55. Архив РАН /СПб./- Ф.292/ Карский Е.Ф.

56. Архив СПб. отделения Института истории. - Ф.52/ собрание П.Н.Батушкова.

57. Архив СПб. отделения Института истории.- Ф.113 / РИО.1889-1917/.

58. Архив СПб. отделения Института истории.- Ф.203 / Екатерина II.1768-1794/.

59. Архивы СССР. История и современность. М.: МГИАИ, 1989. – 163 с.

60. Асвета і педагогічная думка ў Беларусі: са старажытных часоў да 1917г. – Мінск.: Народная асвета, 1985 – 462 с.

61. Атлас народонаселения западно - русского края по исповеданию. Составлен при Министерстве внутренних дел в канцелярии заведующего устройством православных церквей в западных губерниях. Изд втор. и доп. - Спб., 1864. - 2 с., 28 с., 4 с., 60 с.

62. Барабаш Ю. Снямские близнецы // Дружба народов . - 1996. - № 9. - С.182-202.

63. Барг М. А. Историческое сознание как проблема историографии // Вопросы истории. – 1982. - № 12. – С. 49 – 66.

64. Батракова К. П. Віленская археаграфічная камісія // Помнікі гісторыі і культуры. – 1987. – С. 27 – 29.

65. Батюшков П. Н. Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. – СПб., 1890. - 376, 183с.

66. Батюшков П. Н. Волынь. Исторические судьбы Юго-Западного края. – СПб.: Общественная польза, 1888. – 128 с.

67. Беларусіка = ALBARUTHENIKA: Матэрыялы І міжнароднага кангрэсу беларусістаў /Мінск, май/, - Кн. 1 – Мінск, 1993. – 350 с.

68. Беларусіка = ALBARUTHENIKA: «Фарміраванне і развіццё нацыянальнай свядомасці беларусаў» /Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі, якая адбылася ў Маладэчне 19 - 20 жніўня 1992 г./ - Кн.2. – Мінск, 1993. – 404 с.

69. Беларусіка = ALBARUTHENIKA: Нацыянальныя і рэлігійныя культуры. Іх узаемадзеянне. – Кн. 3. – Мінск: Навука і гэхніка, 1994. – 431 с.

70. Беларусь у Вялікім княстве Літоўскім: стэнаграфічныя паседжанні Міжнароднага круглага стала, Мінск 6 – 7 красавіка 1992 г. – Мінск, 1992. – 124 с.

71. Белевский И. Г., Шкуратов В. А. Проблемы исторической психологии. – Ростов – на - Дону: Изд. Ростовского ун-та, 1982. – 224 с.

72. Белорус. Библиографическая заметка по поводу III тома «Живописная Россия», - Вильна, 1906. - 148 с.

73. Белоруссия в печати XIX – нач. XX столетия. – Мінск, 1983. – 477 с.

74. Белорусский сборник. Статьи и материалы по истории и культуре Белоруссии. – Вып. 1. – СПб.: Изд. РНБ, 1998 – 223 с.

75. Беляев И. Д. История Полотска или Северо-Западной Руси от древнейших времён до Люблинской унии. – М., 1872. - 456 с.

76. Беляев И. Д. Очерк истории Северо-Западного края России. – Вильна, 1867 – 243 с.

77. Бестужев-Рюмин К. Н. /О книге/ Филевич И. П. Борьба Польши и Литвы – Руси за Галицко-Владимирское наследие.// Русский Вестник. – 1890, – № 5 - С. 277 – 280.

78. Бібліяграфія па гісторыі Беларусі: феадалізм і капіталізм, - Мінск, 1969. – 436 с.

79. Біч М.В. Беларускае адраджэнне ў XIX – пачатку XX ст. Мінск, 1993 – 29 с.

80. Бобржинский М. Очерк истории Польши. - Т. 1 – 2. – СПб.: Издание Л. Ф. Пантелеева, 1888 – 1891. – Т. 1. – 1888. – 291 с., Т. 2. – 1891. – 340 с.

81. Бобровский П. О. Брест-Литовский // ВЗР. – 1867. -- Кн. XI – С.63.

82. Бобровский П. О. Гродненская губерния. /Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба/. – Ч. 1 – 2. - СПб., 1863. – 886 с. + 1074 с.

83. Бобровский П. О. К библиографии М. К. Бобровского. – СПб., 1890, - 52 с.

84. Бобровский П. О. Историческая топография г.Гродно.// Вестник Западной России – 1866 - т.3 - № 7 – январь - отд. 2 - С.28-43.

85. Бобровский П. О. Русская греко-униатская церковь в царствование императора Александра I. Историческое исследование по архивным документам. – СПб., 1890 – 394 с.

86. Бобровский П. О. Физические и нравственные элементы северо-западных губерний России. //Вестник Западной России. – 1865. - т.II. - №9. – С.32-34

87. Богалей Д. И. Русская историография. - Харьков, 1911 – 462 с.

88. Богданович Адам. Мои воспоминания. // Неман. – 1994. – № 5. – С. 7 – 72.

89. Богданович Адам. Мои воспоминания. // Неман. – 1994. – № 6, – С. 38 –90.

90. Бржостовская Н. В. Деятельность губернских учёных архивных комиссий в области архивного дела. /1884 – 1917 гг./: Автореф. Дис. к. и. Н. /МГИАИ//. – М., 1951. – 18 с.

91. Брянцев П. Д. Восстание поляков в 1830-1831 гг. – Вильнюс, 1896. – 31 с.

92. Брянцев П. Д. История Литовского государства с древнейших времён. – Вильна, 1889. – 659 с.

93. Брянцев П. Д. Очерк древней Литвы и Западной России. - Вильна, 1891. - 150 с.

94. Брянцев П. Д. Польский мятеж 1863 г. - Вильна, 1890 / 1892/. - 269 с.

95. Булгакова Л. А. Отчёты попечителей учебных округов и университетов как исторический источник. // ВИД. – Т.Х. – Л.: Наука, 1978, - С. 244 –251.

96. Вестник Западной России (ВЗР). – 1865. - Кн.8.

97. ВЗР. – 1865.- Кн. VIII - Т.II. - № 10, 11.

98. ВЗР. – 1865 – Кн. IX – Т.III. - №12

99. ВЗР. – 1865. - Кн. XI – Т.III. - №10

100. ВЗР.– 1865. - Кн. I. – Т.I. - №1

101. ВЗР. – 1865. - Кн. III.

102. ВЗР.– 1866. - Кн. V. - Т.II. - № 10,11.

103. ВЗР.– 1866. - Кн. VIII. - Т.III. - № 12.

104. ВЗР.– 1866. - Кн. X. - Т.IV.

105. ВЗР.– 1866. - Кн. XI. - Т.IV.

106. ВЗР.– 1867. - Кн.1. - Т.I.

107. ВЗР.– 1867. - Кн. II. - Т.I.

108. ВЗР.– 1867. - Кн. III. - Т.I.

109. ВЗР.– 1867. - Кн. IV. - Т.II.

110. ВЗР.– 1868. - Кн. VI. - Т.III.

111. ВЗР.– 1869. - Кн. V. - Т.II.

112. ВЗР.– 1869. - Кн. VII. - Т.III.

113. ВЗР– 1869. - Кн. VI. - Т. II.
114. ВЗР– 1869. - Кн. VIII. - Т. III.
115. ВЗР– 1869. - Кн. IX. - Т. III.
116. ВЗР– 1869. - Кн. XI. - Т. IV.
117. ВЗР– 1869. - Кн. XI. - Т. IV. (за 1868 г.).
118. ВЗР– 1870. - Кн. II. - Т. I.
119. ВЗР– 1870. - Кн. III. - Т. I.
120. ВЗР– 1870. - Кн. IV. - Т. II.
121. ВЗР– 1870. - Кн. V. - Т. II.
122. ВЗР– 1870. - Кн. VI. - Т. II.
123. ВЗР– 1870. - Кн. VII. - Т. III.
124. ВЗР– 1870. - Кн. VIII. - Т. III.
125. ВЗР– 1870. - Кн. IX. - Т. III.
126. ВЗР– 1870. - Кн. X. - Т. IV.
127. ВЗР– 1871. - Кн. III.
128. ВЗР– 1871. - Кн. IV.
129. ВЗР– 1865. - Кн. X. - Т. III. - № 3
130. Вестник Юго-Западной и Западной России (далее ВЮЗ и ЗР). 1862. - Т. II, август.
131. ВЮЗ и ЗР. – 1863. – Т. V – июнь.
132. ВЮЗ и ЗР. – 1864. – Т. III – январь.
133. ВЮЗ и ЗР – 1864. – Т. III – июнь.
134. ВЮЗ и ЗР – 1864. – Т. I – июль.
135. ВЮЗ и ЗР. – 1864. – Т. I – август.
136. ВЮЗ и ЗР. – 1864. – Т. II – декабрь.
137. Власт /В. Ластоўскі/. Кароткая гісторыя Беларусі – Вільня, 1910. – 106 с.
138. Вопросы архивоведения и источниковедения в БССР. Материалы научной конференции архивистов и историков, посвящённой 50-летию архивного строительства в СССР. - Минск: Вышэйшая школа, 1971. – 479 с.
139. Воспоминания о древнем православии Западной Руси. – М., 1867. – 86 с.
140. Вяртанне і вяртанне нацыянальных каштоўнасцей, якія знаходзяцца за межамі Рэспублікі Беларусь. Мінск. – 1992. – 256 с.
141. Гаврилова Л. М. Источники «Записок касательно российской истории» Екатерины II. //Вспомогательные исторические дисциплины. – XX. – Л.: Наука, 1989. – С. 164 – 176.
142. Газин Д. Р. Сапуновские сокровища. – Витебск, 1998. – 45 с.
143. Государственный архив Российской Федерации. /ГАРФ/ - Ф. 102 Департамент полиции. Охранное отделение. 1980-1917/.
144. ГАРФ – Ф. 109 / Отделение с. е. и. в канцелярии. 1802-1880/.
145. ГАРФ – Ф. 542. / Фон Валь В. В. 1839-1918/.
146. ГАРФ – Ф. 586. / Плева В. К., 1862-1918/.

147. ГАРФ – Ф.601./ Николай II, 1860-1918/.
148. ГАРФ – Ф.672./ Николай I, 1669-1915/.
149. ГАРФ – Ф.678./ Александр II, 1825-1899/.
150. ГАРФ – Ф.679./ Александр I, 1774-1873/.
151. ГАРФ – Ф.811./ Муравьев М.Н., 1796-1886/.
152. ГАРФ – Ф.828./ Горчаков А.М., 1770-1918/.
153. ГАРФ – Ф.1153./ Муравьев М.Н., 1781-1891/.
154. ГАРФ – Ф.1165./ Особенная канцелярия Министерства внутренних дел, 1811-1826/.
155. ГАРФ – Ф.1717./ Собственная канцелярия шефа жандармов А.Х. Бенкендорфа, 1805-1849/.
156. ГАРФ – Ф.1718./ Катков М.Н., 1866-1902/.
157. ГАРФ – Ф.1729./ Святополк-Мирский П.Д. кн., 1857-1914/.
158. Голенченко Г.Я. Дворянско-буржуазная историография белорусской культуры XV-XVI вв.// Белороссика: Книговедение, источники, библиография. Сб. ст. - Минск: «Фунд. б. - ка им. Я. Коласа АНБССР», 1980. - С. 105 - 108
159. Голуб В. К. Пятидесятилетие Виленского Центрального архива древних актовых книг. Ист. очерк. 2 апр. 1852 – 1902 – Вильно, 1902 – 118 с.
160. Голуб В. К. Юлиан Фомич Крачковский. – Вильно, 1904. – 16 с.
161. Горбачевский Н. И. Каталог древним актовым книгам губерний Виленской, Гродненской, Минской и Ковенской, также книгам некоторых судов губерний – Могилёвской и Смоленской, хранящимся ныне в Центральном архиве в Вильне. /Изд. офиц./ - Вильно, 1872, - 861 с.
162. Горбачевский Н. И. О Центральном архиве древних актовых книг губерний: Виленской, Гродненской, Минской и Ковенской. – Вильна, 1869 – 32 с.
163. Государственный архив г. Киева. / ГА г. Киева / - Ф.16 / Киевский университет. 1830-1917/.
164. Грицкевич А.П. Историографическая история православной церкви в Белоруссии (XIV- серед. XVI в.). // Из истории книги в Белоруссии. Минск, 1976, С.122-139.
165. Грыцкевіч В. П. Якой быць беларускай гістарычнай навуцы. // Полымя. – 1993. - № 5. – С. 201 – 214.
166. Гуревич А. Я. Ещё несколько замечаний к дискуссии о личности и индивидуальности в истории культуры. // «Одиссей». Человек и история. Личность и общество. – М. - 1990. – С. 75 – 89.
167. Дневник Люблинского сейма 1569 года. Соединение Великого княжества Литовского с Королевством Польским. - СПб., 1869. - 786.
168. Довгялло Д. И. К истории Северо-Западного отдела Русского географического общества. // Записки Северо-Западного отдела РГО. — Кн.1. 1910. - С. 10-22.

169. Довнар-Запольский М. В. Акты Литовско-Русского государства. - Т.2. — М., 1897. — 567 с.

170. Довнар-Запольский М. В. Белорусское Полесье. — Киев, 1895. — 203 с.

171. Довнар-Запольский М. В. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. — Т.1—Киев, 1901 — 112 с.

172. Довнар-Запольский М. В. Западно-русская сельская община в XVI в. — СПб., 1897. — 56 с.

173. Довнар-Запольский М. В. Из истории общественных течений в России. — Киев, 1905. — 372 с.

174. Довнар-Запольский М. В. Исследования и статьи. — Т. 1. Этнография и социология, обычное право, статистика, белорусская письменность. — Киев, 1909. — 487 с.

175. Довнар-Запольский М. В. Очерки по организации западнорусского крестьянства в XVI веке. — Киев, 1905. — 167 с.

176. Довнар-Запольский М. В. Польско-Литовская уния на сеймах до 1569 г. Исторический очерк. — М., 1897. — 28с.

177. Довнар-Запольский М. В. Спорные вопросы по истории Литовско-Русского сейма. — СПб., 1904. — 47 с.

178. Довнар-Запольский М. В. Старинные описи Литовской Метрики. — СПб., 1901 — 9 с.

179. Документы, объясняющие историю Западно-русского края и его отношение к России и Польше. — СПб., 1865. — 638 с.

180. Доўнар-Запольскі М. В. Гісторыя Беларусі. — Мн.: Бел. Энциклапедыя, 1994. — 509 с.

181. Дубянецкі Э.С., Дубянецкі С.Ф. Перапшкоды на шляху нацыянальна-культурнага адраджэння Беларусі. — Мінск, 1992. — 26 с.

182. Дьяков В.А. Общественно-политические факторы, повлиявшие на славистические исследования. // Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. - М.: Наука, 1988 - С.176-194.

183. Дьяков И.В. Дело, которое больше нас. // Наш современник — 1991. - № 11. - С.179.

184. Егоров Б. Ф. О национализме и панславизме славянофилов // Славянофильство и современность / Под ред. Б. Ф. Егорова, В. А. Котельникова, Ю. В. Степняка. — СПб.: Наука, 1994. — С. 23-32.

185. Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Под общей ред. П. П. Семёнова. - Т.3 - Часть 1. - Литовское Полесье. - Часть 2. - Белорусское Полесье. — СПб.: Изд. М. О. Вольфа, 1882. — 486 с. с илл.

186. Жукович П.Н. Борьба против унии на современных ей польско-литовских сеймах (1595-1606 гг.). — СПб., 1897. - 133 с.

187. Жукович П.Н. Западная Россия в царствование императора Павла. //ЖМНП. – 1916 – август – С. 214-219.

188. Жукович П.Н. Кардинал Гозий и польская церковь его времени. – СПб., 1892. – 542 с.

189. Жукович П.Н. О профессорах богословского факультета Виленского университета в настоящем столетии. (1803 – 1832). – СПб., 1888. – 132 с.

190. Жукович П.Н. О русском землевладении в северо-западном крае со времени присоединения его к России. – СПб., 1895. – 54 с.

191. Жукович П.Н. Об основании и устройстве главной духовной семинарии при Виленском университете. – Спб, 1887. – 50 с.

192. Жукович П.Н. Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией. – Вып. 1 – 6. – СПб., 1901 – 1912. – 608 с. + 121 с. + 203 с. + 173 с. + 32 с. + 199 с. + 199 с.

193. Жукович П.Н. Сообщения об архиве западнорусских униатских митрополитов. – Пг., 1915. – 17 с.

194. Жукович П.Н. Сословный состав населения Западной России в царствование Екатерины II. – Петроград, 1915 г. – 148 с.

195. Жукович П.Н. Управление и суд Западной России в царствование Екатерины II. //ЖМНП. – 1914. - № 2. – С. 5 – 17.

196. 3 гісторыі уніяцтва ў Беларусі: (Да 400-годдзя Брэсцкай уніі) /Марозава С., Казакова Т., Бохан Ю. і інш. Пад рэд. М. В. Біча, П. А. Лойкі; АН Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск: НКФ «Экаперспектыва», 1996. – 131 с.

197. Запруднік Я. Беларусь на гістарычных скрыжаваннях. – Мінск: ВЦ «Бацькаўшчына», 1996. – 264 с.

198. Игнатенко А. П. Борьба белорусского народа за воссоединение с Россией (вторая половина XVII – XVIII вв.). – Минск: Изд-во БГУ, 1974. – 192 с.

199. Игнатенко А. П. Введение в историю БССР. /Периодическая историография и источники/ - Мн.: Высшая школа, 1965. – 46 с.

200. Иконников В. С. Опыт русской историографии. – Т. 2. – Кн. 1 – 2. - Киев, 1908. - 642 с. + 673 с.

201. Иловыйский Д. И. История России. - Т. 2. - Московско-литовский период или собиратели Руси. - М., 1884. – 567 с.

202. Императорская Публичная библиотека за сто лет. – СПб., 1914. – 503 с.

203. Институт Российской Литературы и Искусства /Пушкинский дом / - Ф.14. / Устрялов Н.Г.1835-1870/.

204. ИРЛИ. /Пушкинский дом / - Ф.46./ Сербинович К.С. 1840-1870-е г.

205. Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі: (Да 70-годдзя ўтварэння) /Касцюк М. П., Кошалеў М. К., Лыч Л. М.

І інш.; Пад рэд. Касцюка М. П. – Мінск ВП «Экаперспектыва», 1999. – 107 с.

206. Иосиф /Семашко/. Записки Иосифа, митрополита Литовского, изданные Академией наук по завещанию автора, - Т. 1 – 3. - СПб., 1883. - 745 с. + 786 с. + 1402 стлб.

207. Иоффе Э.Г. Страницы истории евреев Беларуси: Краткий научно - популярный очерк. - Мн.: ПКФ, «АРТИ - ФЕКС», 1996. - 292с.

208. Иоффе Э.Г. Учебно - методическое пособие к курсу «Историография истории СССР». - Мн.: Мин.гос. пед. ин-т им. А.Горького, 1986. - 106 с.

209. Историография истории СССР. С древнейших времён до Великой Октябрьской социалистической революции. Под. ред. В. Е. Иллерицкого и И. А. Кудрявцева. - М.: Соцэкгиз, 1961. - 507 с.

210. Исторические исследования о Западной России, служащие предисловием к документам, объясняющим историю Западно-Русского края и его отношения к России и к Польше. - СПб., 1865. - 203 с.

211. Историческое краеведение в Беларуси. - Минск.: Изд-во БГУ, 1980, - 262 с.

212. История исторической науки в СССР: Доокт. период. Библиография. - М.: Наука, 1965 - 703 с.

213. Источниковедение истории СССР XIX – начала XX вв. - М.: Изд. Московского ун-та, 1970. - 467 с.

214. Источниковедение истории СССР. Под. ред. И. Д. Ковальченко. - М.: Высшая школа, 1973. - 558 с.

215. Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. - М.: Наука, 1969. - 508 с.

216. К. Калиновский. Из печатного и рукописного наследия. - Минск.: Беларусь, 1988. - 186 с.

217. Каменев С. В. Источники формирования и гносеологические особенности обыденных знаний о прошлом.: Автореф. Дис.. к. ф. н. /ТГУ/. - Томск, 1987. - 21 с.

218. Канчер Е. С. Белорусский вопрос. Сб. ст. - Пг., 1919. - 132 с.

219. Канчер Е. С. Классовая национальная и религиозная борьба в Белоруссии. - М.: Изд. Белнацкома, 1918. - 20 с.

220. Караў Д. У. Акадэмік М. К. Любаўскі: лés і спадчына. // Наш Радавод. - Кн. 6. - Частка III. - С. 450 - 602.

221. Караў Д. У. Беларуская гістарыяграфія канца XVIII – XX стст. і гістарычная самасвядомасць беларусаў. // Беларусіка =ALBARUTHENIKA. - Кн. 2. - Мн., 1992. - С. 123 - 130.

222. Караў Д. У. Беларуская гістарыяграфія у канцы XVIII – пач. XXстст. //Наш Радавод. - Кн. 5. - Частка 1. - С. 234 - 394.

223. Караў Д. У. Беларуская і польская гістарыяграфія ў XVI – XX стст. /Этапы ўзаемадзеяння/ //Беларусіка = ALBARUTHENIKA, Кн. 3 - Мн., Навука і гэхніка, 1994, - С. 242 - 251.

224. Караў Д. У. Гісторыя ў сістэме школьнай адукацыі на Беларусі і Літве /XVII – нач. XX стст./ // Наш радавод. – Кн. 4. – Ч. III. – Гродна, 1992. – С. 717 – 726.

225. Караў Д. У. Езуіты і культура народаў Вялікага княства Літоўскага /II пал. XVI – XVIII стст./ // Наш радавод. Кн. 4. – Ч. II. – Гродна, 1992. – С. 504 – 512.

226. Караў Д. У. Пачаткі беларускага крыніцазнаўства. /I пал. XIX ст./ // Спадчына. - 1994. - № 1. – С. 4 – 14.

227. Караў Д. У. Пачаткі беларускага крыніцазнаўства. /II пал. XIX ст./ // Спадчына, - 1994. № 5. – С. 9 – 18.

228. Караў Д. У. Праблемы узаемадзеяння грамадства і прыроды у гісторыка-геаграфічных даследаваннях вучоных Расіі. // Наш радавод. Кн. 6. – Частка 1. – Гродно, 1994. С. 190 – 217.

229. Караў Д. У. Прадмова. // М. В. Даўнар-Запольскі. Гісторыя Беларусі. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 1994. – С.5 – 15.

230. Караў Д. У. Праект «Гістарычная памяць беларусаў XIII – XX стст.» // Праблемы, перспектывы і крыніцы даследавання. // Наш радавод. – Кн. 4. – Частка 1. – Гродна, 1992. – С. 209 – 230.

231. Караў Д. У. М. В. Даўнар-Запольскі і дэмакратычны накірунак беларускай гістарыяграфіі канца XIX – пач. XX стст. // Наш радавод. – Кн. 6. – Частка II. Гродна 1994 – С. 419 – 449.

232. Караў Д., Літвінскі А. Праблема заходнерусізму ў беларускай гістарыяграфіі найноўшага часу // Беларуская нацыянальная ідэя: Матэрыялы міжнароднай навукова - практычнай канферэнцыі 18 - 19 красавіка 1999 г., Гродна. - Мінск: Беларускае выдавецкае таварыства «Хата», 2000. - С. 115 - 121.

233. Карев Д. В. Академик М. К. Любавский как историк феодальной России.: Автореф. дис... к. и. н. /ИИ СССР АН СССР/. – М., 1983 – 10 с.

234. Карев Д. В. Белорусская историография в к. XVIII – нач. XX вв.: Итоги и перспективы изучения. // Из истории науки и техники Белоруссии. – Мн., 1988. – С. 89 – 91.

235. Карев Д. В. Белорусская историография в эпоху капитализма /1861 – 1917. // Наш Радавод. – Кн. 3. – Ч. 1. - Гродно, 1991. – С. 49 – 115.

236. Карев Д. В. Великое княжество Литовское /XIV – XVI вв./ в российской либеральной историографии конца XIX – нач. XX вв. // Наш Радавод. – Кн. 2. – Гродно, 1990. - С. 146 – 160.

237. Карев Д. В. Великое княжество Литовское /круглый стол./ // Родина, - 1993. - № 3. – С. 8 – 92.

238. Карев Д. В. Е. Ф. Карский и история белорусской культуры. // Наш Радавод. – Кн. 2, Гродно, 1990. – С. 191 – 198.

239. Карев Д. В. Исторические реалии и историографическое мифотворчество. // Современный социализм, методология изучения, противоречия, перспективы развития. – Ч. 1. – Гродно, 1990, - С. 94 – 96.

240. Карев Д. В. Историческое самосознание белорусской нации и период гражданской войны на территории СССР. // На пути борьбы и созидания. – Гродно, - С. 25 – 29.

241. Карев Д. В. Культура опалённая войной. // Неман. – 1986. – № 6, - С. 170 – 171.

242. Карев Д. В. Политика царизма и архивно-археологическая деятельность на территории Литвы и Белоруссии в 30-х – нач. 60-х годов XIX в. // Актуальные вопросы теории, методики и истории публикаций исторических документов. – М.: РГГУ, 1991. - С. 75 – 86.

243. Карев Д. В. Схизматики и латиняне. // Родина. – 1994. – XII. – С. 18 – 25.

244. Карев Д.В., Дубовец С.В., Литвинский А.В., Изучение Великого княжества Литовского (общество, государство и право) в белорусской историографии конца XVIII-начала XX в. // Система права и законодательства Республики Беларусь: состояние, перспективы развития (Материалы республиканской научно-практической конференции 26-27 апреля 1999 г.) – В 2-х частях. Часть 1 – Гродно, 1999. – С. 113-116.

245. Карский Е. Ф. Этнографическая карта белорусского племени. – Пг., 1917. - 32 с.

246. Каспяровіч М. Краязнаўства (нарысы). – Мінск, 1929. – 121 с.

247. Катков М. Н. 1863 г. Собрание статей по польскому вопросу, помещавшихся в «Московских ведомостях», «Русском вестнике» и «Современной летописи». – Вып. 1 – 2, - М., 1887, - 662 с. + 663 с.

248. Каханойскі Г. А. Археалогія і гістарычнае краязнаўства Беларусі ў XVI – XIX стст. – Мінск, навука і тэхніка. – 1984. – 116 с.

249. Кеневич С. Лелевель. М.: АН СССР, 1970 – 246 с.

250. Киприанович Г. Я. Жизнь Иосифа Семашко, митрополита литовского и виленского, и воссоединение западно-русских униатов с православной церковью в 1838 г. Изд. 2-е и доп. Вильна, 1867. - 614 с.

251. Киприанович Г. Я. Исторический очерк православия, католичества, унии в Белоруссии и Литве с древнейшего до настоящего времени. – Вильна, 1885. – 236 с.

252. Кісялёў Г.У. Героі і музы. Гісторыка-літаратурныя нарысы. – Мінск, Мастацкая літаратура, 1982. – 246 с.

253. Клейн Борис. Время выбора. – Минск: Народная асвета, 1987. – 173 с.

254. Кніга Беларусі 1517 – 1917. Зводны каталаг. – Мінск: Бел. СЭ, 1986. – 612 с.

255. Коваленко Л. А. Гісторыяграфія історыі Украінскай РСР від надавнішніх часів до Великої Жовтневої соціалістичної революції. – Київ: Вища школа, 1983. – 117 с.

256. Комисарова Г. В. Методологические проблемы исследования исторического сознания. // Методологические проблемы научных исследований. – Новосибирск, 1984. – С. 131 – 138.

257. Конон У. М. Беларуская культура XIII – XVIII стагодзяў і праблема нацыянальнага Адраджэння. // Наш Радавод. – Кн. 3. – Частка 1. – Гродна, 1991. – С. 293 – 298.

258. Конон В. М. Вера и нация. Христианство в судьбе белорусов. // Неман, 1994. - № 5. – С. 156 – 164.

259. Конон В. М. В свободе и творчестве – спасение мира. // Неман. – 1989, - № 11, - С. 160 – 162.

260. Конон В. М. Демократическая эстетика Белоруссии (1905-1917 гг.). – Минск: Наука и техника, 1971. – 149 с.

261. Конон В. М. От Ренессанса к классицизму: становление эстетической мысли в Белоруссии XVI – XVIII вв. – Мн.: Мастацкая літаратура, 1978. - 267 с.

262. Конон В. М. Очерки истории эстетической мысли Белоруссии. – М.: Искусство, 1972. – 320 с.

263. Конон В. М. Проблемы искусства и эстетики в общественной мысли Белоруссии начала XX в. Минск: 1985. – 200 с.

264. Копыцкий З. Ю., Челпко В. В. Историография БССР: эпоха феодализма. - Минск: Университетское, 1986. – 172 с.

265. Корнилов Е. А. Типология периодической печати. Основные понятия и категории. // Типология периодических изданий. – Ростов-на-Дону, 1984. – С. 7 – 50.

266. Корнилов И. П. К вопросу об издании народного журнала в Северо-Западном крае. – М., 1868, - 25 с.

267. Корнилов И. П. К истории Виленского учебного округа. Памяти г-р. М. Н. Муравьева. – СПб., 1890. - 240 с.

268. Корнилов И. П. Князь Адам Чарторыйский. М.: Унив. тип., - 1896. – 102 с.

269. Корнилов И. П. Путевые заметки. – Витебск, 1895. - 50 с.

270. Корнилов И. П. Русское дело в Северо-Западном крае. Материалы для истории Виленского учебного округа, преимущественно в Муравьевскую эпоху. – СПб., 1901. - 103 с.

271. Корнилов И. П. Русское дело в Северо-Западном крае СПб. - 1908. – 103 с.

272. Коронкевич П. В. Белорусы: исторический очерк с обзором деятельности «Союза Белорусской демократии», этнографической картой белорусского племени и отзывом Академика и Профессора Е. Ф. Карского о программе союза. - Гомель, 1917. - 12 с., 1 л. карта.

273. Кохановский Г. А. Историография изучения культуры Белоруссии в конце XVIII – нач. XX вв. (Становление научных знаний по археологии, историческому краеведению и фольклористике). – Минск, 1992. – 85 с.

274. Коялович М. О. Верноподданничество поляков Западной России. // День, - 1863, - № 39, - С. 89 – 98.

275. Коялович М. О. Грюнвальденская битва 1410 года. – СПб., 1885. – 20 с.

276. Коялович М. О. Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. – СПб., 1867*. - 836 с.

277. Коялович М. О. Историческая живучесть русского народа и её культурные особенности. – СПб., 1883. – 28 с.

278. Коялович М. О. Историческое исследование о Западной России, служащее предисловием к документам, объясняющим историю Западно-русского края и его отношения к России и Польше. – СПб., 1865. - 203 с., с илл.

279. Коялович М.О. История воссоединения западнорусских униатов старых времён. – Минск: Лучи Софии, 1999. – 399 с.

280. Коялович М.О. История русского самосознания: По историческим памятникам и научным сочинениям. – 4-е изд. – Минск: Лучи Софии, 1997. – 687 с.

281. Коялович М.О. Лекции по истории Западной России. – М., 1864, - 348 с.

282. Коялович М.О. Литовская церковная уния. Исследования. – Т. 1 – 2, СПб., 1859 – 1861, - 316 с. + 443 с.

283. Коялович М.О. Люблинская уния или последнее воссоединение Литовского княжества с Польским королевством на Любленском сейме в 1569 г. СПб., 1863. - 87 с.

284. Коялович М. О. Народное движение в Западной России. – СПб., 1863. - 16 с.

285. Коялович М. О. Несколько слов о народном движении в Белоруссии. // День. – 1863. - № 18 - С. 51 – 62

286. Коялович М. О. Об этнографической границе между Западной Россией и Польшей. // Русский инвалид. – 1864. - № 18. - С. 51 – 59.

287. Коялович М.О. Прежние воззрения польского писателя Крашевского на бывшее Великое княжество Литовское, т. е. западную Россию. // ЖМНП. – 1884, - Ч. ССХХ, - С. 72 – 91.

288. Коялович М.О. Чтения по истории Западной России профессора М. Кояловича. Новое изд., переработанное и дополненное с 1-го изд. 1864 г. – СПб., 1884. - 349 с.

289. Крачковский Ю. Ф. Исторический обзор деятельности Виленского учебного округа за первый период его существования 1803 – 1832 гг. Отдел первый. 1803 – 1832 гг. – Вильна, 1903. - 565 с.

290. Крачковский Ю. Ф. Памяти Помпея Николаевича Батюшкова. – Вильна, 1892. - 34 с.

291. Крачковский Ю. Ф. Пятидесятилетие воссоединения униатов. – Вильно, 1893. - 49 с.

292. Крачковский Ю. Ф. Старая Вильна до конца XV столетия, Вильно, 1893. – 63 с.

293. Крестьянин. - Спб, 1907. - 834 с.
294. Критский Ю.М. Эпистолярное наследие историков как историографический источник: (Середина XIX в. – 1917 г.) // История и историки. 1973. – М.: Наука, 1975. – С. 85 – 112.
295. Кропотков Д. А. Жизнь графа М. Н. Муравьева в связи с событиями его времени. – СПб., 1874. - 328 с.
296. Кручковский Т. Т. Польская проблематика в русской историографии второй половины XIX века: Автореф. дис... к. и. н. / ИСБ РАН/. – М., 1992. – 24 с.
297. Кукольник П. В. Исторические заметки о Литве. – Вильна. 1864. - 245 с.
298. Купала Я. Збор тв. у 3-х т. - Т.3. - Мінск, 1927. - 297 с.
299. Купала Я. Публіцыстыка. Мінск: Мастацкая літаратура, 1972. - 296 с.
300. Курило А. Тень истории. // Гісторыя: праблемы выкладання – 2000. - №3. – С. 3-17.
301. Курносое А. А. К вопросу о природе видов источников. // Источниковедение отечественной истории. 1976. – М.: Наука, 1977, - С. 5 – 25.
302. Лабунцаў Ю. Архіў Беларускага Адраджэння. - Мн., 1993. – 48 с.
303. Лаппо И. И. Западная Россия. – Прага, 1924. – 276 с.
304. Лаптева Л. П. Славянский вопрос в мировоззрении П. А. Кулаковского (по архивным материалам) // Славянская идея: история и современность / Под ред. В. А. Дьякова, М. Ю. Достала, А. Н. Горянова. – М., 1998. – С. 111-126.
305. Ластоўскі В. Ю. Кароткая гісторыя Беларусі. – Мінск: 1992. – 124 с.
306. Латышонак А. Народзіны беларускай нацыянальнай ідэі. // Спадчына. – 1992. - № 1 – С. 9 – 14.
307. Левада Ю. А. «Историческое сознание и научный метод». // Методологические проблемы исторической науки. – М., 1969. – С. 186 – 224.
308. Літвінскі А. Беларускі народ у творах гісторыкаў - заходнерусістаў // Беларуская нацыянальная ідэя: Матэрыялы міжнароднай навукова - практычнай канферэнцыі 18 - 19 красавіка 1999 г. - Гродна. - Мінск: Беларускае выдавецкае таварыства «Хага», 2000. - С. 84 - 90.
309. Літвінскі А.У. Беларускі народ у творах гісторыкаў заходнерусістаў // Тэзісы міжнароднай навукова - практычнай канферэнцыі «Беларуская нацыянальная ідэя» (17 - 18 красавіка 1999 г., Гродна). - Гродна, 1999. - С. 35 - 36.
310. Літвінскі А.У. Праблема дзяржаўнага рэгулявання рэлігійнай дзейнасці ў заходнерусіскай гістарыяграфіі. (Матэрыялы рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі 26-27 красавіка 1999 г.). - Гродна 1999. - С. 129-133.

311. Літвінскі А.У. Праблема знешняй палітыкі як фактар гісторыі Беларусі ў заходнерусісцкай гістарыяграфіі. //Мінск, Альманах «Беларусь і свет». – Мінск, 1999. - С. 68-70

312. Литвинский А. Основные источники для изучения проблемы историографии западнорусизма второй половины XIX - начала XX в. // Беларуская нацыянальная ідэя: Матэрыялы міжнароднай навукова - практычнай канферэнцыі 18 - 19 красавіка 1999 г., Гродна - Мінск: Беларускае выдавецкае таварыства «Хата», 2000. - С. 115 - 121.

313. Литвинский А.В. Классификация источников для изучения проблемы историографии западнорусизма второй половины XIX - начала XX вв. // Гістарычныя крыніцы: праблемы класіфікацыі, вывучэння і выкладання (Матэрыялы да Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 120-годдзю з дня нараджэння У.І.Пічэты)- Мінск, 1998 - С.161-162.

314. Литвинский А.В. М.О.Коялович в оценке белорусской историографии новейшего времени //Этнасацыяльныя і культурныя працэсы ў заходнім рэгіёне Беларусі: гісторыя і сучаснасць – (Матэрыялы рэспубліканскай навуковай канферэнцыі 5-6 снежня 1997 г.). – Гродна, 1997. - С.202-205.

315. Литвинский А.В. Проблема восточнославянского единства в трудах представителей славянофильского направления белорусской историографии второй половины XIX – начала XX в. // Восточнославянское единство в прошлом, настоящем и будущем. М - лы міжнародной моладёжнай навуковай канферэнцыі. Гомель, 21 - 22 мая 1998. - Гомель, 1998. - С. 16-17.

316. Литвинский А.В. Проблема этнической принадлежности населения Западной Беларуси в историографии западнорусизма. / Чалавек. Этнас. Тэрыторыя. Ч.ІІ. Праблемы развіцця заходняга рэгіёна Беларусі. (Матэрыялы Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі) – Брэст 1998. - С. 307-313.

317. Літвінскі А. Стэфан Баторый і яго эпоха ў адлюстраванні гісторыяграфіі «заходнерусізма»//Наш радавод. Матэрыялы міжнароднага круглага стала «Беларусы і палякі: дыялог народаў і культур X - XX ст.», 28 - 30 верасня, 1999. – Гродна - Беласток, 2000. - С. 329 - 348.

318. Луцкевіч А. Жыццё і творчасць Фр. Багушэвіча ва успамінах яго сучаснікаў. // Спадчына. – 2001 - №1 –2 – С. 35-58.

319. Лупчыцкі І.Н. Нарысы па гісторыі грамадска-палітычнай і філасофскай думкі ў Беларусі ў другой палавіне XIX веку. - Мінск, 1958.- 368с.

320. Лыкошина Л. С. Католическое и униатское духовенство Королевства Польского и Западных губерний и польское восстание 1830 – 1831 гг., Автореф. дис... к. и. н. /МГУ/. – 1981. – 22 с.

321. Любавский М. К. Основные моменты истории Белоруссии. – М., 1918 – 23 с.

322. Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута. Исторические очерки. – М., 1892, – 998 с.

323. Любавский М. К. Отзыв на труд М. В. Довнар-Запольского. Очерки по организации Западно-русского крестьянства в XVI в. – Киев, 1905. // Отчёт о 3-м присуждении премии П. И. Батюшкова. – СПб., 1907. – С. 5.

324. Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. – М., 1910. – 376 с.

325. Любавский М. К. Разбор сочинений М Довнар-Запольского. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Т.1. – Киев, 1901. // Отчёт о присуждении премий П. И. Батюшкова – СПб., 1904. – С. 31 – 89.

326. Лялин В. А. Витебский центральный архив. – СПб., 1880. – 28 с.

327. Ляхоўскі У. Пачатак тварэння беларускае нацыянальнае школы: // Спадчына. – 2001 - №1-2 – С. 65-110.

328. Макарихин В. П. Губернские учёные, архивные комиссии и их роль в развитии общественно-исторической мысли России в конце XIX – нач. XX вв. // История СССР. – 1989. - № 1. – С. 160 – 170.

329. Максимович Т. А. Учение первых славянофилов. – Киев, 1907. – 181 с.

330. Малышевский И. И. Западная Русь в борьбе за веру и народность. Изд. 4-е. – М., 1903. – 503 с.

331. Мараш Я. Н. Из истории борьбы народных масс Белоруссии против экспансии католической церкви. – Минск: Вышэйшая школа, 1969. – 218 с.

332. Мараш Я. Н. Очерки истории экспансии католической церкви в Белоруссии XVIII в. – Минск: Вышэйшая школа, 1974. – 288 с.

333. Медушевская О. М. Теоретические проблемы источниковедения. Учебное пособие. - М.: МГИАИ, 1977. – 84 с.

334. Мелишкевич В. У. Русско-белорусские культурные связи во второй половине XIX века: Автореф. дис... к. и. н. /ИИ АНБССР/ - Минск, 1979. – 22 с.

335. Мешкова М. В., Сокурова М. В. Общие библиографии русских периодических изданий. 1703 – 1954 и материалы по статистике русской периодической печати. – М., 1956. – 474 с.

336. Миловидов А. И. Архив упразднённого Пинского Лещинского монастыря. – М., 1900. – 33 с.

337. Миловидов А. И. Архивные материалы Муравьёвского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863 – 1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Ч. 1. Переписка по политическим делам гражданского управления с 1-го января 1862 г. по май 1863 г. // Виленский временник. – Кн.5. - Ч. 1. - 1913 -123 с.

338. Миловидов А. И. Виленский центральный архив. (1862 – 1902 гг.) // Виленский календарь на 1913 г. – Вильна, 1913. – С. 139-147.

339. Миловидов А. И. Деятельность гр. М. Н. Муравьева по народному просвещению в Северо-Западном крае (1863 – 1865 гг.). По архивным материалам. / Миловидов А. И. Заслуги графа Муравьева для православной церкви в Северо-Западном крае. – Харьков, 1900. – С. 30 – 100.

340. Миловидов А. И. Западно-русские православные братства, их современное значение и задачи. – Вильна: Русский Почин, 1912. – 36 с.

341. Миловидов А. И. Заслуги графа М. Н. Муравьева для православной церкви в Северо-Западном крае. Харьков 1900 г. – 92 с.

342. Миловидов А. И. Из переписки гр. М. Н. Муравьева об улучшении материального быта православного духовенства в Северо-Западном крае (по поводу исполнившегося 35-летия). / Миловидов А. И. Заслуги графа Муравьева для православной церкви в Северо-Западном крае. – Харьков, 1900. – С. 1 – 20.

343. Миловидов А. И. Из переписки по освобождению крестьян Северо-Западного края / Миловидов А. И. Заслуги графа Муравьева для православной церкви в Северо-Западном крае. – Харьков, 1900. – С. 369 – 384.

344. Миловидов А. И. Историческая легенда пинчуков «о начале веры католической в пинском крае». – СПб., 1909. – 8 с.

345. Миловидов А. И. Историческая справка о высших учебных заведениях, бывших и предполагавшихся к открытию в Северо-Западном крае. – Вильна: Русский Почин, 1908. – 28 с.

346. Миловидов А. И. К 15-летию деятельности Виленской Братской комиссии по устройству религиозно-нравственных народных чтений. – Вильно, 1898 – 59 с.

347. Миловидов А. И. 15-летию деятельности Виленской Братской комиссии по устройству религиозно-нравственных народных чтений. / Миловидов А. И. Заслуги графа Муравьева для православной церкви в Северо-Западном крае. – Харьков, 1900. – С. 3 – 59.

348. Миловидов А. И. К 50-летию возрождения Западно-Русских братств при гр. М. Н. Муравьеве. – Вильна: Русский Почин, 1913 – 28 с.

349. Миловидов А. И. К 50-летию освобождения крестьян Северо-Западного края. / Миловидов А. И. Заслуги графа Муравьева для православной церкви в Северо-Западном крае. – Харьков, 1900. – С. 5 – 56.

350. Миловидов А. И. К 50-летию русской Вильны. – Вильна: Русский Почин, 1914 – 24 с.

351. Миловидов А. И. К историографии Северо-Западного края. – Вильна, 1913. – 8 с.

352. Миловидов А. И. Первая русская газета в Северо-Западном крае («Виленский вестник»). – М., 1902. – 24 с.

353. Миловидов А. И. Прошлое и современное положение археологии в Северо-Западном крае. //ЖМНП. – 1904. - № 9. – Отд. 4 – С. 1-20.

354. Миловидов А. И. Пятидесятилетие «Виленского вестника» русской редакции (историко-библиографический очерк). – Вильна, 1914. – 52 с.

355. Миловидов А. И. Рукописное отделение Виленской публичной библиотеки.: Его история и состав. – Вильна, 1910. – 34 с.

356. Миловидов А. И. Русский календарь в Северо-Западном крае, его история и значение. – Вильна, 1908. – 3 с.

357. Миловидов А. И. Судьба русской книги в Северо-Западном крае в связи с его культурной историей. – СПб., 1903 – 34 с.

358. Миловидов А. И. Три докладные записки бывшего архиепископа Минского Антония Зубко гр. М. Н. Муравьеву (1864). / Миловидов А. И. Заслуги графа Муравьева для православной церкви в Северо-Западном крае. – Харьков, 1900. – С. 38 – 50.

359. Миловидов А.И. Устройство общественного быта крестьян Северо - Западного края при графе М.Н. Муравьеве. - Вильно, 1903. - 35 с.

360. Миловидов А. И. Участие молодежи Северо-Западного края в мятеже 1863 г. и вызванная им реформа местных учебных заведений./ Миловидов А. И. Заслуги графа Муравьева для православной церкви в Северо-Западном крае. – Харьков, 1900. – С. 3 – 38.

361. Миловидов А. И. Церковно-строительное дело в Северо-Западном крае при гр. М. Н. Муравьеве. – Вильна: Русский Почин, 1913. – 51 с. с рис.

362. Милюков П. Н. Главные течения русской исторической мысли. – 3-е изд. – СПб.: Изд. М. В. Аверьянова, 1913. – 342 с.

363. Минская старина: Труды Минского церковного историко-археологического комитета. – Вып. 1-4. – Минск, 1909-1912. – 143 с.+102 с.+107 с.+98 с.

364. Могильницкий Б. Г. О природе исторического познания. - Томск: Изд. Томского ун-та, 1978. – 236 с.

365. Мокряк Е. И. Дневники и мемуары как источник для изучения социальной психологии дворянства России второй половины XIX – начала XX вв.: Автореф. дис... к. и. н. /МГУ/, - М., 1977 – 28 с.

366. Мохначёва М. П. Проблемы истории России в демократических журналах второй половины XIX века. /1859 - 1884/ : Автореф. дис... к. и. н. /МГИАИ/. – М., 1979. – 22 с.

367. Муравьев М. Н. Четыре политические записки 1830, 1831,

1864, 1866 гг. //Русский архив. – 1885. - №6. – С. 161-199.

368. Нарысы гісторыі Беларусі: У.2-х частках. Частка 1 – Мінск: «Беларусь», 1994. – 527 с.

369. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно (далее - НИАБ в Гродно) – Ф.2./ Гродненское губернское правление.1802-1915/.

370. НИАБ в Гродно – Ф.3./ Гродненская губернская военно-следственная комиссия по политическим делам / 1863-1868 /.

371. НИАБ в Гродно – Ф.14./ Гродненский губернский статистический комитет. 1835-1915/.

372. НИАБ в Гродно – Ф.332./ Гродненское дворянское депутатское собрание. 1834-1917/.

373. НИАБ в Гродно – Ф.336./ Гродненское губернское жандармское управление. Конец XIX- нач. XX вв./.

374. НИАБ в Гродно - Ф.1143./ Древние инвентари. 1780-1854/.

375. НИАБ в Гродно – Ф.1663./ Слизни. 1559-1939/.

376. НИАБ в Гродно – Ф.1664./ Быховцы. 1511-1936/.

377. Национальный исторический архив Беларусь г. Минск (далее НИАБ в Минске) – Ф. 21 Минский губернский статистический комитет 1854-1916

378. НИАБ в Минске - Ф. 60. Бел. истпарт, кон. XIX-1930 г.

379. НИАБ в Минске – Ф.277. Витебская ученая архивная комиссия 1905-1914.

380. НИАБ в Минске – Ф.295 / Канцелярия Минского гражданского губернатора 1794-1917

381. НИАБ в Минске – Ф.694 / Радзивиллы XVI в. – 1937.

382. НИАБ в Минске – Ф.1297. Канцелярия генерал-губернатора Витебского, Могилевского и Смоленского. 1802-1856.

383. НИАБ в Минске – Ф.1416. Витебское губернское правление. 1802-1917.

384. НИАБ в Минске – Ф.1430. Канцелярия Витебского гражданского губернатора 1797-1917.

385. НИАБ в Минске – Ф.2001. Канцелярия Могилевского гражданского губернатора 1803-1917.

386. НИАБ в Минске – Ф.2187. Могилевский статистический комитет 1839, 1854, 1864-1917.

387. НИАБ в Минске – Ф.2502. Витебский губернский статистический комитет 1838-1917.

388. НИАБ в Минске – Ф.2790 Витебский центральный архив древних актовых книг Витебской и Могилевской губерний 1862-1903.

389. Наш радавод /Рэд. Д. У. Караў/: Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі «Царква і культура народаў Вялікага княства Літоўскага і Беларусі. XIII – XX стст.» Гродна. 28 верасня - 1 кастр. 1992/. – Кн. 5. – Ч. I – II., Гродна, 1993. – 444 с.

390. Наш радавод /Ред. Д. В. Карев/: Материалы международной научной конференции по региональной истории Восточной Европы. «Культура народов Великого княжества Литовского» - Гродно, 22 – 24. 10. 1991. – Кн. 3. – ч. I – III, Гродно, 1991. – 603 с.

391. Наш Радавод /Сб. статей. Ред. Д. В. Карев/: Материалы I и II Межреспубликанских научных конференций по историческому краеведению Белоруссии. /Радунь. 18 ноября 1988,; Гродно. 28 ноября 1990 г./ - Кн. 2, Гродно, 1990. – 296 с.

392. Нечухрин А. Н. Смена парадигм в российской историографии всеобщей истории /80-е гг. XIX в. – 1917 г./: Автореф. дис... д. и. н. /БГУ/ Мн., 1993. – 49 с.

393. Нечухрын А. М. Гісторыкі заходняй Беларусі XIX – пач. XX ст. (Нарысы) // Наш Радавод. – Кн. 5. – Частка 1. – С. 394 - 442

394. Никулина М. В. Славяноведение в России в первой трети XIX в.: Автореф. дис. К. и. н. /ИСБ АН СССР, - М., 1984. – 22с.

395. Окраины России. - Спб., 1906. - 750 с.

396. Окраины России. - Спб, 1907. - 768 с.

397. Окраины России - Спб., 1908. - 758 с.

398. Окраины России. - Спб., 1909. - 754 с.

399. Окраины России. - Спб., 1910. - 80 с. + 756 с.

400. Окраины России. - Спб., 1911. - 728 с.

401. Окраины России. - Спб., 1912. - 744 с.

402. Описание архива западно-русских униатских митрополитов. – т. 1 – 2. – Вильна, 1897 – 1907. – 502 с. + 1631 с.

403. Описание дел Архива Министерства Народного Просвещения. – Т. 1 – 2. – Пг., 1917 – 1921. – 607 с. + 703 с.

404. Оржеховский И. А. Самодержавие против революционной России. – М.: Мысль, 1982. – 246 с.

405. Орловский Е. Ф. Гродненская старина. – Ч. 1. Город Гродно. – Гродно, 1910. – 344 с.

406. Орловский Е. Ф. Очерк истории города Гродно, составленный на основании печатных источников. Гродно, 1889. – 78 с.

407. Орловский Е. Ф. Памяти М. О. Кояловича. // Литовские епархиальные ведомости. – 1891. - № 35. – С. 12 – 17.

408. Орловский Е. Ф. Свислочь-Волковысская. /Ист. очерк/. – Гродно, 1895. – 40 с.

409. Отдел письменных источников Государственного исторического музея г. Москва / ОПИ ГИМ / - Ф.56. Бессонов П.А. XIX в.

410. Отдел рукописей научной библиотеки Вильнюсского государственного университета г. Вильнюс ОР НБ ВГУ Ф.6 Спрогис Я. 1868-1914.

411. ОР НБ ВГУ – Ф.34. Русское географическое общество Сев.-Зап. отдел 1815-1915.

412. ОР НБ ВГУ – Ф.36. Миловидов А.И.

413. Очерки истории исторической науки в СССР. – Т. 1. – М.: Наука, 1955. – 692 с.

414. Очерки истории исторической науки – Т.2. Под ред. Нечкиной. М.: Изд-во акад. Наук СССР, 1960. – 862 с.

415. Очерки истории исторической науки в СССР. – Т. 3. – М.: Наука, 1965. – 831 с.

416. Падліпскі А. Летпісец Віцебшчыны, - Мн.: Польша, 1993. – 104 с.

417. Паевский Л. Наши провинциальные архивы и их значение для Западно-Русского края. – Гродна, 1894. – 46 с.

418. Пальмов И. Записка об учёных трудах профессора П. Н. Жуковича. // Известия РАН. – 1919. – Т. 13. - № 1. – С. 6 – 7.

419. Пальмов Я. С. /Подпись И. П./Памяти М. О. Кояловича. / М.О.Коялович. История русскрго самосознания: По историческим памятникам и научным сочинениям. – 4 – е изд. – Минск: Лучи Софии, 1997. – С. 5-28.

420. Памяти Помпея Николаевича Батюшкова. - СПб., 1892. - 20 с.

421. Перцаў В. Н. Гістарычная думка у Беларусі у XIX – пач. XX стст. // Весці АНБССР. Сер. Грамад. Навук. – 1957. - №2. – С. 5 – 16.

422. Пичета В. И. Введение в русскую историю. (Источники и историография). – М., 1922 – 212 с.

423. Пичета В. И. История белорусского народа. // Курс белорусоведения. – М., 1918 – 1920. – С. 49 – 57.

424. Пичуков В.П. Общественно-политические позиции легальной периодической печати Беларуси в конце XIX-нач. XX в. Автореф. дис... канд. ист. наук. АН Беларуси. Институт истории, Минск, 1996. – 25 с.

425. Пичета У. Формы нацыянальнага і апазіцыйнага руху на Беларусі. // Польша. – 1924, № 2 /10/ - С. 142 – 162.

426. Полоцко-Витебская старина: Издание Витебской учёной архивной комиссии. - Вып.-2 – 3. – Витебск, 191- 1916. – 231 с. + 302 с.

427. Публицистика белорусских народников. - Минск.: Наука и техника, 1983. – 208 с.

428. Пушкирев Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. - М.: Наука, 1975. - 279 с.

429. Пыпин А. Н. История русской этнографии.- Т. 4. - Белоруссия и Сибирь. – СПб., 1892 - 488 с.

430. Пятидесятилетие (1839-1889) воссоединения с православной церковью западнорусских униатов. Сост. Чистович И.А. – СПб: Синодальная Тип., 1889. - 52 с.

431. Пятидесятилетие Виленской комиссии для разбора и издания древних актов. 1864 – 17. IV. 1914. Юбилейная записка. – Вильна, 1914. - 47 с.

432. *Пятидесятилетие службы Ивана Яковлевича Спрогиса.* – Вильна, 1914. – 42 с.

433. Ратч В. Ф. *Сведения о польском мятеже 1863 г. в Северо-Западной России.* Собрал В. Ратч. – Т. 1 – 2. – Вильно, 1867 – 1868. – 678 с. + 622 с.

434. Резник А. В. *В поисках идеала: Вацлав Ластовский и Александр Цвикевич. Два взгляда на национальный вопрос.* // Европейское время. – 1993. № 5. – С. 10.

435. *Российский государственный военно-исторический архив г. Москва /РГВИА/ - Ф.484. Польское восстание 1863-1864 гг. 1859-1878.*

436. *Российский государственный исторический архив в г. С-Петербурге 437. /РГИА/ - Ф.733. Департамент народного просвещения 1802-1917.*

438. РГИА – Ф.742. Редакция журнала Министерства народного просвещения 1833-1852, 1867-1917.

439. РГИА – Ф.970. Корнилов И.П. 1852-1913.

441. Рубинштейн Н. Л. *Русская историография. Учебное пособие для вузов.* М.: Госполитиздат, 1941. – 660 с.

442. *Рукописный отдел Российской национальной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина г. С-Петербург / РО РНБ / - Ф.80. Бобровский П.О. 1864-1875.*

443. РО РНБ – Ф.377. Корнилов И.П. 1805-1905.

444. РО РНБ – Ф.689. Ратч В.Ф. 1789-1877.

445. Самбук С. М. *Общественно-политическая мысль Белоруссии во второй половине XIX века.* – Мн.: Наука и техника, 1976 – 183 с.

446. Самбук С. М. *Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX в.* – Мн.: Наука и техника, 1976 – 183 с.

447. Самбук С. М. *Революционные народники Белоруссии.* – Минск: Наука и техника, 1972. – 148 с.

448. Самошенко В. Н. *Исторические архивы Москвы и Петербурга. (XVIII – нач. XX вв.)* - М.: Изд. ВЗПИ, 1990. – 212 с.

449. Самошенко В. Н. *История архивного дела в дореволюционной России.* – М.: МГИАИ, 1981. – 80 с.

450. Сапунов А. П. *Архив Полоцкой духовной канцелярии.* – М., 1898. – 103 с.

451. Сапунов А. П. *Архивы в городах Могилёвской губернии и Минске.* – М., 1902. – 14 с.

452. Сапунов А. П. *Витебская старина.* – Т. 1, 4, 5. – Витебск, - 1880 – 1888. – 24, 669 с. + 768 с. + 650 с.

453. Сапунов А. П. *Заметки о коллегии и академии иезуитов в Полоцке.* – Витебск, 1890 – 34 с.

454. Сапунов А. П. *Инфленты. Исторические судьбы края, известного под именем польских инфлент.* - Витебск, 1886. – 143 с.

455. Сапунов А. П. *Исторические отношения Руси Белой и*

Великой. // – Витебск, 1886. – 143 с.

456. Сапунов А. П. Исторический очерк 50-летия Витебского губернского статистического комитета. (22 сент. 1863 – 22 сент. 1913 гг.). – Витебск, 1913. – 37 с.

457. Сапунов А. П. Памятники времени древних и новейших в Витебской губернии. – Витебск, 1903. – 96 с.

458. Сапунов А. П. Польско-литовское и русское законодательство о евреях. – Витебск, 1884. – 103 с.

459. Сапунов А. П. Река Западная Двина. Историко-географический обзор. – Витебск, 1893. – 72 с.

460. Сапунов А. П. Университет в Полоцке. – Витебск, 1908. – 21 с.

461. Саракавік І.А. Беларусазнаўства. Мінск: Веды, 1998. – 281 с.

462. Сарбей В. Т. Очерки по методологии и историографии истории Украины. Киев, 1989. – 242 с.

463. Сахаров А. М. Историография истории СССР. Досовет. Период, М.: Высшая школа, 1978. – 255 с.

464. Сборник документов, уясняющих отношение латинопольской пропаганды к русской вере и народности. /Из исторических материалов, помещённых в «Вестнике Западной России» и по другим печатным источникам/. – Вып. 1 – 2. – Вильно, 1865 – 1866, – 132 с.+ 282 с.

465. Сборник РИО. Т. XXIII. – СПб., 1878 – 642 с.

466. Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России. Составил и издал С. Шолкович. – Вильна, 1867. – 413 с.

467. Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России. Выпуск 1-й. Составил и издал С. Шолкович. – Вильна, 1885. – 325 с.

468. Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России. Выпуск 2-й. Составил и издал С. Шолкович. – Вильна, 1887. – 494 с.

469. Симакова В. А. Русско-белорусские культурные связи конца XIX – нач. XX в.: Автореф. дис. . . . К. и. н. /БГУ/. – Мн., 1986, – 25 с.

470. Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь. – М.: Наука, 1979. – 426 с.

471. Славяноведение в дореволюционной России: изучение южных и западных славян. – М.: Наука, 1988. – 682 с.

472. Солоневич Л.М. Новая роль польской женщины в Белоруссии и Литве. Вильно, 1910. – 30 с.

473. Солоневич Л.М., сост. Краткий исторический очерк Гродненской губернии за сто лет ее существования, 1802-1902. – Гродно, 1901. – 106 с.

474. Спрогис И. Я. Виленские архивы – правительственные,

общественные и другие. – Вильна, 1902. – 14 с.

475. Спрогис И. Я. Виленский центральный архив древних актовых книг. – Вильна, 1901. – 8 с.

476. Спрогис И. Я. Из воспоминаний об И. П. Корнилове. // Зап. Северо-Западного отдела имп. РГО – Кн. 2, - Вильна, 1911, - с. 263 – 275.

477. Съезд преподавателей русского языка и истории средних учебных заведений Виленского учебного округа, происходивших в Вильно в марте 1907. /Журнал заседаний/. – Вильна, 1907. – 39 с., 146 с.

478. Тальвирская Е. Я. Некоторые вопросы общественного движения в Литве и Белоруссии в конце 50-х – начале 60-х годов и подпольная литература. // Революционная Россия и революционная Польша. Вторая половина XIX в. – М.: Соцэкгиз, - 1967. – с. 12 – 28.

479. Тарасаў К. О. Памяць пра легенды: Постаці беларускай мінуўшчыны. – Мн.: Полымя, 1991. – 261 с.

480. Теплова В.А. М.О.Коялович и русская православная историография. // М.О.Коялович. История воссоединения западнорусских униатов старых времен (до 1800 г.) – Минск: Лучи Софии, 1999. - с.385-395.

481. Терешкович П. В. Этносоциальные процессы в Белоруссии в эпоху капитализма: Автореф. дис... к. и. н. /ИИЭ и АНБССР/- Мн., 1987. – 22 с.

482. 30-летний юбилей проф. П. Н. Жуковича. // Церковный вестник. – 1911. - № 36. - С. 115 – 117.

483. Туронок Юры. Загляне Сонца і Вацлаў Іваноўскі. // Спадчына, - 1992. - № 2. – С. 65 – 74.

484. Турок Ф. Белорусское движение. Очерк истории национального и революционного движения белорусов. – М., 1921. – 96 с.

485. Улащик Н. Н. «Минские губернские ведомости» как исторический источник. // Проблемы источниковедения. – Т. 7. - М., 1954. - С. 112 – 148.

486. Улащик Н. Н. Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. – М.: Наука, 1973. – 362 с.

487. Усебеларуская канферэнцыя гісторыкаў: «Гістарычная навука і гістарычная адукацыя у Рэспубліцы Беларусь» (новыя канцэпцыі і падыходы). Мінск 3 – 5 лютага 1993 г. Тэзісы дакладаў і паведамленняў. Ч. I – II / Адк. Рэд. М. С. Касцюк, В. С. Кошалеў, Мінск, 1993. – 263 с.

488. Фёдорова Т. Н. Общественно-политическая мысль в Белоруссии. «Минский листок» (1886 – 1902 гг.) - Минск: Наука, 1966. – 132 с.

489. Филевич И.П. История Древней Руси. Т.1. - Варшава, 1896. - X, 383 с.

490. Филевич И.П. По поводу теорий двух русских народностей. - Львов, 1902. - 59 с.

491. Филевич И.П. Польша и польский вопрос. - М., 1894. - 104 с.

492. Фукс А. Н. Историографическое значение учебников и учебных пособий по русской истории для средних учебных заведений. (90-е гг. XIX – 1917 г.): Автореф. дис... к. и. н. /МГПИ - М., 1983. – 21 с.

493. Харлампович К.В. Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века, отношение их к инославным, религиозное обучение в них и заслуги их в деле защиты православной веры и церкви - Казань, 1898. – 525, 54 с.

494. Харлампович К.В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань: Издание кн. маг. М.А.Голубева, 1914. – 878 с.

495. Хомяков А.С. Сочинения в 2-х т. Т.1 Работы по историософии. М. Медиум, 1994. – 590 с.

496. Цамутали А. Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма. историографические очерки. – Л.: Наука, 1986. – 336 с.

497. Цамутали А. Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. – Л.: Наука, 1977. – 256 с.

498. Цвікевіч А. Г. «Западнарусизм»: Нарысы з гісторыі і грамадскай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX ст. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 347 с.

499. Центральный государственный исторический архив Латвии / ЦГИА Латвии / - Ф.5.г. Рига Спрогис И.Я. 1835-1918.

500. ЦГИА Латвии – Ф.388. Виленский губернский статистический комитет 1835-1896.

501. ЦГИА Латвии – Ф.439. Архив музея графа М.Н.Муравьева, 1840-1915.

502. Центральный государственный исторический архив Литовской республики ЦГИА ЛР – Ф.567. Виленский учебный округ.

503. ЦГИА ЛР – Ф.596. Виленская комиссия для разбора и издания древних актов. Виленская археографическая комиссия 1864-1915.

504. Цікоцкі М. Я. 3 гісторыі беларускай журналістыкі XIX стагоддзя. – Мн., Выд. БДУ, 1960. – 127 с.

505. Цымбаев Н. И. Славянофильство. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1986. – 267 с.

506. Чаквин И. В. Проблемы происхождения белорусской народности. / Историография и опыт изучения процесса этнического формирования/: Автореф. дис... к. и. н. /ИИЭ и ФАН БССР/. – Мн., 1981. – 19 с.

507. Чарапца В.М. Са скарбніцы кніжных паліц. - Мінск, 1994. – 157 с.

- 508.** Черепица В.Н. Михаил Осипович Коялович. История жизни и творчества – Гродно: ГрГУ, 1998. – 328 с.
- 509.** Черепица В.Н. Польское национальное движение в Белоруссии. - Гродно, 1996. – 142 с.
- 510.** Черепица В.Н. Преодоление времени (исторические очерки и миниатюры). - Минск: Бел НИИ ДАД, 1996. – 231 с.
- 511.** Чесноков В.И. Правительственная политика и историческая наука России 60-70-х гг. - Воронеж, 1989. – 207 с.
- 512.** Чистович И. С. Диссидентский вопрос в Польше в первой половине XVIII столетия. – СПб., 1880. – 82 с.
- 513.** Чистович М. Очерк истории Западно-русской церкви. – Ч. 1 – 2. – СПб., 1882 – 1884. – 220 + 419 с.
- 514.** Чыгрынаў П. Т. Грамадская думка ў Беларусі: палтыка-гістарычны аспект. – Мінск, 1996. – 229 с.
- 515.** Шавельский Г. Последнее воссоединение с православной церковью униатов Белорусской епархии (1833-1839 гг.). – СПб. - 1910. – 380 с.
- 516.** Шчарбакоў В.К. Класавая барацьба і гістарычная навука на Беларусі. Мінск: Выд-ва Бел. Акад. навук, 1934. – 105 с.
- 517.** Щербальский П. К. Рассказы о Западной Руси. – М., 1864. – 102 с.
- 518.** Щербицкий О.В. Воспоминания. Письма к редактору газеты «Северо-Западная жизнь» – Вильна, 1912. – 11 с.
- 519.** Щербицкий О.В. Город Брест-Литовский. Исторический очерк. Вильна, 1913.- 48 с.
- 520.** Щербицкий О.В. Русский язык и православная вера в бывшем Литовском государстве. Вильно, 1906. – 16 с.
- 521.** Щербицкий О.В. Суды в бывшем Великом княжестве Литовском. Вильно, 1912. – 79 с.
- 522.** Щербицкий О.В. Судьбы православия и русской народности в бывшем Литовском государстве и в частности в Вильне. – Вильна, 1892. – 26 с.
- 523.** Щербицкий О.В. Что дала православная западнорусская уния? Вильно, 1913. – 59 с.